

STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2022

№ 6 (56) || Ноябрь

#6 (56) || November

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2022-56-6-1-164

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

*докт. филол. наук старший научный сотрудник **А.В. Злочевская***

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

доктор филол. наук, профессор, декан философского факультета университета

им. Палацкого г. Оломоуц Зденек Пехал (Чешская республика)

канд. филол. наук, редактор Е.В. Раздобурдина

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шешкен

канд. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Северная Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Северная Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерёнулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Антон Элиаш, канд. филол. наук, проф., *Университет им. Я.А. Коменского в Братиславе (Словакия)*

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77–53145 от 14.03.2013

© 2013–2022. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

© 2013–2022 Stephanos

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
*Doctor of Philology Senior Researcher **A.V. Zlochevskaya***
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Doctor of Philology Professor Zdeněk Pechal
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

Anton Eliáš PhD, Prof., *Comenius University in Bratislava (Slovenská republika)*
Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of *Lomonosov Moscow State University (North Macedonia)*
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishavska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(North Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание

Статьи

- Тарасова С.М. (Гродно, Республика Беларусь) Межжанровые внутрилитературные модификации современной белорусской поэмы / Міжжанравыя ўнутрылітаратурныя мадыфікацыі сучаснай беларускай паэмы* 9
- Мојсова-Чепишевска В. (Скопје, РС Македонија) Се надминуваат ли воопшто стереотипите? (преку примери од македонската книжевност за деца)*..... 23
- Аиранов Б.П., Курбонова С. (Худжанд, Республика Таджикистан) Морфологические особенности и уровень употребления предлога «бо=с» в таджикском литературном языке XVIII века (на примере исторического произведения «Тухфат-уль-хони» Мухаммадвафо Карминаги)* 29
- Пентковская Т.В. (Москва, Россия) К истории заимствований в русском языке Петровской эпохи: лексема **дервиш***..... 36
- Николенкова Н.В. (Москва, Россия) Диминутивы в истории русского литературного языка: к истории формирования языка русской науки*..... 45

Материалы и сообщения

- Аиранов Б.П. (Худжанд, Республика Таджикистан) Морфологические и семантические особенности и уровень употребления суффикса -гоҳ в «Тарджумай Та'рихи Ямини» Джурфодикони*..... 52
- Черепанова С.Н. (Трнава, Словацкая Республика) «Загадочная натура» «во вкусе Достоевского»: пародия в творчестве А.П. Чехова* 59
- Зайцев Д. (Москва, Россия) Парус в поэтическом воображении И.А. Бунина: динамика образа*..... 67
- Вальтер З.В. (Москва, Россия) Лексико-семантическое поле «власть» в церковнославянских переводах с польского языка XVI–XVII вв. К проблеме адаптирующего перевода* 72
- Лыткина А.В. (Москва, Россия) Разноуровневая экспрессивность англоязычного диалогического дискурса: различия поколений*..... 80
- Мишина Д.И. (Москва, Россия) Развенчание культа романтического героя в балладах А.И. Подолинского* 88
- Чиварзина А.И. (Москва, Россия) Сравнения с основанием «оранжевый», «розовый», «фиолетовый» (на материале балканославянских языков)*..... 94

Шумилова Д.А. (Москва, Россия) Город как пространство аффектов в адаптации «Белых ночей» Ф.М. Достоевского (на материале фильма Л. Квинихидзе) 103

Шутова Л.И. (Москва, Россия) Библейские топосы как маркеры авторского стиля 110

Библиографии

Громова М.М. (Москва, Россия) Библиография исследований русской литературы в Болгарии (2000–2021)..... 117

События. Имена. Судьбы

Шешкен А.Г. (Москва, Россия) Гимн жизни и свету: мозаики Газанфера Байрама 129

Критика. Библиография

Алпатов С.В., Поветкина П.Б. (Москва, Россия) Судьбы рыцарского романа о цесаре Оттоне в России [Рец.: Malek E. «История о цесаре Оттоне» в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов) 134

Антоновски И. (Скопје, РС Македонија) Клучната книга за Блаже Конески и неговото творештво како тестамент – ново капитално дело на современата македонска филологија..... 141

Красовец А.Н. (Москва, Россия) Литературное многоязычие в словенском и австрийском контексте / Под ред. Аленки Корон и Андрея Лебена / Literarna večjezičnost v slovenskem in avstrijskem kontekstu / [uredila Alenka Koron in Andrej Leben]. 149

Моисеева В.Г. (Москва, Россия) Эмоциональное и рациональное в славянских литературах и искусстве: сб. науч. трудов / Под ред. Н.М. Куренной и Д.К. Полякова 156

Мојсова-Чепишевска В. (Скопје, РС Македонија) Прва историја на македонската книжевност од странски македонист (Ала Шешкен. Македонска литература XX – начала XXI века. Очерки истории..... 159

Певак Е.А. (Москва, Россия) Вега Мария (Волынцева [Ланг] М.Н.) Бронзовые часы: Роман в 2-х частях / Посл. М.В. Михайловой и А.Н. Кравцова 162

Contents

Articles

- Tarasava S.M. (Grodna, Republic of Belarus)* Inter-genre Intra-literary Modifications of the Contemporary Belarusian Poem.....9
- Mojsova Chepishavska V. (Skopje, RN Macedonia)* Do Stereotypes Ever Come? (through examples of the Macedonian Children's Literature).....23
- Ashrapov B.P., Kurbonova S. (Khujand, Republic of Tajikistan)* Morphological Peculiarities and the Level of the Preposition "bo=with" Usage in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century (on the example of the historical writing entitled as "Tuhfat-ul-khoni" by Muhammadvafo Karminagi)29
- Pentkovskaya T.V. (Moscow, Russia)* Towards the History of Borrowings in the Russian Language of the Petrine Era: the lexeme *Dervish* 36
- Nikolenkova N.V. (Moscow, Russia)* Russian Language Diminutives in the History of the Russian Literary Language: on the History of Russian Science Language formation.....45

Communications and Materials

- Ashrapov B.P. (Khujand, Republic of Tajikistan)* Morphological and Semantical Peculiarities and Level of Usage of Suffix *-zoʻgoh* in "Tarjumai Ta'rikhi Yamini" by Jurfodiqoni.....52
- Cherepanova S.N. (Trnava, Slovak Republic)* "An Enigmatic Nature" «"in Dostoevsky's Manner": A Parody in A.P. Chekhov Works59
- Zaytsev D.V. (Moscow, Russia)* Sail in the Poetic Imagination of Ivan Bunin: The Dynamics of the Image.....67
- Valter Z.V. (Moscow, Russia)* Lexico-semantic Field "power" in Church Slavonic Translations from Polish 16th–17th cs. To the Problem of Adaptive Translation.....72
- Lytkina A.V. (Moscow, Russia)* Differential Expressiveness of English Dialogical Discourse: the Generational Differences80
- Mishina D. I. (Moscow, Russia)* The Deposing of the Romantic Character's Cult in A.I. Podolinsky's Ballads.....88
- Chivarzina A.I. (Moscow, Russia)* Comparative Constructions "orange as", "pink as", "purple as" (on the material of the Balkan Slavic languages)94

Shumilova D.A. (Moscow, Russia) Affects in the City: Leonid Kvinikhidze's
Film Adaptation of Fyodor Dostoevsky's "White Nights" 103

Shoutova L.I. (Moscow, Russia) Biblical Topos as Markers of the Author's Style 110

Bibliography

Gromova M.M. (Moscow, Russia) Bibliography of Russian Literature Studies
in Bulgaria (2000–2021)..... 117

Events. Names. Destiny

Sheshken A.G. (Moscow, Russia) Hymn to Life and Light: Mosaics
of Gazanfer Bayram..... 129

Critique. Bibliography

Alpatov S.V., Povetkina P.B. (Moscow, Russia) The Destiny of the Chivalric Novel
about Caesar Otto in Russia [Review on: Małek E. Old Russian Translation
of "The Story about Caesar Ottone" and its later adaptations (study and edition)..... 134

Antonovski I. (Skopje, RN Macedonia) The Key Book about Blazhe Koneski
and his Opus as a Will – New Capital Work
in the Contemporary Macedonian Philology 142

Krasovets A.N. (Moscow, Russia) Literary Multilingualism in the Slovenian
and Austrian Context / Eds.: Alenka Koron and Andrey Leben 149

Moiseeva V.G. (Moscow, Russia) Emotional and Rational in Slavic Literature
and Art: Collection of scientific papers / Eds.: N.M. Kurennaya, D.K. Polyakov 156

Mojsova-Chepishchevska V. (Skopje, RN Macedonia) The First History
of Macedonian Literature by the Foreign Macedonist
(Ala Sheshken. Macedonian Literature of the 20th – Early 21st Centuries.
History essays)..... 159

Pevak E.A. (Moscow, Russia) Vega Maria (Volyntseva [Lang] M.N.) Bronze Clock:
A Novel in 2 parts / Afterword by M.V. Mikhailova and A.N. Kravtsov 162

Статъи

Articles

С.М. Тарасова (Гродно, Республика Беларусь)

**Межжанровые внутрилитературные модификации
современной белорусской поэмы / Міжжанравыя ўнутрылітаратурныя
мадыфікацыі сучаснай беларускай паэмы**

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению экспериментальных форм современной белорусской поэмы, которые зафиксированы в литературе рубежа XX–XXI вв. Автор уделяет внимание жанровым модификациям поэмы, образованным путем контаминации различных жанровых элементов. Рассмотренные примеры являются образцом одного из современных типов синтеза – межжанрового внутрилитературного взаимодействия, которое является результатом проявления Новой литературной ситуации. Автором установлено, что современные белорусские писатели, освобождаясь от закрепленных в поэменной традиции жанровых стереотипов, экспериментируют с каноническими чертами поэмы, творчески изменяя и обогащая ее. В статье рассмотрены примеры поэмы-палиндрома, поэмы-эссе, акрапоэмы, поэмы в прозе, поэмы-додзинси-ремейка и др. Это позволяет рассматривать жанр поэмы как сложную и динамическую систему, которая развивается в русле общелитературных процессов.

Ключевые слова: поэма, автор, жанровые модификации, межжанровое литературное взаимодействие, жанровая трансформация, синтез, лирический, эпический элемент, экспериментальность

S.M. Tarasava (Grodna, Republic of Belarus)

Inter-genre Intra-literary Modifications of the Contemporary Belarusian Poem

Abstract: The article is devoted to the consideration of experimental forms of the modern Belarusian poem, which are recorded in the literature of the turn of the 20th – beginning of the 21st c. The author pays attention to the genre modifications of the poem formed by contamination of various genre elements. The considered examples are of the modern types of synthesis – inter-genre intra-literary interaction, which is the result of the manifestation of a New literary situation. The author has established that modern Belarusian writers, freeing themselves from genre stereotypes fixed in the poetic tradition, experiment with the canonical features of the poem, creatively changing and enriching them. The article presents a palindrome poem, an essay poem, an akrapoema, a prose

poem, a doujinshi remake poem, etc. This allows us to consider the genre of the poem as a complex and dynamic system that develops in line with general literary processes.

Key words: poem, author, genre modifications, inter-genre literary interaction, genre transformation, synthesis, lyrical, epic element, experimentality

Працэс жанравага сінтэзу, міжжанравага ўзаемадзеяння быў заўважаны яшчэ ў творчасці рамантыкаў XIX ст. Пазней у тэорыі літаратуры ўзнікла паняцце жанравай мадыфікацыі як відазмянення ў рамках пэўнага жанру, што выяўлялася ў дынаміцы яго кананічнай формы.

Прычынай узнікнення дадзенай з’явы можа быць аб’ектыўная ўнутраная заканамернасць: ідэі, прадыктаваныя новай эпохай, патрабуюць новых жанравых падыходаў, актуалізацыі іншых жанравых сродкаў, эстэтыкі, паэтыкі, традыцый. Гэта, у сваю чаргу, дыктуе спецыфіку выкарыстання асобных мастацкіх прыёмаў, узятых з іншых жанраў, і абумоўлівае працэсы кантамінацыі разнастайных жанравых элементаў і міжжанравага ўзаемадзеяння.

З’яўленне жанравых мадыфікацый таксама дыктуецца прыкметнымі зменамі ў сферы жанравай сістэмы і выяўляецца ў далейшай дэкананізацыі жанраў, што фіксуецца ў рухомасці паэтыкі мастацкай мадальнасці, тыпе апавядальнасці, дынаміцы.

Суіснаванне і ўзаемадзеянне на мяжы XX–XXI ст. самых розных эстэтычных сістэм непазбежна прыводзіць да размывання іх традыцыйных межаў. Пры гэтым абнаўляюцца мова, стыль, жанравыя прыкметы, паэтыка твораў. Характэрнай адзнакай згаданага працэсу ў сучаснай літаратуры стала з’ява міжжанравасці і поліжанравасці. Кожны жанр мае ўплыў і з боку родаў, і з боку сумежных жанраў, і з боку жанраў, традыцыйна суадносных з іншымі родамі. У выніку адбываюцца жанравыя трансфармацыі. Паказальна, што ў навейшай літаратуры з’явы жанравай дыфузіі назіраюцца не толькі ў формах, якія самі ўнутрана былі арыентаваны на рознаўзроўневых сінтэз (паэма, драма), але ў дастаткова ўстойлівых жанравых сістэмах, кшталту рамана, або ў лірыка-паэтычных жанрах: «В лирике могут сходиться как собственно лирические жанры [...], так и лирические с лироэпическими [...]. Возможны и еще более редкие сочетания разностадиальных жанров, принадлежащих к разным художественным системам – фольклорной и литературной»¹. Як вынік гэтага: многія творы часта не ўпісваюцца ў звыклія жанравыя межы.

Навукоўцы канстатуюць, што працэс жанравага ўзаемадзеяння, які прыкметна ажывіўся напрыканцы XX ст., мае свой працяг і ў грамадска-культурных і літаратурных умовах пачатку XXI ст. Актыўнасці дадзенага працэсу спрыяюць новыя абставіны і новыя адзнакі літаратурнага жыцця.

Заўважна, што на этапе мяжы XX–XXI ст. у беларускай паэме выяўляюцца заканамернасці, характэрныя для літаратурнага працэсу ўцэлым. Ва ўмовах дыфузнага стану сучаснага жанравага поля літаратуры паэма ў дастатковай ступені выявіла сваю рухомасць і адкрытасць структуры, не страціўшы пры гэтым сваіх вызначальных, кананічных жанравых адзнак.

На характэрныя змены ў рэчышчы беларускай паэмы ўказаў даследчык А. Бельскі: «Абнаўленне жанравых структур беларускай паэмы адбывалася пастаянна на

¹ Бройтман С. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д. Тамарченко. Т.2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. .

працягу ХХ ст. Не выключэннем стаў сучасны этап развіцця беларускай паэзіі і літаратуры ўцэлым. Эстэтычныя пошукі ў межах і на перасячэнні жанру прывялі да змен, ад агульнапрынятага тэарэтычнага падыходу і ўсталяваных канонаў. Творчая практыка пачатку ХХІ ст. засведчыла пра жанравую дынаміку і трансфармацыю беларускай паэмы, яе жанрава-відавую разнастайнасць»¹.

Суіснаванне ў сучаснай беларускай літаратуры традыцыйнай і авангарднай парадыгмаў даюць падставы вылучыць «традыцыйны» і «авангардны» тып паэмага мыслення.

Шэраг сучасных аўтараў творча рэалізуюць пераважна традыцыйныя парадыгмы і бяруць за арыенцір эстэтычныя набыткі ў жанры паэмы пісьменнікаў-класікаў, якія аддавалі перавагу некананічным жанрам: ліра-эпічнай паэме, лірычнай паэме або драматычнай.

Названыя жанры ўтвараюць своеасаблівы комплекс – класічныя некананічныя або традыцыйныя жанры паэмы. Характэрнай класіфікацыйна-жанравай адзнакай твораў з'яўляецца тое, што іх паэтыка і стыль ўзаемадзейнічаюць на родавым узроўні, выяўляючы тую ці іншую родавую дамінанту.

Другі комплекс утвараюць эксперыментальныя паэмы. Такія творы ўяўляюць своеасаблівы мастацкі эксперымент як у форме, так і ў змесце. Іх спецыфіку вызначаюць не родавыя, а асобныя жанравыя адзнакі, што абумоўліваюць утварэнне своеасаблівай сінтэтычнай формы. У рэчышчы сучаснай эксперыментальнай паэмы можна вылучыць наступную тыпалогію: паэмы, дзе дамінантна выяўлена міжжанравае ўнутрылітаратурнае ўзаемадзеянне і паэмы з дамінантай фальклорна-літаратурнага ўзаемадзеяння.

Такі падзел дазваляе не толькі ўстанавіць спецыфіку кожнага жанравага ўтварэння паэмы, але і вызначыць агульныя тэндэнцыі развіцця паэмы ўцэлым і жанравай сістэмы літаратуры ўвогуле.

У беларускай паэме здаўна выяўляўся патэнцыял міжжанравага ўзаемадзеяння. Асобныя элементы блізкародавых жанраў маглі арганічна спалучацца з уласнапаэмнымі. Працэс утварэння жанравых мадыфікацый назіраецца ў беларускай паэме яшчэ ў пачатку ХХ ст. Так даследчык паэмы М. Лазарук вылучае сярод твораў Янкі Купалы такія жанравыя разнавіднасці, як паэмы-балады, паэмы-трагедыі («Зімою», «Нікому», «Калека» і інш.). Працэс міжжанравага ўзаемадзеяння праявіў сябе і пазней у творчасці пісьменнікаў 20–30-х гг. ХХ ст (паэмы У. Дубоўкі, Язэпа Пушчы, У. Жылкі). У 60–70-я гг. ХХ ст. праявы міжжанравага ўзаемадзеяння былі не частай з'явай, але сінтэзаваныя формы паэмы працягвалі ўзнікаць у творчасці беларускіх аўтараў. У выніку ў беларускай паэме з'явілася форма паэмы-прыпавесці (А. Куляшоў «Цунамі»), паэмы-рэквіема (П. Броўка «Голас сэрца»). Асаблівую актыўнасць у стварэнні жанравых мадыфікацый выявілі аўтары беларускіх паэм на этапе 80–90-х гг. ХХ ст.

Гэта можна патлумачыць тым, што новыя кардынальныя моманты і зломы лёсу нашага народа» (М. Арочка), выяўленыя ў паэмах тагачасных аўтараў, патрабавалі і новай мастацкай формы

Заўважна, што многія аўтары, у тым ліку В. Аколава, Э. Акулін, В. Жыбуль, М. Мартысевіч, імкнуцца не толькі апісаць новыя з'явы і падзеі, але і перадаць светаўспрыманне чалавека, які стаіць на парозе новага веку, выявіць складаны

¹ Бельскі А. Беларуская паэма пачатку ХХІ стагоддзя: жанравая дынаміка, тыпалагічны аспект // У ракурсе сучаснага асэнсавання: міжжаф. зб. навук. пр. / МДУ імя А.А. Куляшова. Вып. 7. Магілёў, 2014. С. 98–105.

комплекс супярэчлівых адчуванняў: надзеі і адчаю, страху і веры ў будучыню. У творах узмацняецца суб'ектыўны пачатак, на першы план вылучаецца асабістае светаадчуванне аўтара-наратара.

Несумненна, што гэтае «трывожнае філасафічнае спасціжэнне трагізму ў лёсе народа, чалавека як носьбіта нацыянальнага духу і чалавечнасці» (М. Арочка) і дыктавала адметны характар выяўлення, выкарыстання асаблівых паэтычных сродкаў, прыёмаў, а таксама абумовіла працэсы кантамінацыі жанравых элементаў. Гэта слухна адзначана А. Бельскім пры разглядзе набыткаў беларускай паэмы канца ХХ ст.: «Сучасная беларуская паэма – у значнай ступені жанр сінтэтычны, яна разнастайная сваімі формамі і жанравымі адгалінаваннямі: ліра-эпічная, лірычная, драматычная, ліра-публіцыстычная, ліра-драматычная, лірыка-філасофская і інш.»¹.

Тэкставы аналіз паэм паказвае, што ў жанравай структуры твораў адбываецца ўзаемапранікненне мастацкіх і публіцыстычных элементаў, ажыццяўляецца сінтэз лірычнага і эпічнага пачаткаў, актуалізуюцца духоўныя і фальклорныя жанры ў рамках сучасных апавядальных формаў, узрастае роля аўтара, паслабляецца залежнасць яго ад традыцыйнай мадэлі жанру. Выяўленыя заканамернасці аргументуюць выснову аб *працэсе ўтварэння жанравых мадыфікацый у сучаснай беларускай паэме*.

Даследчык В. Рэдзкін указвае на падобныя тэндэнцыі і ў сучаснай рускай паэме: «Новаторские черты современной поэмы проявляются в поисках жанрово-стилевых структур, создании жанровых форм, которые обусловлены углубленным пониманием художником концепции мира и человека, его заинтересованным отношением к выявлению социальной действительности, новым типом поэта-гражданина. Различные художественные формы, в том числе и жанр, содержат в себе исторически повторяющиеся, типологические черты, но каждый художник в определенном произведении в силу своих творческих возможностей и меры таланта развивает те или иные формы, внося в них нечто новое, своеобразное видение и воплощение окружающего мира, современности»².

Новыя жанравыя разнавіднасці паэмы, у якіх выяўляецца творчая індывідуальнасць мастака, уяўляюць несумненую цікавасць для даследчыкаў. Агляд твораў паэмнага жанру ў беларускай літаратуры 80–90-х гг. ХХ ст. пацвярджае пашырэнне працэсу жанравага эксперыментавання як у творчасці асобных пісьменнікаў, так і ў літаратуры ўцэлым.

Жанравыя эксперыментальныя мадыфікацыі паэмы сталі прыкметнай з'явай у творчай парадыгме Р. Барадуліна, які і ў паэзіі часта здзіўляў чытачоў сваімі жанрава-фармальнымі пошукамі. Паэт досыць часта самастойна вызначаў жанравую адметнасць сваіх паэм. Так «Слухаючы мора» аўтар пазначыў як «хваля-паэма», падкрэсліўшы гэтым адметную інтанацыйна-гукавую інструментарную твора. У паэме сапраўды прыкметнае месца належыць эксперыменту з гукапісам. Паэтычны прыём з паўторам гукаў імітуе шумы воднай стыхіі: на пачатку паэмы паўтор гука р перадае эфект бурнага і неспакойнага мора:

Мора – чарупіна Бога,
якую ў гуморы Усявышні
прыкладвае да вуха,
каб пачуць, як гудзе трывога³.

¹ Бельскі А. Вывучэнне творчасці пісьменнікаў: класікі і сучаснікі ў школе. Мінск, 2005. С. 246.

² Редькин В.А. Русская поэма 1950–1980 гг.: Жанр. Поэтика. Традиции: Монография / В.А. Редькин. Тверь: ТГУ, 2000. 255 с.

³ Барадулін Р. Міласэрнасць плахі: кніга паэзіі. Мінск, 1992. С. 29.

У апошняй страфе паэмы таксама паўтор, але ён сцішаны і спакойны:

Толькі цішыня са скрухаю сам-насам
слухае, як шумяць беспрытульныя думкі
мора¹.

Аднак, паэма Р. Барадуліна не з'яўляецца пейзажнай замалёўкай: згаданыя дэталі воднай прасторы (хвалі, пясок) уключаны ў асацыятыўна складаную вобразна-метафарычную сістэму:

Як камень-лізун карова,
мора языком ад пяску казытлівым
бераг ліжа, жмурачыся
белаброва².

Мора для паэта становіцца аб'ектам паэтычнага сузірання, з ім звязана шмат асацыяцый, далёкіх і блізкіх, успамінаў з вясковага дзяцінства, жыццёвых назіранняў і філасофскіх высноў. Паэма мае страфічную будову, але кожная частка з'яўляецца ўзорам свабоднай паэтычнай формы, больш блізкай да вольнага верша, што таксама дазваляе гаварыць аб яе эксперыментальнасці. Строфы барадулінскай паэмы вылучаюцца афарыстычнасцю і лаканічнасцю выказвання. Адметна, што кожная з іх можа стаць нагодай для філасофскага разважання рэцыпента. У творы выразна праяўляюцца адзнакі, што вельмі блізка суадносяцца з жанрам эсэ – твора, «выражаюцего индивидуальные впечатления и соображения по конкретному поводу или вопросу и заведомо не претендующее на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета»³. Натуральна, паэма не губляе і сваіх першасных жанравых адзнак: выяўляе разгорнутае адлюстраванне падзей, пачуццяў, эмоцый, выяўленых праз маштабныя вобразы і шматзначныя сімвалы. Ацэньваючы фармальныя адзнакі паэмы можна абзначыць стварэнне паэтам такой міжжанравай унутрылітаратурнай мадыфікацыі, як паэма-эсэ.

«Смаргонская акадэмія» Р. Барадуліна вызначана пісьменнікам як «наравістая паэма», у якой валадарыць «гулліва-смахавая стыхія». Як твор, які належыць да сатырычнага напрамку, паэма ўжо ўтрымлівае ў сабе рысы сінтэтызму, бо сродкі сатырычнага выяўлення пачынаюць цесна ўзаемадзейнічаць з элементамі іншага абранага аўтарам жанру. Гэту адзнаку дакладна падкрэсліў М. Стральцоў: «Тут, канечне, шмат прасторы для сатыры і гумару, і паэт напоўніцу і бліскача карыстаецца сваімі, створанымі ім жа самім магчымасцямі. Пісаць пра гэту барадулінскую рэч цяжка, яе трэба чытаць, ап'яняючыся рытмам, досціпам, гукапісам, рызыкаўным часта жартам, намёкам, злой філіпікай у блюзнерскім уборы, чытаць, здзіўляючыся невычэрпнай фантазіі аўтара, ягонаму валоданню ладам ды складам скамарошнага, батлечнага раёшніка, дзейства, пераўвасаблення»⁴.

Выкарыстаныя пісьменнікам сродкі сатырычнай тыпізацыі ўражваюць сваёй разнастайнасцю і яркасцю ўвасаблення. Адметная роля належыць гратэску, пры дапамозе якога абмаляваны вобразы паэмы (скамарохі, «навукоўцы»). Асабліва гратэскава апісана ў паэме сцэна абароны дысертацыі з уласцівымі для яе атрыбутамі дыскусіі, банкету і інш. Гратэск набывае адценне карыкатурынасці, калі

¹ Тамсама. С. 32.

² Тамсама. С. 29.

³ Літаратурная энцыклапедыя тэрмінаў і паняццяў / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научной информации по общественным наукам РАН. М., 2001. С. 1246–1247.

⁴ Стральцоў М. Ад маладзіка да поўні // Барадулін Р. Выбраныя творы: У 2 т. Т. 1. Мінск, 1984. С. 23.

апісваецца вобраз паэта-лірыка: «Абсмоктвае кожную фразу // Як тлустыя бітлы патлы свае»¹.

Гратэскавасць у паказе вобразаў скамарохаў іншая – камічнае спалучаецца з натуралізмам жыцця, з народна-смахавым бачаннем свету.

Камічнага эфекту і эмацыянальнага ўздзеяння дасягае паэт з дапамогай гіпербал, параўнанняў, эпітэтаў, знарок грубых прастамоўяў, згушчана-сатырычных фарбаў («стаптаўся знізу паляшук, / а зверху вошы з'елі»). Жывяць, узбагачаюць паэтыку і структуру паэмы элементы пародыі, байкі, каламбуры. Парадыйныя элементы прасочваюцца ва ўжо згаданай сцэне абароны, дзе аўтар удала абыгрывае стэрэатыпныя фразы і выразы:

Апаненту даецца слова
(на сэрцах адлега!)
Мы робім правільны вывад
З заслуханага ўсяго,
Калі прызнаем, што шаноўны калега
На гэтай тэме сабаку з'еў...²

Алегарычныя вобразы (мядзведзі, сабакі) ў паэме нагадваюць баечных персанажаў, за якім выразна праглядаецца знаёмы навакольны свет людзей і іх няпростыя ўзаемаадносіны.

Паэма «Смаргонская акадэмія» паводле жанравай прыналежнасці вызначаецца як паэма-фрэска. Стварэнне падобнай формы абумоўлена наяўнасцю шматлікіх жанравых кампанентаў, якія ў сваім мастацкім узаемадзеянні і складаюць адпаведны сінтэзаваны жанр. Гэта яшчэ адзін прыклад міжжанравых унутрылітаратурных мадыфікацый паэмы.

У беларускай літаратуры мяжы стагоддзяў прыкметнае месца займаюць арыгінальныя формы паэмы А. Разанава. Яго творы, па слушным меркаванні А. Івашчанкі, «гэта таксама свайго роду эксперыментальныя формы, для якіх аўтар яшчэ не шукае спецыяльнай жанравай пазнакі, але пэўнае канцэптуальнае аб'яднанне робіцца праз загаловак: «Паэма» плюс назоўнік у родным склоне»³ – «Паэма рыбіны», «Паэма рэха», «Паэма сланечніка».

Е. Лявонава таксама звярнула ўвагу на жанравы бок паэм А. Разанава. Творы, што ўвайшлі ў кнігу «Паляванне ў райскай даліне» – «Паэма пагашаных люстэрак», «Паэма парушанай мяжы», «Паэма чырвоных вяронак», – даследчыца лічыць магчымым вызначаць «і як лірычныя споведзі, і як філасофскія паэмы, і як своеасаблівыя антыутопіі»⁴. Пры гэтым даследчык робіць агаворку: «...постмадэрнісцкія творы маюць характар, у пэўным сэнсе, эклектычны, што ніяк не стасуецца ні з паэмамі, ні з мініяцюрамі А. Разанава...»⁵.

Зважаючы на назву твораў А. Разанава «Рагвалод», «Усяслаў Чарадзей» і на заяўленую гістарычнасць, паэмы можна б было аднесці да адной з жанравых разнавіднасцей гістарычных паэм – паэмы-біяграфіі ці гісторыка-філасофскай паэмы. Але абедзве разнавіднасці, як правіла, будуецца на сюжэтна-падзейнай аснове, і таму патрабуюць значна большай ступені апавядальнасці, чым гэта

¹ Барадулін Р. Збор твораў: У 5 т. Т. 3: Паэмы. Вершы. Мінск, 1999. С. 191.

² Тамсама. С. 101.

³ Івашчанка А. Паэтыка Алеся Разанава: між медытацыяй і рацыяй: манаграфія. Мінск: БНТУ, 2008. С. 49.

⁴ Лявонава Е. «Паэзія не хлеб надзённы, але – надзейны»: Алесь Разанаў і постмадэрнізм // Роднае слова. 1998. № 6. С. 43.

⁵ Тамсама. С. 44.

ўласціва паэмам А. Разанава. З гісторыка-філасофскай паэмай творы збліжаюцца імкненнем аўтара да «спасціжэння філасофіі гісторыі і сувязі часоў, асэнсавання месца і ролі асобы ў гістарычным працэсе...»¹. У той жа час відавочна, што А. Разанаў у паэмах «Рагвалод», «Усяслаў Чарадзей» не проста спяшаецца падаць гістарычную інфармацыю, а ставіць перад сабой больш складаную задачу: узнавіць не аб'ектыўную рэальнасць, а рэальнасць іншага роду – унутраныя інтуітыўныя працэсы «Я»-суб'екта, носьбіта думкі. Яго канцэпцыя быцця сусвету і чалавека ў ім у значнай меры пераважае над аб'ектыўным паказам падзей жыцця славытых герояў – князёў Рагвалода і Усяслава, а эпизоды іх біяграфіі з'яўляюцца толькі элементамі плыні разважанняў «Я»-суб'екта.

Несумненна, сфармуляваная пісьменнікам задача і вызначыла спецыфіку жанравай формы твораў. Нягледзячы на тое, што ў іх назвах паняцце «паэма» не ўжыта, сумнення ў іх жанравай прыналежнасці няма. Тут прысутнічаюць такія адзнакі паэмнага жанру, як дастаткова вялікі аб'ём тэксту, вершаваная форма, выяўленне поліфанічнай, складанай дынамікі пачуццяў, настрояў, думак. І ў той жа час паэмы А. Разанава з'яўляюцца узорам спецыфічнай унутрылітаратурнай жанравай мадыфікацыі. Вызначыць яе адметнасць магчыма, звярнуўшыся да разгляду некааторых жанраўтваральных адзнак.

Адным з важных жанраўтваральных элементаў твора з'яўляецца канфлікт. Як сведчаць назіранні, у паэмах А. Разанава свая спецыфіка і нюансоўка канфлікту.

У тэорыі літаратуры тэрмін «канфлікт» абазначае супярэчнасць, сутыкненне (калізія) паміж выяўленымі ў творы групамі дзеючых асоб, героем і грамадствам, проціборства характараў, ідэй, настрояў»². Але такога роду канфлікт больш адпавядае кананічнай паэме. У творах паэмнага жанру А. Разанава «Рагвалод» і «Усяслаў Чарадзей» такога канфлікту не назіраецца, бо аўтар акцэнтуюе ўвагу не на гістарычных калізіях, а на тым, што можа быць успрынята як нейкая пазачасавая дамінанта пэўнай чалавечай свядомасці. Канфлікт трэба шукаць ва ўнутраным свеце «Я»-суб'екта, у яго адносінах да рэчаіснасці. Для перадачы рухомай чалавечай думкі, якая «імкнецца агарнуць сабой увесь Сусвет»³, аўтар мадэлюе сітуацыю канфліктнага светаадчування асобы, у якой судакранаюцца разуменне зямнога жыцця чалавека і спасціжэнне вечнасці.

Неабходна падкрэсліць, што ў арганізацыі мастацкага свету такога твора важную ролю адыгрывае не сюжэт, а кампазіцыя, у якой першаснае значэнне і цэласнае выяўленне мае ідэйна-эмацыйны настрой героя, наратара, выразніка аўтарскай пазіцыі.

Названыя паэмы А. Разанава складаюцца з асобных фрагментаў-частак (у паэме «Рагвалод» іх – 14, у паэме «Усяслаў Чарадзей» – 81). Яны аказваюцца рознымі па форме і аб'ёме, але пазначаны ўнутраным адзінствам. Тэматычную цэласнасць забяспечвае «Я»-суб'ект, наратар, які ацэньвае, аналізуе, успамінае. Яго пачуцці і перажыванні раскрываюцца ў суаднесенасці з той сістэмай каштоўнасцей, якія з'яўляюцца агульнапрынятымі для ўсёй людскай супольнасці. Медытатыўныя адступленні спалучаюцца з апавядальнымі элементамі, паміж якімі няма строгіх межаў. Напрыклад, у паэме «Рагвалод»:

¹ Кісліцына Г. Алесь Разанаў: праблема мастацкай свядомасці. Мінск: Беларуская навука, 1997. С. 135.

² Лазарук М.А., Ленсу А.Я. Слоўнік літаратуразнаўчых тэрмінаў. Мінск, 1996. С. 117.

³ Ваішчанка А.С. Паэтыка Алесь Разанава: між медытацыяй і рацыяй: манаграфія / Нав .рэд. М.А. Тычына. Мінск: БНТУ, 2008. С. 110.

Магчымасць
пярэчыць магчымасці
і брат – брату.

І тое, што настае,
вышэй і важней за тое,
што ўжо настала.

Але табе з дзвюх магчымасцяў
трэба
выбраць адну
і з двух
аддаць аднаму перавагу.¹
ці ў паэме «Усяслаў Чарадзей»:
Уклаў у Сафію
Сваю душу,
І калі
Звоняць званы,
Дзе б ні быў,
Усё роўна чуеш.

У намаганнях і ў спробах
Жыццё
Набывае ўсё больш аблічча,
Што даспадобы
Яму самому².

Так канкрэтны факт жыцця героя, пераасэнсаваны і пераствораны эстэтыкай і творчай аўтарскай свядомасцю набывае новы змест, становіцца фактам-сімвалам, фактам-легендай.

Думаецца, што і заяўленыя аўтарам у назве паэм імёны герояў «Рагвалод», «Усяслаў» можна лічыць ключавымі словамі-сімваламі, якія «з'яўляюцца зыходнымі пунктамі тэкстаўтварэння»³.

Заўважана, што вобразы і матывы, заяўленыя пісьменнікам у папярэдніх творах паэмнага жанру, маюць працяг і развіццё ў наступных. Лейтматывам, які пранізвае паэмы А. Разанава, з'яўляецца дарога, шлях: Вобраз-матыў шляху адзін з дамінуючых і сэнсаваёмістых у творчасці А. Разанава. Важнае ідэйнае напам'яненне ён мае і ў паэме «Рагвалод»:

Плыў у наступнасць –
да Кіева і да самога
Цар-горада –
і ўзрушаў прастору крывіцкай гаворкаю,

а цяпер
мусіш ісці і высільвацца,
і цягнуць
волакам човен...⁴

¹ Разанаў А. Каб мелі шчасце ўваскрашаць і лётаць: паэмы. Мінск: Логвінаў, 2006. С. 82.

² Разанаў А. Каб мелі шчасце ўваскрашаць і лётаць: паэмы. С. 103.

³ Вітка В. Традыцыя, пошук, эксперымент: Слова ў вершы. Артыкул першы // Літаратура і мастацтва. 1984. 27 студзеня. С. 5.

⁴ Разанаў А. Каб мелі шчасце ўваскрашаць і лётаць: паэмы. С. 85.

Дарога, шлях у паэмах, як і ва ўсёй мастацкай сістэме А. Разанава выступаюць метафарамі чалавечага жыцця з непрадбачанымі сустрэчамі, нечаканымі паворотамі лёсу. У паэме «Усяслаў Чарадзеі» сустракаем падобны матыў:

Накрэсліваюць шляхі
У кнізе свайго жыцця
Свае думныя ўзоры¹.

Але ў іншым выпадку прамаўляецца:

Чалавек –
Гэта шлях,
Які трэба прайсці,
Магчымасць,
Якую трэба ўвасобіць?!²

Тут вобраз шляху ўспрымаецца як «вобраз чалавечага развіцця, у якім адлюстравана бясконцасць самога чалавека»³. Для таго, каб стварыць мастацкую карціну жыцця Сусвету, паэт карыстаецца цэлай групай скразных вобразаў і матываў: сну, стралы, рэха і інш. Яны пераплятаюцца, набываюць шырыню, выяўляючы неаслабны драматызм быцця асобы ў часе і прасторы.

Такім чынам, паэмы А. Разанава «Рагвалод» і «Усяслаў Чарадзеі» сведчаць пра майстэрства пісьменніка ўдала сінтэзаваць класічныя элементы (зварот да знакавых асоб гісторыі, выяўленне выключных момантаў жыцця) і новыя мастацкія прыёмы, суадносныя з жанрам сучаснай паэмы (эклектычнасць, асацыятыўнасць, шматзначная сімволіка). Ён стварае сваю паэму, свой жанр. Улічыўшы спецыфіку выяўлення гістарычных рэалій і асоб у названых творах А. Разанава, іх можна разглядаць як узор сімволіка-філасофскай паэмы, як яшчэ адзін арыгінальны вяртынт унутрылітаратурнай жанравай мадыфікацыі.

У творцаў маладзейшага пакалення таксама выяўлена неаслабнае імкненне да ідэйна-эстэтычнага і фармальна-выяўленчага пошуку, што ўплывае на жанравую трансфармацыю паэмы. Пры гэтым становіцца відавочным жаданне аўтараў творча рэалізаваць жанравы патэнцыял паэмы і родавую разнастайнасць літаратуры.

У кнігу Э. Акуліна «Крыло анёла» ўключана паэма «Шлях да Радзімы», жанр якой аўтар вызначыў як акрапаэма. Гэта своеасаблівы жанравы ўнутрылітаратурны гібрыд, які сінтэзуе ў сабе характэрныя рысы акраверша, паэмы і вянка санетаў. Твор прысвечаны М. Багдановічу. Яго вядомы санет «Паміж пяскоў егіпецкай зямлі...» з'яўляецца магістралам у вянку санетаў. Кожны санет пачынаецца Багдановічавым радком, тэму якога далей развівае аўтар. У эксперыментальнай форме захаваны і ўласна паэмныя жанравыя адзнакі: ідэйна-змястоўную аснову твора складаюць разгорнутыя ў часе разважанні лірычнага героя. Аўтарская думка сканцэнтравана ў шматзначных вобразах-сімвалах (груганы, цемра, званы, васілёк). У сінтэзаванай форме паэмы рэалізуецца думка пра гістарычныя і духоўныя выпрабаванні беларускага народа на шляху да ўсведамлення ім сваёй нацыянальнай годнасці.

Сваю сінтэзаваную форму паэмы прапанаваў паэт В. Жыбуль, стварыўшы форму паэмы-паліндрома «Рогі гор», «Кацёл клёцак», «Палігон ног і лап». Творы пабудаваны на гульні слоў, кожны радок у іх чытаецца злева направа і справа налева, пры гэтым аўтар імкнецца захаваць і сюжэтнае адзінства. Больш за тое, паэма

¹ Разанаў А. Каб мелі шчасце ўваскрашаць і лётаць: паэмы. С. 98.

² Разанаў А. Каб мелі шчасце ўваскрашаць і лётаць: паэмы. С. 110.

³ Адамовіч Г. В глыбь образа // Неман. 1982. №12. С. 160.

«Кацёл клёцак» дастаткова вялікая па аб’ёме, але лексічна-гукавы рух стварае адмысловую упарадкаванасць. Паэмы розныя па аб’ёме, але ў іх дакладна праявіліся характэрныя жанравыя адзнакі. Так у аснове паэм дакладнае пазнаецца разгорнуты сюжэт. Напрыклад, сюжэтам у паэме «Кацёл клёцак» становяцца гастранамічныя сітуацыі, у якіх задзейнічаны шматлікія героі-персанажы. У паэме знаходзіцца месца аўтарскім адступленням і лаканічным каментарам. Дынамічнасцю сюжэта вылучаецца і паэма «Палігон ног і лап». Творы адрознівае асаблівы моўны стыль, насычаны метафарамі («тэмп мэт», «лёсы сёл»), элементамі паэтычнага сінтаксісу («а гаду – самасуд, ага?»). Мастацкае спалучэнне разнажанравых элементаў засведчыла ўнікальныя магчымасці паэмы шматсэнсава і глыбінна выяўляць аўтарскае светабачанне.

Арыгінальнай эксперыментальнай спробай стварыць яшчэ адну ўнутрылітаратурную жанравую мадыфікацыю паэмы можна назваць твор А. Бязлепкінай «Такі час», пазначаны як паэма ў манавершах:

I. Мы ўсе калісь гулялі ў партызан...

II. Я – у дзяцінстве, у юнацтве – вы.

III. Вы не паспелі вылезці з акапа...

IV. Кантузія. Здаецца, назаўсёды.

V. Я людзям раскажу, што вы былі героем!

VI. Дванаццаць подзвігаў. А мо яшчэ прыдумаць?¹

Аўтар артыкула «Манаверш у сусветнай і беларускай літаратуры» В. Жыбуль выказвае сумненне наконт правамоцнасці такога абазначэння: «Аднак ці ўсе радкі-разьдзелы «паэмы» з’яўляюцца манавершамі? Ці ўсе яны ёсць закончанымі выслоўямі? Асабліва спрэчным выглядае другі радок, калі толькі не разумець яго як «Я [у гэты момант знаходжуся] у дзяцінстве (у стане дзяцінства), у юнацтве (у стане юнацтва) – вы»². Але ж заўвага датычыць не фармальнай з’явы – паэма ў вершы, а самой вершаванай формы. Відавочна, мы маем узор жанравай мадыфікацыі, прасутнасць якой выказаўся расійскі даследчык Дз. Кузьмін: «Художественный эффект в большинстве подобных текстов возникает за счет напряжения между предьявленной стихотворной миниатюрой и концептом большого жанра: содержание единственной фразы полагается эквивалентным содержанию крупного произведения, объемный текст присутствует в миниатюре в «свернутом» виде»³.

Бясспрэчна, у асобных выпадках яўна бачыцца жаданне аўтараў творча, эстэтычна індывідуалізаваць жанр. Прыведзеныя прыклады з’яўляюцца праявамі ўнутрылітаратурных эксперыментаў, жанравага сінкрэтызму, у якім праз жанравыя абазначэнні пісьменнікаў выяўляецца адметнасць аўтарскай эстэтыкі і паэтыкі, напрамкі жанравых пошукаў.

На мяжы стагоддзяў у паэзіі дакладна абазначылася тэндэнцыя да празаізацыі тэксту. Закрануў гэты працэс і паэмны жанр. Сінтэз лірычных і эпічных адзнак абумовіў своеасабліваю форму, якая дэманструе актыўнае ўзаемадзеянне паэмы з жанрамі прозы – апавяданнем, навэлай. Так, у 90-я гг. XX ст. ў літаратуры праявіла сябе асобая разнавіднасць – *паэма ў прозе*, прыклад якой даў у сваёй кнізе «Ахвярны дом» Я. Сіпакоў, па-мастацку асэнсаваўшы ў творах трагедыі розных

¹ Бязлепкіна А. Такі час: паэма ў манавершах // Роднае слова. 2006. № 5. С. 29.

² Жыбуль В. Манаверш ва ўсясветнай і беларускай літаратуры: baj.by/belkalehium/lekcyji/litaratura/zhybul09.htm (дата звароту: 18.02.2014).

³ Кузьмін Д.В. Жанр в русском моностихе // Жанрологический сборник. Вып. 1. Елец: ЕГУ имени И.А. Бунина, 2004. С. 102.

народаў: землятрус у Арменіі (паэма «Ахвярны дом»), чарнобыльскую катастрофу (паэма «Одзіум») і інш.

Працэс абнаўлення традыцыйных жанравых форм мае свой працяг і ў творчасці беларускіх пісьменнікаў пачатку XXI ст. На новым этапе развіцця літаратуры менавіта ў жанравых мадыфікацыях паэмы ярка праявіла сябе паэтыка постмадэрнізма з яе нявызначанасцю, прыёмамі гульні, стылёвым сінкрэтызмам. Такім чынам аўтары імкнуцца пашырыць сэнсавае поле тэкста, дэманструюць творчую разняволенасць, пошук новых форм мастацкага самавыяўлення.

Прыкладам жанравага сінтэзу на сучасным этапе з'яўляецца і драматычная паэма. Яна выявіла дзве адметныя тэндэнцыі, якія даследчыкі называюць «тэатралізацыя» (узаемадзеянне літаратурных жанраў і форм тэатральнага мастацтва) і «драматызацыя» (узаемадзеянне лірычных, драматычных, эпічных жанраў), якія часта выступаюць у цесным узаемадзеянні. Цікавай ў жанравых адносінах з'яўляецца паэма В. Аколавай «Нарачанскія песні любові», пра якую даследчык А. Бельскі зазначае, «гэтая рэч можа разглядацца як паэтычна-музычна-сцэнічны твор»¹.

Адметнай з'явай у сучаснай беларускай літаратуры стала яшчэ адна паэма В. Аколавай «Палачанка Ірэна або вяртанне Скарыны». Па аўтарскім вызначэнні, гэта фантастычная паэма-п'еса. Такім чынам, у творы паяднаны элементы некалькіх самастойных жанравых форм. Аўтар пабудавала паэму ў выглядзе драматызаванай казкі-фантасмагорыі. На спакутаную ад працяглага ўладарства карліка-вядзьмара полацкую зямлю прылятаюць марсіяне-прышэльцы, каб вызваліць з палону зачараваную ведзьмаром палачанку Ірэну. Але перамагчы ўсталяванае зло няпроста, і толькі вернутыя з далёкага небыцця Еўфрасіння і Скарына ратуюць радзіму ад жорсткага і ганебнага владарства. Твор насычаны вялікай колькасцю персанажаў, аўтар падае разгорнутыя і падрабязныя рэмаркі. Нягледзячы на тое, што ў творы пазначаны час і месца дзеяння – 1690 г., Полацк, у паэме дамінуе ўмоўнасць і сімволіка. Аўтарская пазіцыя рэалізуецца праз гістарычны каларыт, філасофска-абагуленыя маналогі герояў, праз сістэму ўмоўных вобразаў. У творы захавана вершаваная форма і дыялогавая будова. Сінтэзаваная форма паэмы В. Аколавай дакладна выяўляе схільнасць аўтара да жанравага эксперыменту.

Дастаткова адметным узорам міжжанравага ўзаемадзеяння можна лічыць *паэму-казанне* У. Завальнюка «Так хацеў Бог!», якая прадстаўляе мастацкую форму, у якой назіраецца не толькі ўзаемадзеянне двух родавых сістэм: эпікі і лірыкі, але і міжжанравы сінтэз. У творы па-мастацку ўзаемадзейнічаюць уласнапаэмныя адзнакі (сюжэтнасць, эматыўнасць) з іншымі жанравымі элементамі, што бяруць выток з духоўнай літаратуры.

Жанр казання суадносіцца з прапаведніцкай літаратурай Старажытнай Русі і характарызуецца павучальнасцю, урачыстай інтанацыяй, гэта «паэтычны зварот, выступленне з выпадку нейкай важнай падзеі»².

Паэма У. Завальнюка прысвечана гісторыі Касцёла Святога Сымона і Святой Алены, беларускай святыні і архітэктурнага помніка пачатку XX ст. Таксама ў творы паэтызуецца асоба яго фундатара і заснавальніка Эдварда Вайніловіча. Аднак у паэме побач з эпічным апавяданнем, па-паэмнаму лаканічным, пункцірным, прыкметна выяўляецца ланцужок эмацыянальных разважанняў пісьменніка, роздум пра Бога і Божае наканаванне, пра лёс чалавека як промысел Божы. Такім чынам у паэму ўводзяцца элементы адпаведных праваслаўнай культуры і мысленню:

¹ Бельскі А. Галасы і вобразы: літ.-крыт. артыкулы. Мінск, 2008. С. 271.

² Рагойша В. Верш. Паэзія: энцыклапедычны даведнік. Мінск, 2020. С. 432.

адзнакі малітвы, павучання, жыцця і інш. Аўтар пашырае рамкі класічнай паэмы за кошт міфалагізацыі, умоўнасці, удалага спалучэння канкрэтна-гістарычнага з абстрактна-сімвалічным.

Новы ўзор эксперыментальнай паэмы прадстаўлены калектывам аўтараў, каардынатарам сярод якіх выступіў пісьменнік Юрась Нераток. Іх твор «Буслан і Жабміла» ўяўляе сабой тэкст, які склаўся шасцю асобамі ў выніку іх смс-перапіскі. Такім чынам, паводле першаснага жанравага вызначэння, гэта калектыўная электронная паэма. Аднак у артыкуле Т. Барысюк «Калектыўныя смс- і e-mail-праекты (дзённік «Рэцэпт Ад Песімізму» і паэма «Буслан і Жабміла») як ідэйна-жанравы феномен» указваецца больш дакладная жанравая форма твора - **паэма-додзінсі-рэмэйк**. Па сведчанні аўтара артыкула, калектыўны твор беларускіх аўтараў прэтэндуе на прызнанне ідэйна-жанравага феномена, бо ў ім спалучаецца паэмная форма («аб'ём твора, ліра-эпічнае напаўненне»), алюзіі на творы вядомых беларускіх і рускіх аўтараў, адзнакі японскага додзінсі («спалучаюцца мілосная рамантыка, прыгоды і містыка»), пазнаюцца элементы беларускага казачнага эпасу.

Такім чынам, аб'ектыўныя заканамернасці развіцця літаратуры перыяду ХХ – пач. ХХІ стаг., а таксама суб'ектыўныя фактары прадвызначылі ўзнікненне новых жанравых мадыфікацый паэмы, якія правамоцна назваць эксперыментальнымі. Такія творы выключаюць традыцыйна разгорнуты сюжэт, утрымліваюць яркую вобразнасць, метафарычнасць, ужыванне творчых прыёмаў, характэрных для іншых жанраў. Вынікам міжжанравага літаратурнага ўзаемадзеяння варта прызнаць з'яўленне паэмы-паліндрома, паэмы-эсэ, акрапаэмы, паэмы ў прозе, паэмы-казання, паэмы-додзінсі-рэмэйка і інш. Адметнымі ўласцівасцямі такога тыпу твораў становяцца літаратурная гульня, эклектычнасць паэтычнай тканіны, асацыятыўнасць, умоўна-сімвалічны характар вобразнай сістэмы.

Устаноўлена: узоры паэм беларускіх аўтараў, утвораных шляхам міжжанравага ўнутрылітаратурнага сінтэзу, якія прадстаўляюць эксперыментальную разнавіднасць сучаснай паэмы, нязменна ўтрымліваюць рысы канона – сюжэтную канцэптуальнасць, пафаснае выяўленне аўтарскай пазіцыі. Рэалізацыя прыёмаў сумежных жанраў, іх удалы мастацкі сінтэз дапаўняе і ўзбагачае паэтыку паэмы разнастайнымі прыёмамі ўмоўных і экспрэсіўных сродкаў выяўлення. Відавая разнастайнасць твораў сучасных беларускіх пісьменнікаў дазваляе разглядаць жанр паэмы як складаную і дынамічную сістэму, якая працягвае сваё развіццё.

ЛІТАРАТУРА

Адамовіч Г. В глыбь образа // Неман. 1982. № 12. С. 151–153.

Барадулін Р. Міласэрнасць плахі: кніга паэзіі. Мінск, 1992. 301 с.

Барадулін Р. Збор твораў: У 5 т. Т. 3: Паэмы. Вершы. Мінск, 1999. 333 с.

Бельскі А. Вывучэнне творчасці пісьменнікаў: класікі і сучаснікі ў школе. Мінск, 2005. 352 с.

Бельскі А. Галасы і вобразы: літ.-крыт. артыкулы. Мінск, 2008. 288 с.

Бельскі А. Беларуская паэма пачатку ХХІ стагоддзя: жанравая дынаміка, тыпалагічны аспект // У ракурсе сучаснага асэнсавання: міжжаф. зб. навук. пр. / МДУ імя А.А. Куляшова. Вып. 7. Магілёў, 2014. С. 98–105.

Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н.Д.Тамарченко. Т.2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 368 с.

- Бязлепкіна А. Такі час: паэма ў манавершах // Роднае слова. 2006. № 5. С. 29.
- Вітка В. Традыцыя, пошук, эксперымент: Слова ў вершы. Артыкул першы // Літаратура і мастацтва. 1984. 27 студзеня. С. 5.
- Жыбуль В. Манаверш ва ўсясветнай і беларускай літаратуры: [baj.by/ belkalehium/lekcyji/litaratura/zhybul09.htm](http://baj.by/belkalehium/lekcyji/litaratura/zhybul09.htm) (дата звароту: 18.02.2014).
- Івашчанка А. Паэтыка Аляся Разанава: між медытацыяй і рацыяй: манаграфія. Мінск: БНТУ, 2008. 144 с.
- Кісліцына Г. Алясь Разанаў: праблема мастацкай свядомасці. Мінск: Беларуская навука, 1997. 141 с.
- Кузьмін Д.В. Жанр в русском моностихе // Жанрологический сборник. Вып. 1. Елец: ЕГУ имени И.А. Бунина, 2004. С. 100–106.
- Лазарук М.А., Ленсу А.Я. Слоўнік літаратуразнаўчых тэрмінаў. Мінск, 1996. 191 с.
- Літаратурная энцыклапедыя тэрмінаў і паняццяў / Под ред. А.Н. Николукина; ИНИОН РАН. М., 2001. 1600 стб.
- Лявонава Е. «Паэзія не хлеб надзённы, але – надзейны»: Алясь Разанаў і постмадэрнізм // Роднае слова. 1998. № 6. С. 39–48.
- Рагойша В. Верш. Паэзія: энцыклапедычны даведнік. Мінск, 2020. 472 с.
- Разанаў А. Каб мелі шчасце ўваскрашаць і лётаць: паэмы. Мінск: Логвінаў, 2006. 168 с.
- Редькин В.А. Русская поэма 1950–1980 гг.: Жанр. Поэтика. Традиции: Монография. Тверь: ТГУ, 2000. 255 с.
- Стральцоў М. Ад маладзіка да поўні // Барадулін Р. Выбраныя творы: У 2 т. Т. 1. Мінск, 1984. 415 с.

REFERENCES

- Adamovich G. Into the Depths of the Image. *Neman*. 1982. No 12, pp. 151–153.
- Borodulin R. (1992) *Mercy of the Scaffold: A book of Poetry*. Minsk. 301 p.
- Borodulin R. *Collected Works: In 5 vols. Vol. 3: Poems. Verses*. Minsk. 1999. 333 p.
- Belsky A. (2005) *Studying the Creativity of Writers: Classics and Contemporaries at School*. Minsk. 352 p.
- Belsky A. (2008) *Voices and Images: Literary-critical articles*. Minsk. 288 p.
- Belsky A. The Belarusian Poem of the beginning of the 21st century: Genre Dynamics, Typological Aspect. In: *In the Perspective of Modern Understanding: interdep. coll. of scientific articles / Mogilev University named after A.A. Kuleshov. Issue 7. Mogilev. 2014, pp. 98–105.*
- Theory of Literature: In 2 vols. / Ed. by N.D. Tamarchenko. Vol. 2: Broitman S.N. Historical Poetics*. Moscow. Publishing Center “Academy”, 2004. 368 p.
- Bezlepkina A. Such a Time: Monostich Poem. *Rodnoe Slovo*. 2006. No 5, p. 29.
- Vitko V. Tradition, Search, Experiment: Words in a Poem. The first article. *Literatura i Iskustvo*. 1984. January 27, p. 5.
- Zhibul V. Monostich in World and Belarusian Literature: [baj.by / belkalehium/lekcyji/litaratura/zhybul09.htm](http://baj.by/belkalehium/lekcyji/litaratura/zhybul09.htm) (date accessed: 02.18.2014).
- Ivashchenko A. (2008) *Poetics of Ales Ryazanov: Between Meditation and Reason: Monograph*. Minsk. Belarusian National Technical University Press. 144 p.
- Kislitsyna G. (1997) *Ales Ryazanov: The Problem of Artistic Consciousness*. Minsk. Belorusskaya Nauka Publ. 141 p.

Kuzmin D. Genre in the Russian Monostich. In: Genre Collection. Issue 1. Yelets. I.A. Bunin Yelets State University. 2004, pp. 100–106.

Lazaruk M., Lensu A. (1996) Dictionary of Literary Terms. Minsk. 191 p.

Literary Encyclopedia of Terms and Concepts / Ed. by A.N. Nikolyukin; Institute of Scientific Information on Social Sciences RAS. Moscow. 2001. 1600 p.

Leonova E. “Poetry is not daily bread, but reliable”: Ales Ryazanov and Postmodernism. *Rodnoe Slovo*. 1998. No 6. pp. 39–48.

Ragoisha V. (2020) Verse. Poetry: An Encyclopedic Reference. Minsk. 472 p.

Ryazanov A. (1995) To Have the Happiness to Resurrect and Fly: Poems. Minsk. Logvinov Publ. 287 p.

Redkin V. (2000) Russian Poem of 1950–1980: Genre. Poetics. Traditions: Monograph. Tver. Tver State University Press. 255 p.

Streltsov M. From New Moon to Full Moon. In: Borodulin R. Selected Works: In 2 vols. Vol. 1. Minsk. 1984. 415 p.

Сведения о авторе:

Светлана Николаевна Тарасова,
магистр филологических наук
старший преподаватель
филологический факультет
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы

Svetlana N. Tarasova,
Master of Philology
Senior Lecturer
Faculty of Philology
Yanka Kupala Grodno State University

tarasava_sm@grsu.by

V. Mojsova-Chepishavska (Skopje, PC Macedonia)

Се надминуваат ли воопшто стереотипите?¹ (преку примери од македонската книжевност за деца)

Анстракт: Сказните / Приказните може да бидат и регресивни и прогресивни, и конзервативни и еманципаторски, некои од нив и радикални, но тие воопшто не се наивна лектира и не се без последици во однос на тоа дека имаат манифестно општествено влијание и воспитна димензија. Од втората половина на XX век, и особено сега на почетокот на XXI век се забележуваат сериозни поместувања и промени во разбирањето и толкувањето на класичните сказни / приказни од една страна и создавање нови «современи» сказни / приказни од друга страна. Сказните го отсликуваат копнежот на човекот за стабилност, спокој, љубов, но и за лична и општествена реализација.

Овој труд се занимава со книгите за деца од две македонски авторки (од поновата продукција) и преку нивното исчитување се обидува да ги преиспита стереотипите за половите / родовите улоги, како и за уреденоста на општеството и меѓучовечките односи. Акцентот се става на «**Приказната за Ото, Ото и Ото**» на **Бистра Георгиева** со илустрации на Моника Каретеро во која различноста што треба да се прифати не е претставена низ човечки ликови, туку низ антропоморфизирани птици и на «**Супервештерката, мачката и шесте волшебни колачиња**» од **Билјана С. Црвенковска** (модерна сказна за една модерна вештерка). И двете книги се обидуваат да го стимулираат **толерантниот дух** кај децата (но и кај возрасните) и да ја промовираат **различноста**. Но и покрај тоа што отворено промовираат рушење на стереотипи, останува да одекнува прашањето дали побивањето на конкретните (стари) стереотипи, не раѓа некои други (нови) стереотипи?

Клучни зборови: стереотипи, книжевност за деца, толерантност, различност

V. Mojsova Chepishavska (Skopje, RN Macedonia)

Do Stereotypes Ever Come? (through examples of the Macedonian Children's Literature)

Abstract: Tales / Stories can be both regressive and progressive, and conservative and emancipatory, some of them even radical, but they are not at all a naive reading and are

¹ Овој труд е прочитан на Меѓународный круглый стол «Актуальные проблемы македонистики и словенистики» во организација на Катедрата за словенски филологии на Филолошкиот факултет на МГУ «Ломоносов» што се одржа на 15 април 2022 година на платформата Зум.

not without consequences in terms of having a manifest social impact and an educational dimension. From the second half of the 20th century, and especially now at the beginning of the 21st century, serious shifts and changes have been observed in the understanding and interpretation of classic fairy tales / stories on the one hand and the creation of new “modern” fairy tales / stories on the other hand. Fairy tales reflect man’s longing for stability, peace, love, but also for personal and social realization.

This paper deals with children’s books by two Macedonian authors (of recent production) and through their reading tries to reexamine the stereotypes about sex / gender roles, as well as about the orderliness of society and interpersonal relations. Emphasis is placed on **Bistra Georgieva’s “The Story of Otto, Otto and Otto”** with illustrations by Monica Carretero in which diversity to be embraced is represented not through human characters but through anthropomorphized birds and **“The Superwitch, the Cat and the Six Magic Cookies” by Biljana S. Crvenkovska** (a modern story about a modern witch). Both books try to stimulate a tolerant spirit in children (as well as adults) and promote diversity. But despite the fact that they openly promote the destruction of stereotypes, the question remains whether the refutation of specific (old) stereotypes does not give birth to some other (new) stereotypes?

Key words: stereotypes, children’s literature, tolerance, diversity

Од втората половина на XX век, и особено сега на почетокот на XXI век се забележуваат сериозни поместувања и промени во разбирањето и толкувањето на класичните сказни / приказни од една страна и создавање нови «современи» сказни од друга страна. Сказните го отсликуваат копнежот на човекот за стабилност, спокој, љубов, но и за лична и општествена реализација. Нивните среќни краеве од типот: «... си живееја среќно до крајот на животот...» ја имаат онаа безвремена и привлечна димензија затоа што проектираат ветувања за подобар живот. Во името на тие ветувања често пати сме слепи за нивната идеолошка димензија, за родовата и половата стереотипност или ригидност, па токму затоа може да ни се пласираат многу нешта како «прифатливи» сè додека се «спакувани» во една романтична фолија. Ако претходно, сказните биле привилегија на благородничките слоеви, на буржоазијата, на поимотните и пообразованите, во/од XX-от век, особено со филмските адаптации, стануваат достапни за сите.

Денес сè повеќе најотворено да се зборува за оние сказни што се обидуваат да ги испитаат стереотипите за половите / родовите улоги, како и за уреденоста на општеството и меѓучовечките односи, како што е сказната «Лесната принцеза» на Џорџ Мекдоналд со илустрации на Морис Сендак (1864/1969) која е своевидна пародија на Гримовите записи на сказните «Заспаната убавица» («Трноружка») и «Златокоса» («Рапунзел»), како и сказната «Заспаната и вретеното» од 2014 година на Нил Гејман, а илустрирана од Крис Ридл, каде се преплетуваат сказните за Снежана и Трноружка¹.

Во овој контекст убав пример е македонската сликовница «Приказната за Ото, Ото и Ото» на Бистра Георгиева со илустрации на Моника Каретеро, која прави обид да излезе од досегашните сфаќања и да се насочи кон половата / родовата или сексуалната ненормираност. Со тоа се прави обид да го стимулираат **толерантниот дух** кај децата и да ја промовираат **различноста** пришто различноста што треба да се прифати не е претставена низ човечки ликови, туку низ антропоморфизирани птици. Бистра Георгиева се решава на овој чекор и **алегориски ја претставуваат различноста**. Сливковницата е достапна на платформата Македоника и е наменски пишувана како помошен дидактички материјал

¹ Види Весна Мојсова-Чешишевска. «Сказните и стереотипите». Клуч во клучалката на детството. Скопје: Матица македонска, 121–128.

за потребите на предметите «Запознавање на околината» и «Општество» што се дел од наставната програма за петто одделение од основното образование (поточно како дел од образовниот проект «Сите сме еднакви» поддржан од Амбасадата на Велика Британија и Министерството за образование и наука на Република Македонија во 2016).

«Приказната за Ото, Ото и Ото»¹ на Бистра Георгиева нуди едно поинакво претставување и прифаќање на различностите. Авторката им го претставува на децата светот на три буфа, сите по име Ото, сите исти и со исти навика:

«Си биле три исти бува. Буквално исти. Исто се облекувале, имале иста фризура, јаделе иста храна, дури имале и исти имиња. Сите се викале Ото. Сè правеле исто. Секој ден чекале да падне ноќ, застанувале на истата гранка и почнувале да ја пеат истата песна. Штом ќе почнело да се разденува, во исто време зевале и легнувале да спијат».

«Нејзиното решение и идеја», вели Габриела Ивановска (*Не-нормирани идентитети: културните модели и влијанието во книжевноста* (докторска дисертација). Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2017), «е многу слично на серијалот за Хјуевците, на еден од најоригиналните автори и илустратори за деца во изминативе години Оливер Џеферс» (2017: 123). Имено, Џеферс во една своја сликовница «Новиот џемпер на Хјуи» исто така ја започнува својата приказна воведувајќи го детето во светот на Хјуевците, свет во кој сите се исти, сите размислуваат исто и прават исти работи. (Но дали и ова инсистирање на полово / родова неутралност т. е. на свет во кој сите се исти не поттикнува и нови стереотипи?) И тоа е така сè додека еден од нив не одлучи да си сплете нов џемпер. Отовците на Георгиева се слични на Хјуевците на Џеферс со таа разлика што исполнувањето на индивидуалноста и различноста меѓу нив не се случува како резултат на самосвесноста и иницијативноста на некој од нив (зашто Хјуи сам решава да си сплете поразличен џемпер од џемперите на другите), туку како последица на промените во нивното опкружување (Отовците се приморани да тргнат на пат). По многу денови и месеци и години, во едно снежно невреме Ото, Ото и Ото одлучуваат да тргнат во потрага по потопло место и така го откриваат градот Лог. И таму откриваат дека сите бувови се различни, дека имаат различни интереси и дека живеат на различен начин. Соочени со можноста за поинаков начин на живот, Отовците почнуваат да се «себе откриваат» и да пробуваат нови нешта. Па така «Едниот Ото се обидел да свири на гитара и одлично му одело. Другиот Ото се обидел да танцува, чекор по чекор, и со помош на жителите на Лог се вклучил во танцовачкиот тим. Третиот Ото пак, најмногу сакал да седи во публиката и да ужива во забавата». Нивната трансформација се заокружува со одлуката да си ги сменат имињата како чин на прифаќање на новиот идентитет и да продолжат да живеат среќно во градот Лог каде што секој може да биде свој и различен. И така Ото, Ото и Ото стануваат Ото, Рино и Лари.

Интересно е што кај Георгиева, различноста што треба да се прифати не е претставена преку човечки ликови туку преку антропоморфизирани птици (бувчињата Ото, Ото и Ото) и во тој поглед таа е блиска на техниката на Ханс Кристијан Андерсен. Тоа покажува дека македонската авторка се решава **алегориски да ја претстави различноста**, а не на таа различност да ѝ даде некаков конкретен човечки лик. Дали ова е показ дека македонските автори сè уште не се подготвени најотворено да се ослободат од некои стереотипи или поточни дека сè уште немаат храброст да ги ослободат целесно своите приказни од конкретните стереотипи? Најверојатно ДА!

Од друга страна, преку примерот на книгата за деца «Супервештерката, мачката и шесте волшебни колачиња» од Билјана С. Црвенковска која се чита како модерна сказна

¹ Оваа приказна може да се проследи на: https://issuu.com/oxomacedonia/docs/oto_oto_oto_/2 (преземено на 30.10.2022).

за една модерна вештерка, се прави обид еден од главните стереотипи за вештерките во сказните да се «разбие». Вештерките се најчесто, антагонисти («Јованче и Марика»; «Малата принцеза»), но има и случаи каде што се соочуваме со амбивалентноста на нивниот карактер, при што се јавуваат и во улога на помошник, а и во улога на протагонист (како што е онаа вештерка во сказната «Василица Прекрасна»). Најчестата слика за вештерката е дека таа е стара (или пристара) баба, со грбав нос, со огромна шапка на главата и секогаш е облечена во црно. Таа лета со метла, има чудни миленици, но најмногу мачки (и тоа не било какви, туку црни мачки!). Оваа претстава за вештерката со грбав нос најмногу се актуелизира преку сказните на браќата Грим. Во овие сказни, вештерките се лоши, водени од егоистични пориви кои им носат материјална или естетска сатисфакција.

Но, ликот на Елена од «Супервештерката, мачката и шесте волшебни колачиња» е изграден врз модел на побиеени стереотипи. Романот се отвора со неуспешното боеење на Лу (мачката на Елена) во црна боја. Па така, при соочувањето со Елена од оностраното, таа се спротивставува на овие досегашни претстави за тоа како треба да изгледа една вештерка, потсмевајќи се на «застарените гледишта» на нашата Елена од овојстраното. Со прашањето: «Како, всушност, се станува вештерка? Знаеш, не онаква глупава, лоша и грда вештерка како од старите приказни, туку добра, убава, паметна, модерна вештерка која знае магии, открива секакви мистерии и им помага на луѓето во неволја? М? Суперхеројка? СУПЕРВЕШТЕРКА!!!» (Црвенковска, 2017: 21). Елена всушност го започнува разговорот со огледалото т.е. со самата себе и преку тој разговор ни ги соопштува и стереотипните претстави за вештерките во сказните. Во овој случај, имаме портал кој води до вистинскиот идентитет на нашата протагонистка (а огледалото како портал го имаме во Кероловата «Алиса од другата страна на огледалото»). Преку разговорот со самата себе, таа поминува низ еден своевиден процес на иницијација, односно созревање и прифаќање на единствената вистина за себе. Така, огледалото ја води низ трансформативниот процес и ја учи како да биде вештерка. И еве го рецептот:

- мачката-помошничка воопшто не треба да биде црна, туку само треба да биде **супер мачка**;
- косата треба да ѝ е собрана во кики (никако во репче како некој прчла, ниту во платенки како Црвенкапа), и никако пуштена (оти тоа е само за принцези, а таа сака да биде вештерка);
- нејзиното превозно средство не смее да е метла, бидејќи тоа не е кул, туку мора да е **вештмобил** (кој не е само за глупавите момчиња маскирани како лилјаци, при што се алудира на Бетмен);
- таа треба да чита многу книги и да познава повеќе јазици (затоа што така се учат магии на повеќе јазици, а една модерна вештерка треба да може да комуницира «интернационално») и
- секако, треба да има редовен тренинг за одржување на формата (затоа што супервештерката може сè!).

Во овој поглед треба да се истакнат и волшебните средства на вештерката, кои во оваа приказна на Билјана С. Црвенковска, се сведуваат на сè она што може да се најде во торбите на возрастните девојки, како: огледало (за да може Елена од оностраното да се консултира со Елена од оностраното), прстен (оти волшебното стапче не е веќе кул), чешел (чија намена е само за поправање на фризура), марамчиња и зелено јаболко. Авторката со ова успешно ги побива дотогашните стереотипни претстави за вештерките и го поттикнува младиот читател на себерефлексија, но воедно и **поттикнува дискусија околу новите претстави за вештерката.**

И сè би било добро ако повторно не се појави кај нас како стручни читатели едно ново «но...»! Така, прашањето што нè мачи е дали нејзините претстави може да се сметаат за почеток на нови стереотипни претстави за вештерките, и следствено на тоа, и за девојчињата / девојките? Дали тоа би значело дека девојките кои возат скејборд (а не вешт-мобил), или девојчињата кои не сакаат да носат зелено или не сакаат да ставаат сјај за усни не се доволно добри да бидат супервештерки? Дали е ова најава за еден конфликтен момент кој всушност ни ја наметнува дилемата дека потиснувајќи ги старите стереотипи и создавајќи нови модели на вештерки не се создаваат нови и стереотипи?

Од друга страна, целиот роман е фокусиран врз женскиот лик со што се надминува половата / родовата стереотипизација дека силен јунак може да биде исклучиво машки лик. Дали тоа значи дека јунакот е веќе потиснат? Всушност, машкиот лик во романот, Павел, е донекаде **инфериорен во однос на женскиот лик**, Елена. Тој прави грешка при својата иницијација и Елена е таа која му помага да ја исправи. Додека, пак, грешката на главната јунакиња Елена не е прикажана како толку сериозна. Неможноста Павел да рапува (што е еден од основните предуслови за тој да стане волшебник) повторно укажува на тоа дека созревањето на машкиот лик во романот оди поспоро и е многу покомплицирано од оној обичен разговор што го води Елена во огледалото. Преку исказите на Елена, момците се «...валкани, испотени и не многу пријатни за дружење» се наметнува стереотип дека најголемиот број момчиња поспоро созреваат. Обидувајќи се да го побие стереотипот дека за успешна женска (моминска) иницијација потребен е машки лик, авторката всушност само ги менува улогите и ја прави машката иницијација зависна од женскиот лик. Исто така, задачите на волшебникот се попасивни и вклучуваат пренесување пораки, толкување на јазикот на другите животни, надгледување и известување, предупредување за опасност, за разлика од оние на супервештерката, кои се поактивни и вклучуваат донесување на важни одлуки, превземање иницијатива, разговор со животните и подлабоко поврзување со нив, спречување опасност и слично. Волшебникот Павел не е СУПЕР-ВОЛШЕБНИК, туку само волшебник и неговите предмети не се ултра модерни, туку се само: волшебно стапче, молив и пенкало, лупа, батериска ламба и шапка. И додека волшебното стапче и шапката се едно големо НЕ за супервештерката, тие се сега едно големо ДА за волшебникот, што создава впечаток дека волшебниците сè уште не еволуирале подалеку од тоа што некогаш биле, за разлика од вештерките.

Така што, романот за деца «Супервештерката, мачката и шесте волшебни колачиња» од Билјана С. Црвенковска покрај тоа што отворено промовира рушење на стереотипи, го иницира и прашањето дали побивањето на конкретните (стари) стереотипи, не раѓа некои други (нови) стереотипи?

Но ова е веќе тема т. е. провокација за некој друг труд.

ЛИТЕРАТУРА

Ивановска Г. Не-нормирани идентитети: културните модели и влијанието во книжевноста (докторска дисертација). Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2017. 325 с.

Георгиева Б. Приказната за Ото, Ото и Ото (2016): https://issuu.com/oxomacedonia/docs/oto_oto_oto_/2 (преземено на 30.10.2022).

Мојсова-Чепишевска В. Клуч во клучалката на детството. Скопје: Матица македонска, 2019. 322 с.

Црвенковска Б. Супервештерката, мачката и шесте волшебни колачиња. Скопје: Арс Ламина – публикации Либи, 2017. 216 с.

REFERENCES

Ivanovska G. (2017) Non-normative Identity: Cultural Patterns and Influence in Literature (PhD thesis). Skopje. Faculty of Philology “Blaze Koneski” Press. 325 p.

Georgieva B. The Story of Otto, Otto and Otto (2016): https://issuu.com/oxomacedonia/docs/oto_oto_oto_/2 (date accessed: 30.10.2022).

Mojsova-Chepisevska V. (2019) A Key in the Keyhole of Childhood. Skopje. Matica Macedonian Publ. 322 p.

Crvenkovska B. (2017) Super Witch, Cat and Six Magic Cookies. Skopje. Ars Lamina – Libi Publications. 216 p.

Сведения об авторе:

Весна Мојсова-Чепишевска,
доктор по филолошки науки
Редовен професор
Филолошки факултет «Блаже Конески»
Универзитет «Св. Кирил и Методиј»
во Скопје

Vesna Mojsova Chepisevska,
Doctor of Philology
Professor
“Blaze Koneski” Faculty of Philology
University «St. Cyril and Methodius»
in Skopje

vesnamojsova@hotmail.com

Б.П. Ашрапов, С. Курбонова (Худжанд, Республика Таджикистан)

Морфологические особенности и уровень употребления предлога «бо = с» в таджикском литературном языке XVIII века (на примере исторического произведения «Тухфат-уль-хони» Мухаммадвафо Карминаги)

Аннотация: В статье рассматриваются морфологические особенности и уровень употребления предлога бо/с в таджикском литературном языке, относящемся к XVIII в., на примере исторического произведения «Тухфат-уль-хони» Мухаммадвафо Карминаги. Доказано, что этот предлог употребляется реже, чем другие виды исходных предлогов.

Опираясь на результаты исследования, авторы утверждают, что предлог бо/с в языке изучаемого периода семантически и морфологически подобен СТЛЯ.

На основании приведенной диаграммы можно сделать вывод, что предлог бо/с занимает последнее место по степени его употребления – 857 раз, что равно 7%.

Ключевые слова: предлог, простой предлог, части речи, морфологические особенности, языковая единица, уровень употребления, оттенок значения, исторический труд

B.P. Ashrapov, S. Kurbonova (Khujand, Republic of Tajikistan)

Morphological Peculiarities and the Level of the Preposition “bo = with” Usage in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century (on the example of the historical writing entitled as “Tuhfat-ul-khoni” by Muhammadvafo Karminagi)

Abstract: The article dwells on the issue beset with morphological peculiarities the level of the preposition of *bo / with / together* usage in the Tajik literary language referring to the 18th century on the example of the historical writing entitled as “Tuhfat-ul-khoni” by Muhammadvafo Karminagi. It is proved that the relevant preposition is used lesser than other types of original ones.

Based on the results of the study, the authors state that the preposition of *bo / with / together* in the language of the period under study is similar to MTLT semantically and morphologically.

According to the given diagram one can conclude that the preposition *bo = with / together* ranks last in terms of its usage – 857 instances being equal to 7%.

Key words: preposition, simple preposition, parts of speech, morphological peculiarities, linguistic unit, level of usage, shade of meaning, historical writing

INTRODUCTION

It is well-known that determination of various periods of the elevation and development the history of language depends on both scientifico-historical productions and artistic ones, one can proceed from the assumption of the crucial issues in the sphere of Tajik linguistics. “It is impossible to create commonly accepted standard grammar without dwelling on comprehensive analysis of artistic and scientific-historical legacy” [2: 46]. The given article dwells on the issue concerning certain morphological peculiarities and the degree of usage of the preposition *bo* = *with* / *together*. The corpus of our is strengthened by the agreeable, priceless and fundamental historical writing depicting various historic events of the Manghtys’ state which “is supported by and focused on canvassing the theme explored and the research of prosaic works on the example out of this work in regard to this theme pertaining to the 18th century” [2: 46; 1: 50–57; 3: 58–64].

To begin with, it is worth stating that the relevant research work will be also useful for researchers who want to study the linguistic issues dealing with the themes related to ours. “It is common knowledge that prepositions occupy a key role as a grammatical tool in the majority of languages of the world in the formation of appropriate expressions. Namely, noun, adjective, verb and useful expressions are formed by dint of prepositions and can express different semantic relations functionally. Thus, the difference between simple and compound sentences reveals another feature of the members of the sentence, that is polysemantic nature of the situation, other members of the sentence is due to the complexity of their meaning and function performing the same grammar obligations” [2: 46].

The object of the corpus of our study is canvassing certain morphological features and the degree of usage of the preposition *bo* = *with* / *together* in the Tajik literary language appertaining to the 18th century on the example of the historical writing entitled as “Tuhfat-ul-khoni” by Muhammadvafo Karminagi.

The subject of the corpus of our study is the historical writing appertaining to the 18th century depicting different historic events of Manghtys’ state.

The aims of the corpus of our study are:

- to carry out the role and position of *bo* = *with* / *together* in terms of its function and meaning;
- to compare the relevance of the theme explored with MTLT;
- to determine certain distinctive peculiarities of the relevant preposition.

THE MAIN PART

It is well-grounded that the preposition *bo* / *with* / *together* in MTLT expresses the following meaning functionally and semantically: accompanying, similarity, collaboration, person relationship, degree, time and place, cause and purpose. The relevant preposition possesses the above-adduced meanings in the language of “Tuhfat-ul-khoni” by Muhammadvafo Karminagi as well. In regard to the former in question, a scholar in linguistic studies – O. Sulaymonov underscored that “the preposition *bo* / *with* / *together* is more rarely used than other types of original ones in “Ta`rikhi Bayhaqi” [9]. As well as, the relevant preposition is resorted to as one of the least usage linguistic units and it occupies the fifth place in the term of its level of usage – 857 instances being equal to 7% in the corpus of our study.

From this point of view, we have decided to divide the preposition in question into the following subcategories in term of its functional and semantic nuances:

1) In order to represent the mode of action the preposition *bo / with / together* participates in a number of stable adverbial compositions. It is necessary to keep in mind that such morphological peculiarity of this preposition in the language of “Tuhfat-ul-khoni” is very commonly used. In association with the theme explored in “Grammar of Modern Tajik Literary Language”, is stated like this “it represents the manner of action mostly and entirely: *bo dahšat-i az odat berun havo (Aini)*” [4: 291]: *bo dahšat-i afzun az šumor* [8: 24/43], *bo poy-i fasehu dil-i qavi* [8: 31/57], *bo haybat-i bisyoru savlat-i purgirudor* [8: 60/115], *bo tazayyinu tajammul* [8: 60/115], *bo kasrat-i ru'bu haros* [8: 165/327], *bo nayl-i murodot* [8: 168/334], *bo šavkat-i afzun az ehsovu šumor* [8: 177/351]: *Har yak-i onho ba bahona-i anjom-i mahommo viloyot va markaz-i iqomat-i xid ruxsat-i insirof hosil kardand va bo sad hazor kinavu hasad ba viloyot-i mazkuar-i xud šitofta, asbob-i xusumat-i in davlat muhayo namudand* [8: 110/217].

2) The preposition *bo / with / together* occurs in the compositions of certain complex conjunctions the fact that the relevant linguistic unit is not productive one functionally: *Bon on ki firqa-i a'do va jamoa-i muxosama-ro kasrat-i adad va vufur-i sozu ubbahat bud, ammo čun bod-i zafaru nusrat az jonib-i sipoh-i bošavkat vazid* [8: 113/224].

3) As a rule, it is resorted to express the relation between some objects in term of meaning and in this aspect the preposition in question participates actively: ...*majlis-i xoqoni va kurnuš-i olinišoni ijtimo' menamudand va bo amr-i nofizuliz' on šaraf-i julus-i bisot va foida-i huzuru inbisot meyoftand* [8: 125/248].

4) Depending on the meaning of noun and verb the preposition *bo / with / together* expresses rewarding with any title and donation semantically: ...*ba latoif-i hillavu makr va zaroif-i afsun va ġadar bo niamot-i vofir va diramu dinor-i mutakosir mumtozu beniyoz gardand* [8: 99/195], ...*ikromu iltifot farmud amir bo judu ehson cad hazor-i ū-ro, ki yak lak zar-i safed ast* [8: 80/158].

5) In our factual material the preposition of *bo / with / together* is used as an indication to the cause and purpose of action: *Amir-i olijoh-i zišavkat bo murofaqat-i xosonu a'yon-i davlat po ba dida-i rikob-i tavakkul nihoda bar faroz-i abraš-i azimat nišast* [8: 149/295], *Dar in fursat, ki bo qasd-i purdahšat az sutut-i sipoh-i zafarpanoh va az sadama-i kiryoš-i jalodatasos poy-i viqoraš mutazalzil šuda...* [8: 165/328].

6) Adducing the result of an analysis concerned with the relevant preposition we have noticed it that *bo / with / together* denotes a temporal attitude. A similar grammatical phenomenon is common in MTLL: ...*az hangomi sabo bo in ovon dar rikobi amiri komyob va jonsupori menamudand nomi šujoatro ehyo kardand* [8: 103/203].

7) In most cases, the preposition in question indicates the means of performing any action: *Binobar on sipoh-i firuzinišon bo kemavu kišti az bahr-i Omuya guzašta ovoza-i vusul-i mavkab-i humoyuni šuyu' yoft* [8: 49/94], ...*mazraa-i omol-i on firaq-i badsigol-ro bo xoru xošok dar ham sūxtand* [8: 67/129], ...*sarho peš-i rū giriftand va bo teġho-i barahna suran zada dar har samt davonidand* [8: 114/226].

8) In order to indicate personal relations and to engage in any work or occupation. Such feature of this preposition remains in MTLL: ...*josuson ba sam'-i ū rasonidand, ki ponsad va čand-e az sardoron-i yuz bo Muhammaddustbek ittifoq namuda, dar sadad-i mazarratu šikast-i davlat-i tu budaand* [8: 195/388].

It is worth mentioning that the preposition *bo* = *with / together* in “Tuhfat-ul-khoni” by Muhammadvafo Karminagi is used extensively in this aspect. There are also a number of words in the corpus of our study that come with this preposition more clearly to perform this function.

9) *Bo / with / together* comes in performing jobs and duties accompanyingly: ...himmat-i xoqon-i davron va šahriyori-i zamon *bo umaro-i* sipoh va sardoron-i hazoravu yuza va daha qismatu in’om farmud [8: 248/494], ...digar umaro-i yuz *bo elu ulus-i* xud qarndo dar on viloyat tarh-i iqomat namuda, *bo hukkom, salotin* va farmon-i xavoqin-i čingizin-azhod umrho ba hukumatu iyolat-i on viloyat mumtozu sarfarož omadand [8: 246/489].

Finally, the relevant preposition takes part in the expression of accompanying the fact that in both MTLL and in the language of the corpus of our study occurs frequently: Rūz-i sešanbe va čahoršanbe niz afvoj-i hašam dar junbiš omad va arkon-i sohibšukuh *bo asokir-i* anjumguruh rūye-i irodat ba kiryoš-i hašamatiq tibos ovarand [8: 227/451].

Proceeding from the assumption beset with the theme explored, we observed that this preposition occurs as a synonym of some original and compound preposition in the corpus of our study semantically and functionally, as follows:

Bo/Bo = ба унвои / ba unvon-i / entitled as: ...xutba-i šohi va sikka-i firūzjohi *bo* sim-i somi va nom-i nomi-i u muvaššahu muzaayn bošad [8: 82/161].

Bo/Bo = аз / az / of / out of: *Bo istimo-i* in hodisa-i banogoh, ki dar xotir-i onho az vufuru ġurur nameguzašt... [8: 284/566].

Bo/Bo = нисбат ба / nisbat ba / than: ...muqotala bo laška-i nusratar va muqobala *bo* sipoh-i dilovar az ahamm-i muhimmot, bal az maqula-i vojibot muqarrar kardand [8: 170/337].

Bo/Bo = мо / till / up to: ...bo kasrat-i junud va havza-i johu iqtidor doxil-i šahr-i Hisor gardida va dida-i aholi va a’yon-i on-ro *bo* vaze’ va šrif az ġubor-i mavkab-i iqbol tutiyo baxšid [8: 268/533].

In the course of the comparison of other duplicate of the historical manuscript in question we encountered that the scripser used the proposition **то / to / till** instead of **бо / bo**. The relevant grammatical event is a testimony of the above-mentioned statement.

“There are a number of auxiliary words called hurufu-l-jar(r) those ones are neither nouns nor verbs and such kinds of linguistic elements are invariant in term of their functions and meanings. The relevant words serve for word connection in a sentence. The Arabic preposition “*ma’a*” is considered to be as the very productive one “in terms of its meaning and function in our corpus of study” [7: 67].

It should be stressed that in the Tajik literary language referring to the 19th century, the Arabic prepositions *ma’a* is frequently used. “According to the adduced statistical method one can assert that the relevant preposition encounters a total of 296 times in certain cases. It is worth mentioning that *ma’a* possesses the following meanings: to joint movement and accompaniment; to mobilize (having something with you); to accompany with time” [7: 67]. However, the level of usage of such kind of Arabic preposition is not widely used in the language of “Tuhfat-ul-khoni” while conducting statistical method it became clear that the Arabic preposition *ma’a* was resorted to 4 times, upon the whole. Our observations show that in “Tuhfat-ul-khoni” the mentioned preposition is used to lesser extent, and it can be concluded that this preposition has undergone a spiritual transformation during this period.

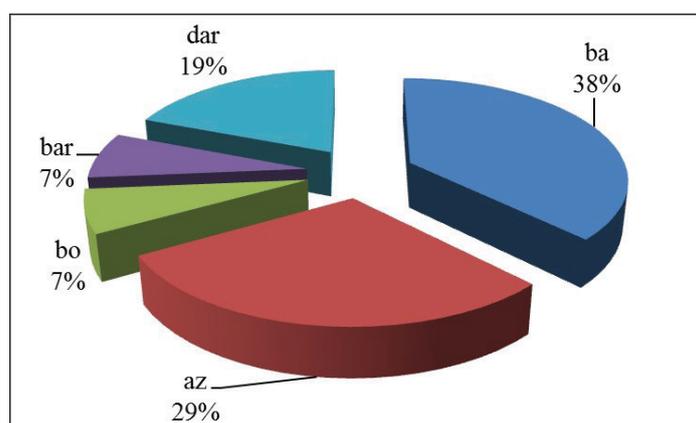
The Arabic preposition *maa* is combined with the noun in indefinite case is used to express concatenation: ...soniyān amm-i buzurvor-i xon-i marhumi amir Muhammad-

doniyolbiye-i atoliq amr ba itmom-i kitob-i mazkur namuda, *ma' a ziyodat-e* navištan-i mujori-i holot-i xud... [309a].

The relevant preposition is often resorted to with plural and collective nouns in order to indicate accompanying, such as: Ovoza-i vusul-i mavkab-i iqbolu šaraf-ro ba gūš-i zamona andoxta, ū-ro *ma' a* atbo' šikast dod [8: 247/491, 184/365], ...dar yuriš-i sevum amir-i komron ba jihat-i tasxir-i viloyat-i Šahrīsabz Olimbiye va Subhonqulībye *ma' a avlod* banočoru noxoh garden-i itoat ba kamand-i inqiyod basta... [8: 174/346].

The level of usage of simple prepositions in the historical writing entitled as “Tuhfat-ul-khani” by Muhammadwafo Karminagi:

Prepositions	Level of usage	%
ба / ba = to, toward	4739	38%
аз / az = from, out of, of	3717	29%
бо / bo = with, together	857	7%
бар / bar = on, over, upon	920	7%
дар / dar = in, on, at	2417	19%
R – totally	12650	

CONCLUSION

In a nutshell, we can come to the conclusion that the preposition of *bo = with / together* in the corpus of our study occurs to the lesser extent in the term of its level of usage than other original prepositions. In spite of its non-productiveness the relevant linguistic element participates in the formation of certain sets of phrases and compound adverbs. The relevant proposition in the Tajik literary language referring to the 18th century is similar to MTLT structurally and grammatically. Designing on the premise of the above-added diagram we can confidently make inference that the preposition *bo = with / together* occupies the last place under the angle the level of its usage and is equal to 7%.

ЛИТЕРАТУРА

Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of the Suffix -on/on in the Tajik Literary Language Referring to the XVIII-th – the and XX-th Centuries // Stephanos. 2022. № 3(53). С. 50–57. DOI 10.24249/2309-9917-2022-53-3-50-57

Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities and Level of Usage of Preposition “az = from” in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century (on the example of the historical production referred to as “Tuhfat-ul-khoni” by Muhammadwafo Karminagi) // Stephanos. 2022. № 5(55). С. 45–50. DOI 10.24249/2309-9917-2022-55-5-45-50

Ashrapov B.P. Some Views on the Usage of Degrees of Comparison of Adjectives in the Tajik Literary Language Referring to 17th–18th Centuries // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 37. № 3. С. 58–64. DOI 10.21779/2542-0313-2022-37-3-58-64.

Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе: Дониш, 1985. 356 с.

Камолова Г. Хусусиятҳои морфологии забони “Мачмуъ-ут-таворих”. Душанбе: Дониш, 1984. 92 с.

Kuzieva N.M., Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of Coordinative Compound Adverbs in the Tajik Literary Language Appertaining to 18th–19th Centuries (on the example of historical writings referred to as “Tuhfat-ul-khoni” and “Zafar Name” by Khusravi) // Stephanos. 2022. № 5(55). С. 27–34. DOI 10.24249/2309-9917-2022-55-5-27-34

Kuzieva N.M., Ashrapov B.P. The Level of Usage of Arabic Preposition “maa = with, together” in the Tajik Literary Language Referring to the XIX-th Century // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85–5. С. 66–68. DOI 10.18411/trnio-05-2022-202

Муҳаммадвафои Карминағӣ. Тухфат-ул-хонӣ. Муқаддима, таҳияи матн, нусхабадал, таълиқот ва феҳрастҳои Чамшед Ҷӯразода ва Нурулло Ғиёсов / И.У. Раҳимов, Б.П. Ашрапов. Хучанд: Ношир, 2018. 390 с. + 586 сах. ф. = 976 с.

Сулаймонов О.Ш. Хусусиятҳои морфологии “Таърихи Байҳақӣ”-и Абулфазли Байҳақӣ: рисола барои дарёфти дараҷаи илмии номзади илмҳои филологӣ: 10.02.22. Хучанд, 2008. 169 с.

Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ. 1–2. Душанбе, 2008.

Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ / Зери таҳрири Д. Саймидинов, С.Д. Холматова, С. Каримов. Душанбе, 2006. 784 с.

Шарифов Б. Хусусиятҳои морфологии “Бадоеъ-ул-вақоеъ”-и Восифӣ. Душанбе: Дониш, 1985. 232 с.

REFERENCES

Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of the Suffix -on/on in the Tajik Literary Language Referring to the XVIII-th – the and XX-th Centuries. *Stephanos*. 2022. No 3(53), pp. 50–57. DOI 10.24249/2309-9917-2022-53-3-50-57

Ashrapov B.P. Morphological Peculiarities and Level of Usage of Preposition “az = from” in Tajik Literary Language Referring to the 18th Century (on the example of the historical production referred to as “Tuhfat-ul-khoni” by Muhammadvafo Karminagi). *Stephanos*. 2022. No 5(55), pp. 45–50. DOI 10.24249/2309-9917-2022-55-5-45-50

Ashrapov B.P. Some Views on the Usage of Degrees of Comparison of Adjectives in the Tajik Literary Language Referring to 17th-18th Centuries. *Bulletin of Dagestan State University. Series 2: Humanities*. 2022. Vol. 37. No 3. pp. 58–64. DOI 10.21779/2542-0313-2022-37-3-58-64.

Grammar of Modern Tajik Language. Part 1. Phonetics and Morphology. Dushanbe. Knowledge Publ. 1985. 356 p.

Kamolova G. (1984) Morphological Peculiarities of “Majmu’-ut-tavorikh”. Dushanbe. Knowledge Publ. 1984. 92 p.

Kuzieva N.M., Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of Coordinative Compound Adverbs in the Tajik Literary Language Appertaining to 18th–19th Centuries (on the example of historical writings referred to as “Tuhfat-ul-khoni” and “Zafar Name” by Khusravi). *Stephanos*. 2022. No 5(55), pp. 27–34. DOI 10.24249/2309-9917-2022-55-5-27-34

Kuzieva N.M., Ashrapov B.P. The Level of Usage of Arabic Preposition “maa = with, together” in the Tajik Literary Language Referring to the XIX-th Century. *Tendency of Science and Education Development*. 2022. No 85–5, pp. 66–68. DOI 10.18411/trnio-05-2022-202

Muhammadvafoi Karminagi (2018) *Tuhfat-ul-Khoni / Introduction, text development, copying, analysis and catalogs of Jamshed Jurazoda and Nurullo Ghiyosov / I.U. Rahimov, B.P. Ashrapov. Khujand. Publisher Publ. 2018. 390 p. + 586 p. f. = 976 p.*

Sulaymonov O.Sh. (2008) *Morphological Peculiarities of “Ta’rikhi Bayhaqi” by Abulfazl Bayhaqi: Dissertation (in philology). Khujand. 169 p.*

Interpretational Dictionary of Tajik Language: In 2 vols. Dushanbe, 2008.

Tajik Dictionary in Russian / Ed. by D. Saimiddinov, S.D. Kholmatova, S. Karimov. Dushanbe, 2006. 784 p.

Sharifov B. (1985) *Morphological Peculiarities of “Badoe’-ul-vakoe’ ” by Vosifi. Dushanbe. Knowledge Publ. 232 p.*

Сведения об авторе:

Баходурдҷон Пулотович Ашрапов,
ст. преподаватель

кафедра английского языка
Худжандский государственный университет
имени академика Б. Гафурова

Bahodurjon P. Ashrapov,
Senior Lecturer

Department of the English Language
Khujand State University named
after academician Bobojon Gafurov

bahodur.ashrapov@mail.ru

Сарвиноз Курбонова,
соискатель

кафедра арабской грамматики
Худжандский государственный университет
имени академика Б. Гафурова

Sarvinoz Kurbonova,
Claimant for Candidate Degree
Department of Arabic Grammar
Khujand State University named
after academician Bobojon Gafurov

sara10.88@mail.ru

Т.В. Пентковская (Москва, Россия)

К истории заимствований в русском языке Петровской эпохи: лексема *дервиш*¹

Аннотация: В фокусе внимания настоящей статьи находится передача слова *deruis* в двух переводах Петровской эпохи. Оба перевода связываются с именем П.А. Толстого, дипломата, находившегося в Османской империи в 1702–1714 гг. В «Истории управления настоящего Империи Оттоманской», переведенной с итальянской версии сочинения П. Рико, используется вариант *дервишь* (*дервижь*). В то же время в печатном издании Корана 1716 г., переведенном с французского оригинала Андре Дю Рие, встречается вариант *древись*, не учтенный в словаре русского языка XVIII в. Рассматриваются возможные причины данного несоответствия.

Ключевые слова: Петровская эпоха, переводы, лексические заимствования, Петр Толстой

T.V. Pentkovskaya (Moscow, Russia)

Towards the History of Borrowings in the Russian Language of the Petrine Era: the lexeme *Dervish*

Abstract: The focus of this paper is the rendering of the word *deruis* in two translations of the Petrine era. Both of them are associated with the name of P.A. Tolstoy, a diplomat who was in the Ottoman Empire in 1702–1714. “The History of the Ottoman Empire Administration”, which was translated from the Italian version of P. Rycout’s work, has the variant *dervish* (*dervizh*). At the same time, in the printed edition of the Quran of 1716, translated from André Du Ryer’s French original, there is a variant *drevis*, not taken into account in the dictionary of the Russian language of the 18th century. Possible reasons for this discrepancy are considered.

Key words: Petrine Era, translations, lexical borrowings, Pyotr Tolstoy

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the Project No 20-12-42009.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-12-42009.

Как известно, лексические заимствования, прежде всего из западноевропейских языков, являются конститутивной приметой формирующегося литературного языка Петровской эпохи. Значительная часть этих в разной степени освоенных иностранных лексем является коммуникативно избыточной, их употребление призвано маркировать культурную ориентацию говорящего и пишущего [Живов 2017: 984]. Учитывая большой приток заимствованных лексем в рассматриваемый период, неоднородность их функций, наличие или отсутствие возможности употребления «своей» лексемы в определенных контекстах, а также возможность многократных заимствований, важно определить пути, которыми эти заимствования попадали в русский язык.

Так, лексема *derviş* (турецк.), крым.-тат. *därviş* ‘нищенствующий монах-мусульманин’ заимствовалась в русский язык несколько раз. Старший вид заимствования – *дербышь* – представлен в «Хождениях» Афанасия Никитина и Трифона Коробейникова (XV и XVI вв.) [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 4: 220; Срз., I: 653]. В поздних русских источниках известно имя собственное *Дербышь Алея* – так называют последнего астраханского хана Дервиш-Али б. Шейх-Хайдар (тат. *Därwiş Ğäli*), закончившего свои дни в Мекке не ранее 1558 г. В 1551–1554 гг. он находился в России и владел Звенигородом [Беляков 2022: 228]:

И Астраханские люди... правду Царю и Великому Князю дали на томъ, что имъ Царю и Великому Князю служить и Дербышь Алею прямо, и полонъ Руской весь отдать; поѣхали въ судѣхъ съ воеводами бить челомъ Царю Дербыш-Алею; и Дербышь Алею Царю правду дали; въ Астрахани у Дербышь Алея Царя оставили по Государеву наказу Петра Тургенева; Дербышь Царь послалъ за ними сына своего Янтемира Царевича (*Книга глаголемая летописецъ Федора Кирилловича Нормантского*, 1650–1700 гг.); приѣхали къ нему на Уфу изъ Колмацкихъ улусовъ Уфинцы Василей Волковъ да толмачъ Ѳедка Дербышь Алеевъ (*Ответ тобольского воеводы и царские грамоты тюменским воеводам о сношениях с калмыками*, 14.01.1623–18.07.1628).

Шесть раз упоминается *Дербышь царь* в Лебедевской летописи 1567–1576 гг. [события 1553–1563 гг.]¹.

В то же время уже во второй половине XVII в. зафиксирована форма *дервишь*, в частности, в «Хождении» Ионы Малого: Дервиши турецкие чернцы (1652 г.) [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 4: 220]. Эта форма соответствует современной, которую М. Фасмер возводит к нем. *Derwisch* или франц. *derviche*². Следует отметить, однако, что в старопольском корпусе лексема *derwisz* фиксируется уже в первой четверти XVII в. – неоднократно в переводе «Гулистана» Саади, выполненном С. Отвиновским между 1610 и 1625 г., поэтому польский, вероятнее всего, оказывается языком-посредником при передаче данного варианта заимствования³. В Петровскую эпоху эта форма отмечается в «Книге свѣтима или Состояніе мухаммеданския религіи» 1722 г. Это перевод составленного по-латыни Димитрием Кантемиром сочинения об исламе и о современном ему состоянии мусульманского мира, выполненный И.Ю. Ильинским⁴, личным секретарем Димитрия Кан-

¹ https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=&mysent=&mysize=&mysent-size=&dpp=&spp=&spd=&ct=&mydocsize=&mode=mid_rus&lang=ru&sort=i_grtagging&noaccent=1&text=lexform&f=f&req=%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B1%D1%8B%D1%88%D1%8A (дата обращения: 18.07.2022).

² <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D0%B4/%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%B8%D1%88> (дата обращения: 18.07.2022).

³ https://korba.edu.pl/query_corpus/12/ (дата обращения: 08.11.2022).

⁴ Оцифрованный экземпляр издания доступен по ссылке: <https://kp.rusneb.ru/item/material/kniga-sistima-ili-sostoyanie-muhammedanskiya-religii> (дата обращения: 24.11.2020).

темира и учителем его детей: Препираются жестоко ѳеологи Мухаммеданские, о уставѣ жития, нѣких дервишев (222). Здесь же употребляется прил. *дервишский*: Султан... государство добровольно оставил... и Дервишское житие препровождаше (274) [СлРЯз XVIII в., вып. 6: 99].

Лексема *дервишь* находится и в «Гистории управления настоящего Империи Оттоманской», переведенной П.А. Толстым во время его дипломатической миссии и последующего пребывания в Османской империи (1702–1714 гг.) с итальянской версии сочинения П. Рико «The History of the Present State of the Ottoman Empire». Итальянская версия «Гистории» зависит от французского перевода английского оригинала [Соколов, Малышева 2021: 190, 191]. Русский перевод, появившись в Петровскую эпоху (это рукописи БАН 31.3.22 и БАН 34.5.28 – последняя с редакторской корректурой сына П.А. Толстого Ивана), был опубликован только в 1741 г. Следует отметить в связи с этим и непростую текстологическую историю рассматриваемого перевода. При окончательной подготовке к публикации он претерпел изменения, связанные со сверкой по польской версии «Гистории», так как, по всей вероятности, у справщиков не нашлось исходного для перевода итальянского издания [Николаев 1988: 164; 10]. В этом сочинении дервишам посвящена отдельная глава во второй части, повествующей о религии турок. БАН 31.3.22: Глава г҃а о дервишахъ (л. 178 об.), то же БАН 34.5.28 (л. 126), то же в печатном тексте [Рикот 1741: 181] – итал. CAP. XIII. Delli Deruis [Rycaut 1672: 188]; франц. Chapitre XIII. Des Dervis [Rycaut 1670: 439]; польск. Rozdział XIII. O Dervifach [Rycot 1678: 169] – СНАР. XIII. Of the Dervifes [Rycaut 1686: 261].

Я помню что в мое время была заказана *дервише* оная музыка публично (л. 181 об.), то же БАН 34.5.28 (л. 128), в печатном тексте дервишскому (!) [Рикот 1741: 184] – итал. e mi fouviene ch'al mio tempo, ne fù prohibito l'vfo alli *Deruis* con vn publico editto [Rycaut 1672: 191]. Ср. польск. Pamiętam że zámoiey pámięci zákázano Deruifom Muzyki publicznym Uniwersałem [Rycot 1678: 171]; франц. je me fouviens que de mon tems on en defendit l'vfrage aux *Dervis* par vn Edit public [Rycaut 1670: 445] – I remember, that in my time prohibitions have been made by publick Authority against this practice of the *Dervifes* [Rycaut 1686: 265].

БАН 31.3.22: Сиѣ **де^рвиши** в' почтеннейшихъ мѣстехъ имперіи отоман'ской имѣють некоторые мнѣтри каторые служатъ для пребывания и препокоения странствующихъ ихъ устава. На поле: **де^рвиши** в' зна^тныхъ мѣста^х монастыри Имѣютъ (л. 183 об.), то же БАН 34.5.28, но без маргиналии (л. 129 об.), то же в печатном тексте, но без маргиналии [Рикот 1741: 186] – итал. Questi *Deruis* nelle più confiderabili parti dell'Imperio Ottomano, hanno alcuni Monasterij li quali feruono d'albergo, e di ricouero alli Pellegrini del loro ordine, che viaggiano [Rycaut 1672: 193]. Ср. польск.: Máią Dervifowie Kłáštory swoie w naupzednieyßych mieyfcách Páństvá Ottomáńskiego / ktore stoią zá gospody y gościńce pielgrzymom podroźnym z ich zakonu [Rycot 1678: 173]; франц. Ces *Dervis* ont des Monastéres dans les plus confidérables endroits de l'Empire Ottoman, qui seruent d'auberges, et de retraite aux Pelerins de leur Ordre qui voiagent [Rycaut 1670: 450] – These *Dervifes* have Monasteries in the most famous places of the Turkißh Empire, which serve the travelling Pilgrims of this Order for Inns and places of entertainment [Rycaut 1686: 267].

Стоит отметить, что в некоторых случаях в итальянском оригинале рассматриваемой лексеме соответствует другое слово: Ново учинившиися **де^рвиши** сѣть примѣшены въ вѣщи простеишии и со временемъ входятъ другіе въ ихъ мѣста. На поле: новые **де^рвиши** (л. 182), то же БАН 34.5.28, но без маргиналии (л. 128 об.),

то же в печатном тексте: Новоучинившиеся дервиши, без маргиналии [Рикот 1741: 184] – итал. **li Nouizzi** sono impiegati nelle cofe più vili, e co'l tempo entrano altri in loro vece [Ryscaut 1672: 188]. Возможно, такое решение было принято, чтобы избежать употребления прямого заимствования из итальянского и вместе с тем объяснить реалию, т. е. может рассматриваться как случай экспликативного перевода с помощью словосочетания (*li Nouizzi*¹ – ново учинившиеся дервиши)².

Однако в переводе «Гистории» имеется однокоренное заимствование *новициат*: потребно чтобъ былъ человекъ чрезыбыкновенно умученъ, терпѣливъ, и готовъ снести всякій трудъ, и совершитъ всякое повелѣніе съ большімъ униженіемъ, и со скоростію паче, нежели чинятъ Капуцины, и иные законники **въ ихъ новіціятахъ** [Рикот 1741: 35], БАН 31.3.22 въ ихъ новицыатахъ (л. 35 об.), БАН 34.5.28 въ ихъ новіціятахъ (л. 22) – *bifogna che reifca vn'huomo estraordinariamente mortificato, paziente, e pronto à sopportare ogni fatica, ed' essequire ogni forte di comando, con maggior vmiltà, ed' effattezza, che non fanno li Capucini, ò gli altri Religiosi nel loro Nouiziato* [Ryscaut 1672: 36], франц. *dans leur noviciat* [Ryscaut 1670: 86], польск. *w Nowiciacie* [Ryscot 1678: 34].

При этом в словаре русского языка XVIII в. лексема *новициат* ‘послушание, испытание, искуc, а также время испытания для лиц, вступающих в монашество или в масоны’; ‘кельи для лиц, проходящих испытание перед пострижением в монахи’ отмечается лишь в сочинениях второй половины – конца XVIII в. (Переписка московских масонов 1780–1792 гг.; Заметка Екатерины II по поводу иезуитов 1777 г.), а его источником считается только франц. *noviciat* [СлРЯз XVIII в., вып. 15: 160].

В нескольких случаях в «Гистории» зафиксирован вариант *дервижь*, возникающий, вероятно, как результат гиперкоррекции, например: Познавъ бѣдныи **Дервижь** что оныи которому говорѣлъ такъ откровенно, былъ Султанъ [Рикот 1741: 61], БАН 31.3.22 дервижь (л. 61 об.), БАН 34.5.28 дервижь (л. 38 об.) – итал. *Conoscendo il pouero Deruis, che quello al quale haueua così domesticamente parlato era il Gransig. <il Gransignore>* [Ryscaut 1672: 68], ср. польск. *Biedny Kucharz <‘повар’> postrzegły że to był Cefarz z ktorym tak po przyiaciel[ku rozmawiał / upadł mu do nog wbytek drżący* [Ryscot 1678: 59].

Примечательно, что во всех случаях употребления слова переводчик «Гистории управления настоящего Империи Оттоманской» не опирается на написание данного заимствования в итальянском переводе, давая вариант, оканчивающийся на *-и/ж*. Возможно, в таком выборе отражается влияние польского языка, но не прямое влияние польского издания, так как вариант *дервишь* в обеих сохранившихся рукописях перевода присутствует изначально и не является результатом правки.

Иное решение для данного заимствования представлено в двух русских переводах Корана первой четверти XVIII в., выполненных с французского перевода Андре Дю Рие. Старший перевод был напечатан в Санкт-Петербурге в 1716 г. Он сохранился также в наборной рукописи РГАДА, ф. 381 (Син. тип.) № 1034. Кроме того, известен корректурный печатный экземпляр РГАДА, БМСТ / гр.п. № 3(36). Правка в этих источниках принадлежит Михаилу Волкову и Ивану Кременецкому [Круминг 1994: 233; Запольская 2002: 436–437]. Сам перевод последовательно приписывался Д. Кантемиру, И.Ю. Ильинскому, обоим братьям Постниковым,

¹ Совр. ит. *novizio*, пл. *novizi* ‘послушник’.

² В польском тексте также нет рассматриваемого заимствования: *Nowiciułow żązywáią do podleybnych po[st]ug / pokí świeży ná miey[sc]e ich nie ná[st]ąpi [Ryscot 1678: 172].* Ср. тж. франц. перевод: *Les Novices sont employez auz chofes les plus basses, et avec le tems il en vient d'autres qui prennent leur place* [Ryscaut 1670: 446] – *The Novices ferve in the most fervile Offices, and in time others supply their places* [Ryscaut 1686: 265].

носившим одинаковое имя Петр. В недавнее время выдвинута версия о его принадлежности П.А. Толстому, который выполнил также перевод «Гистории» с итальянского языка [Бабаева 2021: 7–14]. Второй перевод Корана содержится в двух рукописях: БАН, 33.7.6 (первые 20 глав) и РГАДА, ф. 181 (МГАМИД) № 148/217 (переплетена в январе 1726 г.). Во второй рукописи имеется запись о ее переводе Петром Постниковым [Круминг 1994: 237; Запольская 2002: 443].

В изданиях перевода Дю Рие имеется небольшое предисловие «Sommaire de la religion des Turcs», в котором находится краткое описание религиозных орденов с интересующим нас словом: Ils ont encore une autre sorte de Religieux vagabons par le monde vétus comme des foux de ce païs, ils vont souvent nuds, & découpent leur peau en plusieurs endroits, ils sont tenus pour saints personnages, & vivent d'aumône, qui ne leur est jamais refusée; l'un et l'autre sorte de Religieux **se nomment Dervis**, on les connoit à leurs vétemens, & se peuvent retirer & marier quand bon leur semble [L'Alcoran de Mahomet 1685: 8].

Приведем этот фрагмент по рукописи с редакторской правкой: РГАДА, ф. 381 (Син. тип.) № 1034 Еще имѣють нѣкакыхъ зако^ннико^в скитающ^ихся по свѣту [х испр. из ъ (?)] одѣты яко юроды [ю испр. на х, сверху глосса: или дѣраки] **фраццекіе (!)**, часто і [вставлено] нагія ходят^ь, и ізрѣзаны ихъ кожи во многихъ мѣстахъ. и содержатъ ихъ за свѣтыхъ, и живутъ подаяніемъ [сверху: млстины (!)], аще ли же кто і не ихъ есть, никогда не выганивають. сѣть другія зако^нники, именуются **древисъ**, и познавають ихъ по одѣянію. си могутъ ѡтйти из своего законъ, и женитися когда похотятъ (л. 3–3 об.). Переводчик допускает здесь ошибку, связанную с неправильной референцией словосочетания *de ce pais* ‘той страны’. Справщик, как видно, обращает внимание на получившуюся несуразность (в описании речь идет об исламских странах, а не о Франции), зачеркивает прилагательное *французскій* и вставляет глоссу для *comme des foux – яко хроды или дѣраки*. При этом соответствие для франц. *de ce pais* теряется. Однако в корректурном печатном экземпляре, как и в тираже, это исправление пропадает, и ошибка переводчика по неясным причинам снова воспроизводится: РГАДА, БМСТ / гр.п. № 3(36) Еще имѣють нѣкак^ихъ закон^никовъ скітающ^ихся по свѣту, одѣты яко юроды французскіе, часто и наги ходятъ, и изрѣзаны ихъ кожи во мног^ихъ мѣстахъ. и содержатъ ихъ за свѣтыхъ, а ж^ивуть оныя подаяніемъ, аще ли же кто и не ихъ есть, нікогда не выганівають, сѣть другія закон^ніки именуемые **древісъ**, и познавають ихъ по одѣянію. с^ии могутъ от^гитти изъ своего закону, и женіт^ися когда похотятъ (с. 2). При этом вариант передачи заимствования (с метатезой *дре-* и финальной частью *-с*) не меняется.

Второй переводчик Корана прибегает к транслитерации заимствования: РГАДА, ф. 181 (МГАМИД) № 148/217 Еще имѣють други^х монаго^в (!) путеше^ствующихъ по свѣту, одѣты яко безумные се’ стра^нны, ча^сто наги ходятъ, ирѣжутъ вмѣ^нкія части свою кожу вмѣ^сто свѣты^х ѡныхъ имѣють, мило^стынею питаються, единые и другіе монахи называються **де^рви^с**, поплатию знаеми бывають могутъ свободитися и бракомъ сочетатися е^сда похощутъ (л. 6). В целом, однако, этот пассаж во втором переводе выглядит более понятным. В нем пропущен в то же время перевод фрагмента [ils] vivent d'aumône, *qui ne leur est jamais refusée* ‘они живут милостыней, в которой им никогда не отказывают’. Ср. в первом переводе ошибка в результате применения принципа пословного перевода при неправильной сегментации фрагментов: кто і не ихъ есть (= qui ne leur est), никогда не выганивають. Выражение *l'un et l'autre sorte de Religieux* адекватно передается как *единые и другіе монахи*, ср. в первом переводе *сѣть другія закон^ніки*.

Несмотря на это, оба переводчика фактически следуют за орфографией французского оригинала, передавая сущ. *dervis* как *древись* / *дервись*, что отличается от тактики, реализованной в переводе «Гистории», где слову *deruis* соответствует *дервишь*¹.

По данным [TLFI], лексема *derviche* ‘religieux musulman, faisant partie d’une confrérie et vivant généralement dans un monastère’ имела два варианта написания, а также два варианта произношения – [derviʃ] и [dervi]. Академические словари 1762 и 1798 гг. дают формы *dervis* и *derviche*; словари 1835–1932 гг. также дают две формы, однако на первое место ставят *derviche*. В 1542 г. зафиксирована форма *deruiz*, в 1622 г. *deruich*, в 1653 г. *deruiche*. Слово это было заимствовано во французский язык двумя путями – как непосредственно из турецк., так и через итал. *dervis* (с нач. XVI в.)². В итал. возможны были два варианта ударения: *dèrvis* или *dervìs* (совр. итал. *derviscio*)³.

Несовпадение передачи заимствования *дервишь* / *древись* в двух переводах, связываемых с личностью П.А. Толстого, может объясняться по-разному. Во-первых, можно предположить, что перевод Корана был выполнен не самим П.А. Толстым, а кем-то из его круга. Так, вместе с ним в 1702 г. в Османскую империю в составе дипломатической миссии прибыли посольские дворяне Иван Толстой (старший сын Петра Андреевича) и Василий Блеклый. Кроме того, «в состав посольства входили переводчик латинского, греческого, итальянского языков Моисей Арсеньев и два толмача: турецкого и татарского языков Кирилл Македонский, греческого и молдавского Иван Иванов, а также священник Андрей Игнатьев» [Базарова 2019: 53]⁴.

Иван Толстой, который должен был учиться в Италии, смог покинуть Стамбул только в 1706 г. – до этого его не отпускали османские власти. Тем не менее в Стамбуле он обучался европейским языкам, «понеже французов и италианцов тамо много»; кроме того, П.А. Толстой, отправляя сына на родину, аттестовал его как человека, который «умеет говорить по-турецки свободно» [там же: 54–55]. Можно было бы предположить причастность И.П. Толстого к переводу Корана с французского языка. Следует заметить, однако, что, как уже было упомянуто, именно Иван Толстой редактировал перевод «Гистории», и при этой редакции написание слова *дервишь* не изменилось – вариант *древись* нигде в тексте не встречается.

Во-вторых, данное несовпадение может объясняться разницей подхода к оригиналу. Известно, что переводчик Корана не очень хорошо знал французский язык [Запольская 2002: 437–442], поэтому он мог чувствовать себя более скованно, не всегда хорошо понимая смысл текста, и, как следствие, транслитерировать заимствованные реалии.

¹ Следует отметить, что форма этого заимствования нарушает и закономерность, выявленную при анализе заимствований в целом в печатном переводе Корана 1716 г. в [Пентковская, Бабаева 2022: 117]: как правило, хотя заимствование и поддерживается чтением оригинала, его форма указывает на восприятие заимствования не непосредственно из французского языка, а из польского, немецкого или латыни. Распределение заимствований Петровской эпохи главным образом между польским (в качестве посредника) и немецким языками было отмечено на другом материале более века назад Н.А. Смирновым. Особняком стоят морские термины, вошедшие в русский язык из голландского [Смирнов 1910: 11]. Обсуждаемое нами заимствование *древись* относится к сфере религиозной терминологии, чем отчасти объясняется иной путь его усвоения.

² <http://stella.atilf.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/advanced.exe?s=4278226290> (дата обращения: 31.07.2022).

³ <https://www.treccani.it/vocabolario/derviscio> (дата обращения: 31.07.2022).

⁴ В Статейном списке посольства П.А. Толстого в Константинополь (РНБ, Ф. V. 153, 1702 г.) имеется помета справщика: Справи^а Михайло Волковъ (л. 36). Отметим, что Михаил Волков, справщик Петербургской типографии (если это одно лицо) был одним из редакторов перевода Корана, напечатанного в 1716 г. [Круминг 1994: 233].

Так или иначе материал свидетельствует, что в первой четверти XVIII в. в орфографическом оформлении и произношении данного слова в русском языке наблюдается вариативность, как и в европейских литературных языках, и прежде всего во французском. Ударение в этом заимствовании на начальном слоге, возможно, отражает польское влияние, а на последнем – французское. Старый вариант *дербышь*, по всей вероятности, именно в этот период выходит из употребления. При этом вариант *древись* / *дerviсь* не фиксируется историческими словарями русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Бабаева 2021 – *Бабаева Е.Э.* Еще раз об авторстве первого перевода Корана (1716 г.) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции. М., 2021. С. 7–14.

Базарова 2019 – *Базарова Т.А.* «Для лутчаго и состоятельнейшаго оного мира охранения...»: пребывание русского посла П.А. Толстого при османском дворе // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 101: Петровское время в лицах-2019: Материалы научной конференции. СПб., 2019. С. 53–60.

Беляков 2022 – *Беляков А.В.* Симеон Бекбулатович. М., 2022. 408 с.

Живов 2017 – *Живов В.М.* История языка русской письменности: В 2 т. М., 2017. 1285 с.

Запольская 2002 – *Запольская Н.Н.* Культурно-языковой статус личности и текста в Петровскую эпоху (опыт прогнозирующего анализа) // Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением. М., 2002. С. 422–447.

Круминг 1994 – *Круминг А.А.* Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1994. С. 227–239.

Николаев 1988 – *Николаев С.И.* Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 162–172.

Пентковская, Бабаева 2022 – *Пентковская Т.В., Бабаева Е.Э.* Перевод Корана Петровской эпохи. М., 2022. 800 с.

СлРЯз XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М., 1975–2019.

СлРЯз XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–22. Л.; СПб., 1984–2019.

Смирнов 1910 – *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910. 400 с.

Соколов, Малышева 2019 – *Соколов А.И., Малышева И.А.* «Монархия Турецкая» в переводе П.А. Толстого как источник изучения русского языка начала XVIII века // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 4(36). С. 34–43. DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.04

Соколов, Малышева 2021 – *Соколов А.И., Малышева И.А.* Тюркизмы в одном из ранних русских переводов XVIII века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. Т. 18. № 1. С. 187–201. DOI 10.21638/spbu09.2021.110

Срз. – Материалы для словаря древнерусского языка. Труд И.И. Срезневского. СПб., 1893.

Рикот 1741 – *Рикот П.* Монархия турецкая, описанная чрез Рикота бывшего аглинского секретаря посольства при Оттоманской Порте. Переведена с польского на российской язык. СПб., 1741. 278 с.

L'Alcoran de Mahomet 1685 – L'Alcoran de Mahomet. Traduit d'Arabe en François, par le Sieur Du Ryer, Sieur de la Garde Malezair. A LA HAYE, M.DC.LXXXV. 514 p.

Ryscaut 1686 – *Ryscaut P.* The History of the Present State of the Ottoman Empire. London, 1686. 406 p.

Rycaut 1670 – *Rycaut P. Histoire de l'état present de l'Empire Ottoman. À Paris, 1670. 661 p.*
Rycaut 1672 – *Rycaut P. Istoria dello stato presente dell'Imperio Ottomano. Venetia, 1672. 296 p.*
Rycot 1678 – *Rycot P. Monarchia Turecka, opisana przez Ricota sekretarza posła angielskiego. W Słucku, 1678. 251 s.*

TLFI – Trésor de la Langue Française informatisé: atilf.atilf.fr/tlfv3.htm

REFERENCES

Babayeva 2021 – Babayeva E.E. Once Again about the Authorship of the First Translation of the Quran (1716). In: Translators and translations in Russia of the late 16th – early 18th century: Proceedings of the international scientific conference. Moscow. 2021, pp. 7–14. (In Russ.)

Bazarova 2019 – Bazarova T.A. “For the Better and Urgent Preservation of This Peace Treaty”: The Stay of the Russian Ambassador P.A. Tolstoy at the Ottoman Court. In: Works of the State Hermitage Museum. Vol. 101. Petrine Era in personalities-2019: Proceedings of the scientific conference. St. Petersburg. 2019, pp. 53–60. (In Russ.)

Belyakov 2022 – Belyakov A.V. (2022) Simeon Bekbulatovich. Moscow. 408 p. (In Russ.)

Zhivov 2017 – Zhivov V.M. (2017) History of the Russian Written Language: In 2 vols. Moscow. 1285 p. (In Russ.)

Zapolskaya 2002 – Zapolskaya N.N. Cultural and Linguistic Status of a Person and a Text in the Petrine Era (experience of predictive analysis). In: Slavonic Language and Ethno-linguistic Systems in Contact with Non-Slavic Environment. Moscow. 2002, pp. 422–447. (In Russ.)

Kruming 1994 – Kruming A.A. The First Russian Translation of the Koran Made under Peter the Great. In: Archive of Russian History. Issue 5. Moscow. 1994, pp. 227–239. (In Russ.)

Nikolaev 1998 – Nikolaev S.I. About Attribution of Translated Monuments of the Petrine era. *Russian literature*. 1988. No 1, pp. 162–172. (In Russ.)

Pentkovskaya, Babaeva 2022 – Pentkovskaya T.V., Babaeva E.E. (2022) A Translation of the Quran of the Petrine Era. Moscow. 800 p. (In Russ.)

SIRYaz XI–XVII vv. – Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th centuries. Issues 1–31–. Moscow. 1975–2019–. (In Russ.)

SIRYaz XVIII v. – Dictionary of the Russian language of the 18th century. Issues 1–22–. Leningrad; Saint-Petersburg. 1984–2019–. (In Russ.)

Smirnov 1910 – Smirnov N.A. (1910) Western Influence on the Russian Language in the Petrine Era. St. Petersburg. 400 p.

Sokolov, Malysheva 2019 – Sokolov A.I., Malysheva I.A. “The Turkish monarchy” in P.A. Tolstoy’s Translation as a Source for Studying Early Eighteenth-Century Russian. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*. 2019. No 4(36), pp. 34–43. (In Russ.) DOI 10.25688/2076-913X.2019.36.4.04

Sokolov, Malysheva 2021 – Sokolov A.I., Malysheva I.A. Turkisms in One of the Early Russian Translations of the 18th century. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021. Vol. 18. No 1, pp. 187–201. (In Russ.) DOI 10.21638/spbu09.2021.110

Srz. – Materials for the Dictionary of the Old Russian Language. The work of I.I. Sreznevsky. St. Petersburg. 1893. (In Russ.)

Rycaut 1741– Rycaut P. (1741) The Turkish Monarchy, described through the Ricot, the former secretary of the English ambassador at the Ottoman Port. Translated from Polish into Russian. St. Petersburg. 278 p. (In Russ.)

L’Alcoran de Mahomet 1685 – L’Alcoran de Mahomet. Traduit d’Arabe en François, par le Sieur Du Ryer, Sieur de la Garde Malezair. A LA HAYE. M.DC.LXXXV. 514 p.

Rycaut 1686 – Rycaut P. (1686) The History of the Present State of the Ottoman Empire. London. 406 p.

Rycaut 1670 – Rycaut P. (1670) Histoire de l'état present de l'Empire Ottoman. À Paris. 661 p.

Rycaut 1672 – Rycaut P. (1672) Istoria dello stato presente dell'Imperio Ottomano. Venetia. 296 p.

Rycot 1678 – Rycot P. (1678) Monarchia Turecka, opisana przez Ricota sekretarza posła angielskeigo. W Słucku. 251 s.

TLFI – Trésor de la Langue Française informatisé. atilf.atilf.fr/tlfv3.htm

Сведения об авторе:

Татьяна Викторовна Пентковская,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова

Tatiana V. Pentkovskaya,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
tatiana.pentkovskaya@gmail.com

Н.В. Николенкова (Москва, Россия)

Диминутивы в истории русского литературного языка: к истории формирования языка русской науки.

Аннотация: В статье рассмотрено использование диминутивов в языке русской науки второй половины XVIII – начала XIX в. В это время использование диминутивов в качестве научных терминов было вполне естественным явлением, слова с суффиксами уменьшительности использовались в разных областях науки, большая часть приходилась на язык формирующейся биологии. В языке современной науки многие из этих терминов, являющихся диминутивами по происхождению, продолжают использоваться, несмотря на то что в языке современной науки действует запрет на употребление экспрессивных слов, в том числе с суффиксами уменьшительности. Однако этот запрет не относится к терминам, возникшим в ранний период формирования языка русской науки.

Ключевые слова: история языка русской науки, литературный язык XVIII в., диминутивы

N.V. Nikolenkova (Moscow, Russia)

Russian Language Diminutives in the History of the Russian Literary Language: on the History of Russian Science Language formation

Abstract: The article considers the use of diminutives in the language of Russian science in the second half of the 18th – early 19th cs. At that time, the use of diminutives as scientific terms was quite a natural phenomenon, words with diminutive suffixes were used in various fields of science, most of them fell into the language of emerging biology. In the language of modern science, many of these terms, which are diminutives in origin, continue to be used, despite the fact that in the language of modern science there is a ban on the use of expressive words, including those with diminutive suffixes. However, this prohibition does not apply to terms that arose in the early period of the formation of the language of Russian science.

Key words: history of the language of Russian science, literary language of the 18th century, diminutives

Рассматривая лексические особенности научного стиля речи сегодня, авторы пособий по культуре речи замечают, что в научном языке нельзя использовать лексику экспрессивную, в том числе уменьшительно-ласкательные лексемы [Сидорова 2005]. При этом исследователи фиксируют, что значительное число терми-

нов в языке современной науки в начальный период своего формирования были диминутивами: *жгутики* (органеллы клетки, маленькие жгуты) [Фуфаева 2016: 121]; *усики* (головные придатки членистоногих или специфические побеги нитевидной формы); *кавычки* (парный знак препинания, исторически образованный от «кавыка» [Фасмер 2004: 154], разновидностями которых будут *лапки* и *ёлочки*). Подобные образования, т.е. лексемы, по происхождению являющиеся диминутивами, но из-за регулярности их употребления превратившиеся в нейтральные существительные [Фуфаева 2016: 123], встречаются и в других сферах: при номинации товаров (*колбаски охотничьи*), для называния животных, птиц и других предметов растительного и животного мира (*грибок* как микроорганизм; *бабочка*, *лепесток*, *яблык*, *дворняжка* [там же]). Исторически диминутивами являются и такие лингвистические термины, как *частица*, *скобки*, *связка*.

В истории русской грамматики уменьшительные (и увеличительные) существительные рассматривались как особая группа внутри имени. Так, М.В. Ломоносов в особых параграфах разбирает сложности правописания и словоизменения «умалительных», а часть главы 6 наставления третьего посвящает им, разделяя на «ласкательные» и «презирательные». У двух этих групп существительных различаются финалы: первые заканчиваются на «икъ, ець, окъ, чикъ, ка, ушка, ко» и т.д. [Ломоносов 1755: 98–99]. Ломоносов говорит и о умалительных прилагательных, заканчивающихся на «ватъ, некъ», среди которых перечислены *красноват*, *сыроват*, *плоховат*¹ [там же]. Анализ языка ученого показывает, что сам достаточно широко использует такие лексемы в собственных сочинениях: так, при составлении «Минерального каталога» он использует в качестве терминов *желтоватый*, *слоеватый*, *черноватый*, *частица*, *крупица* [Волков 2010].

Умалительные (и увеличительные) имена описываются в Академической грамматике начала XIX в. Сначала в параграфе 134 описываются уменьшительные прилагательные, оканчивающиеся на «ехонекъ, ешенекъ» [РГ 1802: 116], далее перечислены уменьшительные существительные на «екъ» (*кошелек*, *ломтик*, *дружок*, *корешок*), «икъ» и «окъ» (*листик*, *грибок*) [там же: 117–119] и т.д. Среди перечисляемых можно отметить лексемы с суффиксами уменьшительности, которые для авторов оказываются уже нейтральными образованиями: *кружка*, *банка*. В параграфе 169 среди уменьшительных прилагательных перечислены слова с суффиксальным «оват» (*суховатый*, *туговатый*), как будет показано далее – широко используемые в этот период в научных описаниях.

Составители грамматик начала XIX в. также описывают диминутивы. Так, у Н.И. Греча «уменьшительные» разделяются три группы: называющие меньшие по сравнению с другими предметы, ласково-приветственные и уничижительные [Греч 1843: 7]. В первую группу ученый включает *столик*, *дерево*, *ручка*, при этом последняя лексема в словарях употребляется уже в значении ‘та часть у какой-нибудь вещи, за которую при употреблении одной ухватить можно’ [САР V: 206] с пометой «умалительное» и ‘часть у какой-нибудь вещи, за которую удобно брать ее’ [Сл 1847: 79] без помет. Уменьшительные как разряд существительных упоминает в своей грамматике А.Х. Востоков, относя к таковым слова мужского рода на «инь, окъ, екъ, ець», среднего на «ко, це» и женского на «ка, ица» – в число их попадает лексема *частица* [Востоков 1844: 15], при этом ласкательные, уничижительные и неуважительные автор относит к другому разряду.

¹ Все примеры будут даваться в современной орфографии.

Подробно анализирует диминутивы в своих грамматических работах К.С. Аксаков, у него они связаны с понятием «объем» и представляют уменьшительность как характеристику «точки зрения на предмет»: присоединяя к слову «окончание» (в терминологии Аксакова так называются два конечных звука лексемы, причем «ъ» в его системе также имеет звуковое выражение), бывают трех групп («слоев» – по числу суффиксов «уменьшительности»). Рассуждения Аксакова, весьма спорные и далекие от подлинно научных, интересны тем, что диминутивам он придает разные оттенки значений – от собственно маленького размера до значения «милого, ласкового», «беззащитного», «робкого», а также «значение детства» [Аксаков 2011: 73–75]. В целом ряде случаев можно отметить, что Аксаков сам конструирует слова, которые должны иллюстрировать его рассуждения: так, наряду с «добродушным» *парниша*, считает вполне употребляемыми *сеструша*, *братиша*; обозначения детей иллюстрирует форма *французята*; выделяет группу лексем на «-га, -ха, -та» с примерами *дочуга*, *сынюга*, *сынюха* [там же: 75, 80]. Автор грамматических рассуждений не сомневается, что подобные лексические единицы окажутся востребованными в языке.

Такое внимание к диминутивам нам кажется связанным с их широким употреблением в языке науки XVIII – начала XIX в. Особенно активно их использование в языке формирующейся биологии – при описании животного и растительного мира. В качестве примера рассмотрим широко распространяющиеся в конце XVIII в. энциклопедии о животных. Подавляющее их большинство обращены к подрастающему поколению – детям разного возраста, подросткам и юношеству. В первую очередь диминутивы употребляются, если необходимо показать небольшой размер животного или его части: «имеет *тоненькую* голову»; «делает кровопролитие над миролюбивыми сими *птичками*»; «*лапки* у ней весьма коротки»; «берет передними *лапками*»; «*тоненькая* и распростертая *кожица*» [ЕИ 1789]. В той же энциклопедии, в статье про «Камелопарда», встречаем словосочетания «*маленькие рожка*» [там же: 119], при помощи которого указывается небольшой размер рогов жирафа – в сравнении с рогами других описываемых животных. В словарной статье про кролика читаем: «знатные господа делают в своих садах иногда нарочно для *кроликов пригорочки*» [там же: 87]. Заметим, что собственно диминутивом является и само название животного – кролик. Слово заимствовано из польского и «ик» здесь имеет значение «маленький» *krol* [Фасмер 2004: 380].

Словарная статья «кролик» есть и в Словаре Академии Российской [САР III: 963–964]. Именно диминутив вошел в русский язык как название конкретного животного и используется до сих пор. Заметим, что в самой словарной статье диминутивы отсутствуют, в описании животного используются такие наименования частей тела, как *губа*, *глаз*, *нога*; однако для детенышей составители включают лексему *зайчонки*; также зафиксировано прилагательное *беловатый*, которое со времен Ломоносов широко используется при научном описании.

Широкое использование диминутивов мы отмечаем и в других энциклопедиях для юношества, в первую очередь при описании небольших по размеру животных и их потомства: «сей *воробеньшек*» (о жаворонке); «с продолговатым *носиком птичка*»; «имеет *шейку*» (о соловье); «осязательные *усики*», «*коротенькие ножки*» (статья «Паук») [ДЭ 1811]; «*детенышков*»; «*детенышек* питается»; «сии *яички*»; «*пробивает* носиком свою *темницу*» (статьи о птицах); «*птички* сии столь малы»; «*яички* их не более зерна»; «малое *зернышко*»; «долгой кривой *носик*»; «*гнездышко* сие» (о колибри) [НЗ 1811].

Для животных небольшого размера активно используется терминологическое «зверок». В Словаре Академии Российской лексемы «зверь» и «зверок» сначала даны как варианты в значении ‘животное четвероногое бессловесное, дикое’ [САР III: 35], как «уменьшительное» к этой нейтральной паре далее дается «зверочек», однако далее как уменьшительные в значении ‘малый зверь’ даны и *зверок*, и *зверочек* [там же: 36].

Рассматривая все тома САР, мы можем выделить несколько наиболее частотных вариантов использования диминутивов в словарных статьях, посвященных животному и растительному миру. В большинстве случаев мы встречаем эти лексемы в самом тексте статьи: «воробей» – маленькая *птичка*, семенами питающаяся; брюхо *белесоватое*, хвост *вилкою* [САР I: 851]; «вьюн» – *рыбка*, водящаяся в реках, имеет на голове *дыхальцо*, кожа на нем *черноватая*, хвост *копейцом* [там же: 962]; «крот» изгрызает *корешки* [САР III: 973], птица приморская «крохаль» имеет *желтоватые* перья и червленые *перепонки* [там же: 974], у «крысы» хвост покрыт *мелкими чешуйками*, *ушки кругловатые* [там же: 1029]. Диминутивы появляются в результате необходимости соотнести размер животного, части его тела или что-то связанное с его жизнедеятельностью с другими описанными в словаре. Поскольку в САР именно статьи о животном и растительном мире имеют построение энциклопедического типа, т.е. описывают само животное или растение, а не употребление лексемы, авторам важно дать читателям представление о внешнем виде и размере описываемого (поэтому «выдра» имеет *ушки* [САР I: 936], а «заяц» – уши, но *хвостик* [САР III: 21]).

Ко второй группе мы отнесем словарные статьи, диминутивы в которых позднее становятся терминами науки – *перепонки*, *чешуйки*, *усики* у насекомых, *пучки* и *стручки* как вид соцветий у растений. В последнем примере подтверждением диминутивного употребления будет словарная статья «струк» с умалительным «*стручок*» – «род кожеобразного, продолговатого вместилища, в коем у некоторых растений семена содержатся» [САР V: 905].

К третьей группе отнесем названия растений и животных, уже содержащие в себе суффикс уменьшительности: *букашка*, *варакушка*, *вертошейка*, *кувшинка*. Часть этих номинаций сохранилась и в современной биологической терминосистеме (иногда в видоизмененном облики – птица «вертишейка»). В некоторых случаях САР дает возможность зафиксировать, что в названии животного в конце XVIII в. реализуется тенденция к переходу на употребление с суффиксом уменьшительности. К примеру, мы имеем словарную статью «белая рыба», под которой в одном из значений подразумевается «всякая мелкая рыба в различие от красной», «белая *рыбка*» – вид сельди, а также «белая *рыбица*» – «рыба Каспийского моря, похожая как станом, так и величиной на лосося» [САР I: 435]. «Куна, *куница*» (без указания на умалительность) в первом значении «*зверок* хищный, длиною от конца носа до хвоста около полутора фута» [САР III: 1064] – заметим, что породы зверя отмечаются как «лесная *куница*» и «каменная *куница*»; диминутивом в словарной статье будет также указание на *ушки* животного [там же].

Во многих случаях в САР в одном ряду лексема и ее диминутив дается по отношению к лексике не научной, а официально-юридической. К примеру, в словарной статье «крюк» с пометой «умалительные» даны *крючек* (и «крючечек»), при этом для варианта «крючок» есть употребление в значении ‘в письменных приказных делах означает умышленное прикрытие истины каким-нибудь превратным толком, вымыслом или не соответствующим делу законом’: секретарь в дело его вернул *крючок* [САР III: 1045].

Однако основная сфера употребления диминутивов – в описаниях животных и растений. В первую очередь, безусловно, такая тенденция связана с характером

описания их в энциклопедиях и со стремлением сохранить энциклопедическую форму описания в словарях. На необходимость изменить подход к словарным статьям о животном и растительном мире обращает внимание в статье 1815 г. «Некоторые примечания на предполагаемое вновь сочинение Российского словаря» президент Российской Академии А.С. Шишков. Он замечает, что «имена зверей, птиц, рыб, трав и проч., хотя и входят в словарь, однако же с кратким токмо означением, а не с пространном описанием оных, поелику сие принадлежит к естественной истории, а не к языку» [Шишков 1825: 16–17]. Данное замечание родилось на почве наблюдений Шишкова над характером рассмотренных нами словарных статей и фактически не только стало подведением определенного итога развитию русской лексикографии раннего периода, но и изменило характер подачи материала в словарях. Постепенно меняющийся характер описания вытеснил диминутивы из словарей, сохранив лишь те, которые получили уже терминологический характер. Эти диминутивы, лишенные частично своего «умалительного» значения, сохранились в языке русской науки по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков К.С.* Опыт русской грамматики: Имя. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 232 с.
- Волков С.С.* М.В. Ломоносов в работе над «Минеральным каталогом» // Словарь языка М.В. Ломоносова. Вып. 5. Словарь-справочник «Минералогия М.В. Ломоносова». СПб.: Нестор-История, 2010. С. 49–74.
- Востоков А.Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной полнее изложенная. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1844. 355 с.
- Греч Н.И.* Краткая русская грамматика. СПб., 1843. (Репринт: М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 152 с.)
- Детская энциклопедия, или Новейшее понятие о всех науках. Переведена, исправлена и дополнена для употребления юношества С. Ушаковым. СПб.: при Императорской Академии наук, 1811.
- Естественная история главнейших сущих животных для детского чтения / Пере. с нем. М.: тип. Н. Новикова, 1789.
- Ломоносов М.В.* Российская грамматика Михайла Ломоносова. СПб.: Императорская Академия Наук, 1755. 212 с.
- Новое зрелище вселенной, представленное из царства природы, искусства, нравов и обыкновенной жизни для детей обоего пола. М.: тип. М. Пономарева, 1811.
- Российская грамматика, сочиненная Императорской Российской Академией. СПб.: тип. Императорской Академии Наук, 1802. 355 с.
- Сидорова М.Ю., Савельев В.С.* Русский язык. Культура речи. Конспект лекций. М.: Айрис Пресс, 2005. 204 с.
- Словарь Академии Российской (САР): В 6 т. СПб.: при Императорской Академии наук, 1789–1794.
- Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук. Т. IV. СПб.: при Императорской Академии наук, 1847.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Астрель, 2004.
- Фуфаева И.В.* Диминутивные замены в русском слове: типы, семантика и роль в развитии языка // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6. № 5F. С. 120–129.
- Шишков А.С.* Некоторые примечания на предполагаемое вновь сочинение Российского словаря // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской Импера-

торской академии Президента и разных ученых обществ Члена. Ч. 5. СПб.: тип. Императорской Российской Академии, 1825. С. 1–54.

REFERENCES

Aksakov K.S. (2011) *Essay on the Russian Grammar*. Name. Moscow. Librokom Book House. 232 p.

A New Spectacle of the Universe, Presented from the Realm of Nature, Art, Customs and Ordinary Life for Children of Both Sexes. Moscow. Ponomarev Printing House. 1811.

Children's Encyclopedia, or The Latest Concept of All Sciences. Translated, corrected and supplemented for the use of youth by S. Ushakov. St. Petersburg: at the Imperial Academy of Sciences. 1811.

Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences. Vol. VI. St. Petersburg: at the Imperial Academy of Sciences. 1847.

Dictionary of the Russian Academy (SAR): In 6 vols. St. Petersburg: at the Imperial Academy of Sciences. 1789–1794.

Fasmer M. (2004) *Etymological Dictionary of the Russian Language*: In 4 vols. Moscow. Astrel Publ.

Fufaeva I.V. *Diminutive Substitutions in the Russian Dictionary: Types, Semantics and Role in Language Development*. *Culture and Civilization*. 2016. Vol. 6. No 5F, pp. 120–129.

Grech N.I. (1843) *Brief Russian Grammar*. St. Petersburg. (Reprint: Moscow. Librokom Book House. 2011. 152 p.)

Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ch. ed.: V.N. Yartseva. Moscow. The Great Russian Encyclopedia. 1998. 685 p.

Lomonosov M.V. (1755) *Russian Grammar* by Mikhail Lomonosov. St. Petersburg. Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 212 p.

Natural History of the Most Important Living Animals for Children's Reading / Translated from German. Moscow. N. Novikov Printing House. 1789.

Russian Grammar, Compiled by the Imperial Russian Academy. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1802. 355 p.

Shishkov A.S. *Some Notes on the Proposed New Composition of the Russian Dictionary*. In: *Collected Works and Translations of Admiral Shishkov, the Russian Imperial Academy of the President and various scientific societies of the Member*. Part 5. St. Petersburg. Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1825, pp. 1–54.

Sidorova M.Yu., Saveliev V.S. (2005) *Russian Language. A Culture of Speech*. Lecture Notes. Moscow. Iris Publ. 204 p.

Volkov S.S. M.V. Lomonosov in His Work on the “Mineral Catalogue”. In: *Dictionary of the Language of M.V. Lomonosov*. Issue 5. Dictionary-reference Book “Mineralogy of M.V. Lomonosov”. St. Petersburg. Nestor-Istoriya Publ. 2010, pp. 49–74.

Vostokov A.Kh. *The Russian Grammar of Alexander Vostokov, according to his own abbreviated outline, is more fully stated*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences 1844. 355 p.

Сведения об авторе:

Наталья Владимировна Николенкова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Natalia V. Nikolenkova,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
natanik2004@mail.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

Б.П. Ашрапов (Худжанд, Республика Таджикистан)

Морфологические и семантические особенности и уровень употребления суффикса -гоҳ в «Тарджумай Та'рихи Ямини» Джурфодикони

Аннотация: В статье рассматриваются морфологические и семантические особенности и уровень употребления суффикса -гоҳ в «Тарджумай Та'рихи Ямини» Джурфодикони. Автор статьи делает попытку рассмотреть некоторые отличительные морфологические особенности и определить уровень употребления соответствующего суффикса с точки зрения его структуры и значений. Как правило, соответствующий суффикс способствует образованию новых существительных, обозначающих понятия места и времени из разных частей речи.

Приводя результат анализа по исследуемой теме, можно прийти к выводу, что суффикс -гоҳ считается одним из самых продуктивных, а некоторые слова, образованные от соответствующего суффикса, вообще не встречаются в МТЛЛ.

Ключевые слова: слова, производные существительные, исторический труд, морфологические и семантические особенности, уровень употребления, анализ, суффикс -гоҳ, «Тарджумай Та'рихи Ямини» Джурфодикони

B.P. Ashrapov (Khujand, Republic of Tajikistan)

Morphological and Semantical Peculiarities and Level of Usage of Suffix -гоҳ/goh in “Tarjumai Ta'rikhi Yamini” by Jurfodiqoni

Abstract: The article under consideration dwells on morphological and semantical peculiarities and level of usage of suffix -гоҳ/-goh in “Tarjumai Ta'rikhi Yamini” by Jurfodiqoni. The author of the article makes an endeavor to carry out some distinctive morphological peculiarities and to determine the level of usage of the relevant suffix in terms of its structure and meanings. As a rule, the relevant suffix contributes into the formation of new nouns denoting the notions of place and time from various parts of speech.

Adducing the result of an analysis beset with the theme explored one can come to the conclusion that the suffix -гоҳ/-goh is considered to be one of the most productive ones and some words derived by the relevant suffix are not found in MTL, upon the whole.

Key words: words, derivative nouns, historical work, morphological and semantical peculiarities, level of usage, analysis, suffix -ro \dot{x} /-goh, “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni

INTRODUCTION

It is common knowledge that word-combination is considered to be one of the ways to enrich the language word-stock. There are also several ways and methods targeted at word-combination in modern Tajik literary language (MTLL) [1; 2; 3; 4; 5; 8; 15], but the most productive is the morphological one in the language of “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni, like MTLL many new lexical elements participate in the formation of a large considerable of new derivative words. Even, in the 13th century one of the great scholars in the sphere of three literary sciences – Shamsi Qais Razi has analyzed a number of lexical and formative elements in his work entitled as “al-Mujam” and adduced certain examples to strengthen his thought [9: 177–198]. Professor, Sh.Rustamov spoke about the role and position of prefixes and suffixes in word-combination and showed the level of their usage and denoted his conclusive evidence beset with the corpus of our study [11].

It is worth mentioning that not all kind of words are mechanically connected to any word-building elements to form new derivative words, but such combination of words by virtue of prefixes or suffixes occurs in term of certain linguistic rules. The article under consideration dwells on morphological and semantical peculiarities and level of usage of suffix -zo \dot{x} /-goh in “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni. Into the bargain, we decided to canvass the relevant lexical elements contributed to new derivative nouns formation in the corpus of our study, upon the whole.

The subject and object of our research is morphological and semantical peculiarities and level of usage of suffix -zo \dot{x} /-goh in in the Tajik literary language referring to 11th century on the example of the historical production entitled as “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni depicting different historic events of Ghaznavids dynasty. It is considered to be one of the priceless and fundamental historical sources contained a numerous historical facts and evidences belonging to the period in question.

The aims of the corpus of our study are:

- to dwell on morphological and semantical peculiarities and determine the level of usage of the relevant word-building element in terms of its function and meaning;
- to compare the relevance of the theme explored with MTLL;
- to carry out certain distinctive features of the suffix -ro \dot{x} /-goh.

THE MAIN PART

Indeed, the number of nominal suffixes are more those ones derive the nouns denoting place and temporal, personal and non-personal and material etc. In the corpus of our study the way of morphological word-building occupies a particular place, especially forming new words by dint of affixes. One of the most productive suffixes in the formation of derivative nouns in MTLL is -zo \dot{x} /-goh. In conformity with the author of “Ghiyos-ul-lughot” one can assert that the relevant suffix is an independent meaningful word actually and possess “the following meaning, such as royal throne, time, place, tent and gambling” [10: 188]. As well as, a scholar in linguistic studies O.Kosimov expressed his own opinion beset with the suffix -zo \dot{x} /-goh is an independent lexical unit and that

it co-operates with other lexical one or the polyprefix *-kada* [6: 13]. In reference to it, we can confidently say that the former in question as an independent word is resorted to in classical literature, not only to express one meaning, but many meanings such as: 1) place, location; 2) throne; 3) time either. Our factological material belonging to the period of Ghaznavids entitled as “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” testifies that the suffix *-zoḡ/-goh* has been involved in word-building since ancient times and made a great contribution into the derivation of lexical structure of our ancestors language.

Functionally, the relevant suffix as a lexical elements possessed various meanings and contributed into a large considerable number of derivative nouns formation, those ones can be single out as follows:

Designing on the premise of the adduced and available examples, we found out that the suffix *-zoḡ/-goh* is resorted to with the nouns denoting the names of objects, things and parts of humans and animals, Arabic borrowed words and present and past tense of verb to derive a number of derivate words. Of course, the level of the usage of derivative words formed by dint of the suffix under study is not same one. For instance: *joygoh* / place / site 57-times [12: 17, 24, 45, 46, 48, 53, 69, 76, 77, 84, 88, 90, 98, 101, 123, 126, 130, 135, 138, 140, 140, 141, 143, 145, 146, 146, 147, 151, 158, 158, 158, 165, 166, 166, 168, 168, 168, 170, 191, 201, 206, 213, 224, 226, 244, 246, 247, 255, 259, 262, 262, 268, 286, 290, 290, 292, 325], *dargoh* / threshold / palace 14-times [12: 34, 38, 78, 82, 214, 223, 232, 237, 237, 254, 291, 292, 324, 354], *borgoh* / residence / court 8-times [12: 15, 38, 42, 132, 157, 227, 241, 323], *xobgoh* / bed-room / hostel 5-times [12: 101, 101, 144, 368, 368, 369], *panohgoh* / shelter 5-times [12: 344, 344, 345, 349, 349], *subhgohi* / morning 3-times [12: 332, 354, 369], *uiqomatgoh* / residence twice [12: 346, 364], *laškgoh* / military camp twice [12: 51, 87], *subhgohon* / at dawn twice [12: 352, 358] and the following derivate words *atrofgoh* / sides / limits [12: 319], *bazmgoh* / place where a party is held [12: 220], *va’dagoh* / meeting place [12: 346], *gurezgoh* / place of escape [12: 335], *ziyaratgoh* / saint place / place of worship [12: 54], *zodgoh* / home-town / motherland [12: 372], *kamingoh* / coverture [12: 343], *muqomgoh* / seat / residence [12: 69], *nišastangoh* / seat [12: 367], *ovardgoh* [12: 350], *ovezgoh* / battle [12: 368], *rezišgoh* / waterfall [12: 363], *sahargoh* / at dawn / day-break [12: 53], *selgoh* / place of rapid stream [12: 348], *subgoh* / at dawn [12: 357], *subhgoh va šomgoh* / morning and evening [12: 363], *subhgohon... šomgohon* / in the morning... in the evening [12: 340], *tihigoh* / vacant place [12: 363], *xirgoh* / tent [12: 250], *xongoh* / library [12: 24], *halokatgoh* / place of calamity [12: 332], *šabongoh* / at night [12: 217, 357], *čarogoh* / pasture [12: 369] are used by the author of the historical production in question once.

In the corpus of our study the relevant suffix is also used with the words to denote place representing the following notions *sipoh* / army and *zodgoh* / hometown. Namely, in the following sentences *-zoḡ/-goh* is connected to the lexical units čaro, zod and laškar to represent these derivative nouns *čarogoh*, *zodgoh* and *laškgoh*: ...*laškgoh* bo xazoil-i jahon va raḡoib-i bisyor va nafois-i bešumor va mamoliku mavoši-i farovon va anvo-i ḡallotu hubob bozguzoštand [12: 51, 87], Javonmard-e, ki pas az marg-i ū tolibon-i baxšiš bo nekihoyaš zindagi mekunand, čunonki major-i sel pas az sel *čarogoh* meragdad [12: 369], Šahr-e ast, ki hangom-e ki zamona bordor-i mehnat-e tarsnok bošad, *masqat-i ra’s* va *zodgoh-i* mehnat on jost [12: 372].

In the last sentence, Jurfodiqoni resorted to the Arabic phrase *masqat-i ra’s* as a synonym of *zodgoh* in parallel. The relevant grammatical event is considered to be one the distinctive peculiarities of the theme explored.

Alongside with the above-mentioned lexical units, the author of the historical production under consideration created the following derivate nouns, such as: *borgoh*, *dargoh* and *panohgoh*, however, their level of usage is different: ...bar *dargoh-i* Nosi-ruddin ba hukm-i navo qoim budand, mahbus kard [12: 34], Va Tūs-ro *panohgoh-i* xud qaror dod, vale Tūs baro-i ū šumtar az Tuvays gardid [12: 344], ...bat qoida-i ma`hud tajdid-i ahd-e kardam va ba xidmat-i *borgoh-i* vay šudam... [12: 38].

Certain words formed with dint of the suffix *-zoḡ/-goh* encountered in the corpus of our study differ in terms of meaning permeating MTL. In association with this statement a researcher of the language of “Tarjumai Tafsiri Tabari” (Translation of Tabari’s Commentaries) – A.A. Kobilov in his article referred to as “*The Peculiarities of Word-Building by Means of Suffix -zoḡ/-goh in ‘Tarjumai Tafsiri Tabari’ (Translation of Tabari’s Commentaries)*” noted as: “for example, nowadays, the derivate word *xobgoh* is used as an equivalent of the Russian word “*общежитие / hostel*”, but in “Tarjumai Tafsiri Tabari” the relevant lexical element is used to express the meaning of “sleeping place, bedroom” [7: 89]: Oh az *xobgoh-i* amir-e, ki jonhho fido-i ūst, čunon *xobgoh-e*, ki rū-i farš-i regu xok ast [12: 368], Ey qabr-i Nasr, tu naxustin hufta az zamin hasti, ki baro-i baxšišu karam *xobgoh* gardidaast [12: 369].

In the last sentence, the derivative noun *xobgoh* is used as a “graveyard” in term of meaning. It is considered to be one of the specific features of the relevant linguistic elements in the language of “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni.

In certain cases, in “Tarjumai Ta’rikhi Yamini” by Jurfodiqoni a number of words are derived by virtue of the suffix *-zoḡ/-goh*, in our opinion their clarity of expression is hindered. For instance, in the following sentences the words *joygoh*, *muqomgoh* and *atrofgoh* express actually the notion of place. Therefore, adding repeatedly the suffix *zoḡ/-goh* representing the name of place to them is beyond the rules of MTL. It should be noted that the author of the historical work used the word “*joygoh*” 57-times totally: ...beštar-i avqot va muazzam-i sol in *joygoh* muqom mefarmud [12: 17], Va čun Abu-said-i Šabibi ba Qumus rasid, ki *muqomgoh-i* Hasr bud, bo ū hamon raft [12: 69], Va in mazkur-i nomaškur ba har jo-e iltijo mekard va sūye-i umaro va vuzaro-i *atrofgoh* bar pušt-i xuyul-i suyul sayr-i qat’i rido paydo mekard [12: 319].

At the same time, cases of coming the suffix *-zoḡ/-goh* to Arabic words are also visible, such as: *va’dagoh*, *ziyaratgoh*, *sahargoh* and *halokatgoh*: Bodho ba mahall-i diyorašon vazid, guyo ešon bar sar-i *va’dagoh* budand [12: 346], Va ba’ze az afozil bar devoir-i *ziyaratgoh-i* ū navišta budand [12: 54], Sohib-i hijob-e, ki *halokatgoh* dar nazd-i ūst... [12: 332].

...maboni-i xayrotu majori-i sadaqot-i vay dida va *xongohu* maxozin-i kutub va on axoir-i zaxoir va ġaroib-i raġib... [12: 24].

The derivative noun *xongoh* is not registered to Interpretational Tajik Language Dictionary”, upon the whole.

Az yak moh boz, ki na bas muddat-e ast, tu-ro didaam va gumon namekardam, ki hodisa-i firoqu duri-i boni-i tu *iqomatgohho-i* maskun-i tu-ro dar yak moh az miyon bobarad [12: 346, 364].

In the adduced example the author of the historical work in question used twice the derivative noun *iqomatgoh* formed by the suffix *-zoḡ/-goh* in plural form, but such kind of grammatical means is not characteristics in MTL.

Jurfodiqoni in his historical production resorted to the suffix *-zoḡ/-goh* to derive word measure of *xirgoh* to express the quantity of certain thing once: Va az jonib-i Čin laškar-e bo sad hazor *xirgoh* ba muxosamat-i ū va qasd-i bilod-i islom berun omad [12: 250].

Proceeding from the assumption of the above-mentioned statements and dissections it is clear that the suffix *-zoḡ/-goh* is added to different words derived a large considerable number of nouns those ones express the notion of place, however, there are cases of connecting the relevant suffix to the words representing the notion of time in the following examples the words *subhgoh* and *šomgoh* are of this notion of managing traditionally: Hamono rūzho-i nek-i tu az Rum rūzho-e bud, ki *subhgoh* va *šomgoh-i* onho surx bud [12: 363], Hon ey šayx-i buzurgvor va kas-e, ki bo ū ufuq-i rūzgor az *subhgoh-i* bašorat ravšan šud [12: 357].

– based on the model *noun+-on+-zoḡ/-goh*: Ba balo va nakbat-e giriftor šudam, pas onon bomdodu šabongoh bar man saxttarin balo gardidand [12: 357].

– based on the model *noun+-zoḡ/-goh+-on*: Ba sabab-i duri-i onon *subhgohon* čun asir va *šomgohon* hasratzada va mutaassif šudam [340], *Subhgohon* baro-i jang berunomad, dar hol-e ki sitoyaš-ro bar rido-i ū bofta budand [12: 352, 358].

As a rule, the suffix *-zoḡ/-goh* is used with the verbal noun *reziš* to form a derivative noun *rezišgoh* denoting the notion of place once: Ammo monand-i kas-e budam, ki az ranj-i boron-i andak, ki az abr-i ra'dnok merezad, *ba rezišgoh-i* ob (bom va juz-i on) panohanda šavad [12: 363].

In the course of the study and consideration we observed that the suffix *-zoḡ/-goh* is added to the adjective to express the notion of place once. For instance, in the below-mentioned example the relevant suffix is combined with the word “*tih* / empty” to derive the word “*tihgoh*”, which means “part of body between stomach and backside; the right and left side of stomach, inside” [13: 345]: Dar jang ba nayza-i xud nišona nakardi magari in ki nayza-i tu *ba tihgoh-i* ešon isobat kard [12: 363].

While conducting the analysis beset with the theme explored it became clear that the relevant suffix is resorted to not only nouns and adjectives, but to the base of verb present tense in order to derive a new noun *gurezgoh* denoting the notion of place either: Vay savor-i dam-i šamšer mešavad, to az gazandu sitam-i on dur bošad va in vaqt-e ast, ki az dam-i šamšer *rurezgoh-e* nadošta bošad [12: 335].

Čunin ast šamšerho-i hindi, ki lubba-i onho kund mešavad va *goh-e ovezgoh-i* gardandandho-ro mebyrrad [12: 368], *Ovardgoh-e* bud, ki kas-e, ki ba on jo vorid mešud, az khori rahoī meyoft yo *ba rišta-i marg muttasil mešud* [12: 350].

In the above-adduced sentences, the author of the historical production under study derived new words the first one being not registered to “Interpretational Tajik Language Dictionary”, upon the whole. According to this testimony we can confidently state the exact conclusion that *ovezgoh* and *ovardgoh* are used as synonyms to each other, and *ovezgoh* being as a new lexical unit enriches the Tajik language word stock.

Thus, the relevant suffix is attached to the infinitive *nišastan*/to sit, which represents the derivative noun denoting the notion of place. It is worth stressing that Jurfodiqoni resorted to such kind of derivative noun only once. It means that this grammatical phenomenon is rarely used in the corpus of our study: Asbon az bisyori-i asiron, ki rū-i kafal-i xud haml kardand, dar pust-i onho *inshastangoh-i* digar-e ba bujud ovarad [12: 367].

CONCLUSION

To sum it up, we can come to the conclusion that the role and position of suffixes beset with the formation of derivative words is very enormous, and by dint of them a considerable number of lexical elements denoting different notions are derived throughout the evolution and development of the history the language. Indeed, the level of usage of affixes is not same, and, for instance, the suffix *-zoḡ/-goh* is considered to be one of the

most productive word-building elements in the corpus of our study in terms of function and meaning.

ЛИТЕРАТУРА

Ашрапов Б.П. Грамматические особенности числительных в таджикском литературном языке XVIII в. // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2016. №4(49). С. 194–200.

Ашрапов Б.П. Таҳлили муқоисавии маъноии пасванди -гоҳ дар забони адабии тоҷикии қарнҳои XVIII ва XX // Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. 2021. №3(88). С. 93–99.

Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of the Suffix -on/on in the Tajik Literary Language Referring to the XVIII-th – the and XX-th Centuries // Stephanos. 2022. №3(53). P. 50–57. DOI 10.24249/2309-9917-2022-53-3-50-57

Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик: дар се ҷилд. Ҷилди 1. Душанбе: Дониш, 1985. 355 с.

Ғиёсов Н.И., Ашрапов Б.П. Вижагиҳои сарфӣ ва наҳви пайвандқо дар забони адабии тоҷикии қарни XVIII (дар мисоли «Тӯҳфат-ул-хонӣ»-и Муҳаммадвафои Карминағӣ) // Ахбори Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. Шӯъбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. 2020. №(259). С. 280–287.

Касымов О.Х. Лексические единицы kada и goh в «Шахнаме» // Ахбороти Академияи илмҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. Силсилаи филология ва шарқшиносӣ. 2009. №2. С. 9–14.

Kobilov, A.A. The Peculiarities of Word-Building by Means of Suffix -goh in «Tarjimai Taf-siri Tabari» (Translation of Tabari's Commentaries) // Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. 2016. №1(66). P. 87–102.

Kuzieva N.M., Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of Coordinative Compound Adverbs in the Tajik Literary Language Appertaining to 18th–19th Centuries (on the example of historical writings referred to as «Tuhfat-ul-khoni» and «Zafar Name» by Khusravi) // Stephanos. 2022. №5(55). P. 27–34. DOI 10.24249/2309-9917-2022-55-5-27-34

Розӣ Шамси Қайс. Ал-муъҷам. Муаллифи сарсухану тавзеҳот ва ҳозиркунандаи ҷоп У.Тоуров. Душанбе: Адиб, 1991. 463 с.

Ромнурӣ, Муҳаммад Ғиёсуддин. Ғиёс-ул-луғот. Ҷилди 2. Душанбе, 1987. 480 с.

Рустамов Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик. Душанбе, 1972. 77 с.

Тарҷумай Таърихи Яминӣ. Муқаддима, таҳия, таҳшия, таълиқот, луғот ва феҳристи Н.И. Ғиёсов. Хучанд: Ношир, 2013. 420 с.

Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Душанбе, 2008.

Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ / Зери таҳрири Д. Саймиддинов, С.Д. Холматова, С. Каримов. Душанбе, 2006. 784 с.

Хоркашев С. Калимасозии исм бо пасвандқо. Душанбе, 2010. 144 с.

REFERENCES

Ashrapov B.P. Grammatical Peculiarities of Numerals in the Tajik Literary Language of the XVIII-th Century. Scientific Notes of Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Series of Humanities Sciences. 2016. №4(49), pp. 194–200.

Ashrapov B.P. Correlative Analysis Beset with the Meaning of the Suffix-goh in Literary Tajik Language Referring to the XVIII-th and the XX-th Centuries. *Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences.* 2021. №3(88), pp. 93–99.

Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of the Suffix -он/on in the Tajik Literary Language Referring to the XVIII-th – the and XX-th Centuries. *Stephanos*. 2022. №3(53), pp. 50–57. DOI 10.24249/2309-9917-2022-53-3-50-57

Grammar of Modern Tajik Literary Language. Dushanbe. Knowledge Publ. 1985. 356 p.

Ghiyosov N.I., Ashrapov B.P. Grammatical and Morphological Peculiarities of Conjunctions in the Tajik Literary Language Referring to the XVIII-th Century (on the example of “Tuhfat-ul-khoni” by Muhammadwafo Karminagi). *Bulletin of Academy of Sciences of TR. Series of Philology and Oriental Studies*. 2020. №1(259), pp. 280–287.

Kosimov O.Kh. Lexical Units “kada” and “goh” in “Shohnoma”. *Bulletin of Academy of Sciences of TR. Series of Philology and Oriental Studies*. 2009. №2, pp. 9–14.

Kobilov A.A. The Peculiarities of Word-Building by Means of Suffix -goh in “Tarjumai Taf-siri Tabari” (Translation of Tabari’s Commentaries). *Bulletin of Tajik State University of Law, Business and Politics. Series of Humanitarian Sciences*. 2016. №1(66), pp. 87–102.

Kuzieva N.M., Ashrapov B.P. Comparative Analysis of Morphological Peculiarities and Level of Usage of Coordinative Compound Adverbs in the Tajik Literary Language Appertaining to 18th–19th Centuries (on the example of historical writings referred to as “Tuhfat-ul-khoni” and “Zafar Name” by Khusravi). *Stephanos*. 2022. №5(55), pp. 27–34. DOI 10.24249/2309-9917-2022-55-5-27-34

Rozi Shamsi Kays (1991) Al-Mu’jam. Introduction and Commentary, Presentation of Publication: U. Toirov. Dushanbe. Man-of-Letters Publ. 463 p.

Rompuri, Muhammad Ghiyosiddin (1988) Ghiyas-ul-lughat. Vol. 2. Dushanbe. Man-of Letters Publ. 480 p.

Rustamov Sh. (1972) Word-Formation of Nouns in Modern Tajik Literary Language. Dushanbe. 77 p.

Translation of the History of Yamini / Introduction, development, preparation, translation, dictionary and list of N.I. Ghiyasov. Khujand. Publisher Publ. 2013. 420 p.

Interpretational Dictionary of Tajik Language. Dushanbe. 2008.

Tajik Dictionary in Russian / Ed. by D. Saimiddinov, S.D. Kholmatova, S. Karimov. 2006. Dushanbe. 784 p.

Khorkashev S. (2010) Word-Formation of Nouns with Suffixes. Dushanbe. 144 p.

Сведения об авторе:

Баходурджон Пулотович Ашрапов,
старший преподаватель
кафедры английского языка
Худжандский государственный
университет имени академика Б. Гафурова

Ashrapov Bahodurjon Pulotovich,
Senior Lecturer
Department of the English Language
Khujand State University
named after academician Bobojon Gafurov
bahodur.ashrapov@mail.ru

С.Н. Черепанова (Трнава, Словацкая Республика)

**«Загадочная натура» «во вкусе Достоевского»:
пародия в творчестве А.П. Чехова**

Аннотация: С учетом накопленного научного опыта в изучении взаимосвязи творчества Чехова и Достоевского, автор работы сосредоточил свое внимание на пародийном переосмыслении Чеховым страданий «во вкусе Достоевского» (на примере произведения «Загадочная натура»). В статье анализируется роль детали, которая помогает чеховской героине играть в «загадочную натуру». Уделено внимание исповеди, которая превращается в ложную жалобу. Страдания героини создают ореол загадочности, исключительности и таинственности, обособленности от общества. Сделаны выводы о пародийном переосмыслении «манеры Достоевского», которую Чехов снижает, «обытовляет» за счет ложной жалобы героини, детали, а также за счет использования диминутивов.

Ключевые слова: Чехов, Достоевский, пародия, «Загадочная натура», художественная деталь

S.N. Cherepanova (Trnava, Slovak Republic)

**“An Enigmatic Nature” «“in Dostoevsky’s Manner””:
A Parody in A.P. Chekhov Works**

Abstract: Taking into account the accumulated scientific experience in studying the connection between Chekhov and Dostoevsky’s creativity, the author of the work focused his attention on Chekhov’s parody of suffering “in Dostoevsky’s manner” (on the example of the work “An Enigmatic Nature”). The article analyzes the role of the detail that helps Chekhov’s heroine to play the “enigmatic nature”. The author pays attention to confession, which turns into a false complaint. The sufferings of the heroine create an aura of mystery, exclusivity and mystery, isolation from society. The parodic reimagining of the “Dostoevsky’s manner Chekhov reduces to the false complaint of the heroine with the help of diminutives.

Key words: Chekhov, Dostoevsky, parody, “An Enigmatic Nature”, artistic detail

Тема «Чехов и Достоевский» далеко не новая, но наименее исследованная в литературоведении. В истории литературы интерес к взаимосвязи Чехова и Достоевского возрос лишь в 1970–1990-е гг. До этого времени сопоставление Чехова

и Достоевского казалось странным и невозможным, поскольку поэтика писателей представлялась разной.

И. Анненский, еще при жизни Чехова пытаясь разгадать феномен писателя, понять его, пишет очерк о чеховских «Трех сестрах». В «Книге отражений» Анненский обращается и к творческой индивидуальности Достоевского. Примечательно, что рассматривает он Чехова как бы сквозь призму Достоевского, противопоставляя двух писателей. Особую ценность Достоевского критик видит в том, что писателю важно показать и раскрыть человеческую душу: «Божественная сила духа, веющего в людях, где он хочет, и безмерность человеческого страдания, которая нужна была поэту, чтобы показать нам всю силу и все величие нашей души, – вот мотивы поэзии Достоевского и критерии того, что считал он важным и что неважным, что интересным и что ничтожным в собственном творчестве»¹. Страдания души приближают, по его мнению, человека к высшему, большему. Анненский подмечает, что герои Чехова – это «литературные» герои. Это те, кто, начитавшись романов, выстраивает свою жизнь по литературному канону: «Вся их жизнь, даже оправдание ее, все это литература, которую они выдают или и точно принимают за жизнь»². И этот тезис ставится Чехову в укор, поскольку такая литература, как утверждает Анненский, не имеет души, за «литературой» не видно самого Чехова. В письме к Е.М. Мухиной Анненский окончательно формулирует свое отношение к Чехову: «Это сухой ум, и он хотел убить в нас Достоевского – я не люблю Чехова и статью о “Трех сестрах”, вернее всего, сожгу»³.

На сегодняшний день существуют отчасти противоречивые работы, посвященные связи творчества Чехова с наследием Достоевского. Данная тема получила свое развитие, например, в исследованиях Г.П. Бердникова, В.Б. Катаева, Э.А. Полоцкой, В.И. Кулешова, М.П. Громова и других. Р.Г. Назиров усматривает в некоторых рассказах Чехова криптопародию на романы Достоевского: «<...> Чехов не только пародировал и стилизовал Достоевского – он еще у него учился, особенно в юношеской Дrame без названия, изобилующей заимствованиями из Достоевского (особенно из “Бесов”), и в “Дrame на охоте”. Лучший ученик – тот, кто дерзает спорить с учителем. И глубокая, уважительная полемика Чехова с Достоевским, делающая прямое заимствование неузнаваемым, – одна из форм преемственности»⁴. Исследователь приходит к выводу, что Чехов, споря с Достоевским, оспаривая его, тем не менее продолжает и развивает некоторые его темы.

Немало споров в «чеховедении» вызывает вопрос знакомства Чехова с наследием Достоевского. Проблема заключается в том, что Чехов оставил совсем немного высказываний о творчестве Достоевского. И этот факт не позволяет утверждать что Чехов был знаком с текстом романа «Преступление и наказание» к моменту написания «Загадочной натуры» (1883 г.). Б. Зайцев, рецензируя работу С.А. Кибальника и полемизируя с ним, отмечает, что произведения Достоевского «входили в общекультурный багаж каждого образованного человека конца XIX века, даже и без непосредственного или внимательного чтения собственно текстов»⁵. Следовательно, упоминания героев Достоевского в ранних произведениях Чехова

¹ Анненский И.Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 28.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 460.

⁴ Назиров Р.Г. Достоевский и Чехов: Преемственность и пародия // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 167, 168.

⁵ Зайцев В.С. Проблемы интертекста: рец. на кн.: С.А. Кибальник. Чехов и русская классика: проблемы интертекста // Чеховский вестник. №35. 2018. С. 34.

(«Загадочная натура», «Шведская спичка»), по мысли Зайцева, не могут свидетельствовать о достаточном и глубоком знакомстве с творчеством Достоевского. Зайцев подвергает сомнению мысль о том, что «в 1883 году Чехов был способен к “полемической трансформации” мотивов в тех объемах и качестве, как это представлено в статьях С.А. Кибальника»¹.

Однако есть и другая точка зрения, основанная не только на воспоминаниях, которые оставил Чехов, но и на анализе художественных текстов. Так, М.П. Громов убежден, что «Чехов, несомненно, знал Достоевского, и, по-видимому, знал основательно и глубоко. Это знание выразилось не столько в суждениях о Достоевском (весьма красноречивых, но немногочисленных), сколько в формах искусства, в формах прямых или скрытых цитат, парафраз и особенно в формах литературной пародии»².

В «Загадочной натуре» Чехова есть прямые отсылки к «Преступлению и наказанию» Достоевского, поэтому нам кажется возможным сопоставить данные произведения. На наш взгляд, прямое упоминание в чеховском произведении героев Достоевского подразумевает мысль о сопоставлении произведений обоих авторов. В данной статье на основе анализа чеховской «Загадочной природы» мы рассмотрим пародийное переосмысление страданий «во вкусе» Достоевского: обратим свое внимание на роль деталей и диминутивов в произведении, проанализируем ложную жалобу героини; выявим, как театральность обстановки снижает пафос «человеческого страдания».

Писатель-чиновник в чеховском произведении восклицает: «Чудная! <...> Не вас целую, дивная, а страдание человеческое! Помните Раскольников? Он так целовал» (91)³. У Достоевского Раскольников, беседуя с Сонечкой, припадает к полу и целует ей ногу, объясняя: «Я не тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился». Возникает закономерный вопрос: что же такое «человеческое страдание»? В заметках Достоевского к черновым редакциям романа «Преступление и наказание» от 2 января 1866 г. находим следующую запись: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом, – есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания <...> Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает свое счастье, и всегда страданием»⁴. Следовательно, «человеческое страдание» у Достоевского имеет метафизическую, божественную основу и философскую многозначительность. Сонечка Мармеладова, понимая весь ужас своего положения, принимая все, что с ней происходит, проявляет смиренность и кротость. Она символ человеческого страдания. Девушка не просто безоговорочно принимает свою тяжелую жизнь, но и умеет сострадать другим людям. У Достоевского каждое ее движение, взгляд, слово – все пронизано страданием. Все ее тело, вся ее внешность направлена на отчаяние: «Ее? Да ка-а-ак же! – протянула Соня жалобно и с *страданием* (здесь и далее курсив наш.– С.Ч.) сложив вдруг руки»; «Соня проговорила это точно в

¹ Зайцев В.С. Проблемы интертекста: рец. на кн.: С.А. Кибальник. Чехов и русская классика: проблемы интертекста. С. 34.

² Громов М.П. Чехов и Достоевский (скрытые цитаты) // Чехов и его время, М.: Наука, 1977. С. 40.

³ Чехов А.П. Загадочная натура // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 2: [Рассказы. Юморески], 1883–1884. М.: Наука, 1975. С. 90–92. Далее рассказ «Загадочная натура» будет цитироваться по 2-му тому ?этого издания с указанием номера страниц в круглых скобках.

⁴ Достоевский Ф.М. Из заметок к черновым редакциям романа «Преступление и наказание», запись от 2 января 1866 г. // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 7: Преступление и наказание. Рукописные редакции. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1975. С. 154–155.

отчаянии, волнуясь и *страда*я, и *лома*я руки. Бледные щеки ее опять вспыхнули, в *глазах* выразилась мука <...>. Какое-то ненасытимое сострадание, если можно так выразиться, изобразилось вдруг во всех чертах ее» (300).

Что касается героини Чехова, то она не испытывает «человеческого страдания» – она играет в него. Ей нравится рисоваться перед Вольдемаром в образе Сонечки Мармеладовой: «Жизнь моя так полна, так разнообразна, так пестра... Но главное – я несчастна! Я *страдалица* (здесь и далее курсив наш. – С. Ч.) во вкусе Достоевского... Покажите миру мою душу, Вольдемар, покажите эту *бедную душу!*» (90). Чеховская героиня перенимает форму поведения страдальницы Достоевского, но не ее внутреннюю суть. Об этом свидетельствуют следующие характеристики: «судорожно сжатая рука», «говорит, грустно улыбаясь», «лицо ее принимает плачущее выражение». Особенно комичными страдания героини выглядят в обстановке купе первого класса. Диван, обитый малиновым бархатом, свидетельствует о комфорте, а значит, и о состоятельности героев. Позволить себе купе первого класса мог далеко не каждый человек. Такая деталь в первом предложении говорит о том, что персонажи «Загадочной натуры» – состоятельные люди. Поэтому речь героини о лишениях и мучениях сродни притворству.

На театральность поведения героини указывают детали, которые исполняют роль декораций: дорогой бахромчатый веер, *ріпсе-нез*, брошка. Необходимо отметить, что веер, *ріпсе-нез* и браслет – часть гардероба, часть «косметики», создающие масочность: маска позволяет актеру играть ту роль, которая ему необходима, детали – создать видимость, необходимое впечатление, чтобы включить зрителя в свой спектакль. Интересно, что детали создают образ, но не являются органичным целым с главной героиней, они как бы существуют отдельно: «*ріпсе-нез* то и дело спадает с ее хорошенького носика, брошка на груди то поднимается, то опускается, точно ладья среди волн» (90). Это еще раз подтверждают мысль о театральной игре «хорошенькой дамочки». Примечательно, что образ веера появляется и в начале произведения, и в финале, закрывая театральную постановку. Если в начале это был «дорогой бахромчатый веер», то в финале – «изломанный». Слово «изломанный» в первом значении связано с глаголом «ломать», а также имеет значение «непрямой, изобилующий изгибами, поворотами»¹. И в том и в другом значении есть отсутствие цельности и прямоты. Веер, как и героиня, которой принадлежит предмет, словно искажает, преломляет и прикрывает истину. Это своего рода театральная маска, которая позволяет добиться необходимого эффекта.

Краснеющие «от заходящего солнца оконные занавесочки» (92) в финале напоминают театральные занавес. Театральная игра снижает возвышенный пафос «человеческого страдания». У Достоевского мир души, ее поиски и страдания ставятся выше быта. Сонечка Мармеладова прошла через самые сложные испытания судьбы и, став проституткой, не утратила внутренней чистоты. Сама Соня считает себя великой грешницей, недостойной быть в обществе уважаемых людей: «Да ведь я... бесчестная... я великая, великая грешница! Ах, что вы это сказали!»² Героиня Достоевского безоговорочно принимает свое положение. В речи Сони Мармеладовой определение «великая» имеет значение «большой» грешницы, совершившей самое страшное преступление. Безусловно, девушка использует это определение в уничижительном контексте. Чеховская «хорошенькая да-

¹ Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. С. 186.

² Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 5. Л.: Наука, 1989. С. 304.

мочка» в своих несчастьях винит внешние обстоятельства: «Но как все пошло, гадко и глупо на этом свете! Как все подло, Вольдемар! Я несчастна, несчастна, несчастна!» (91). При этом представляет она свои лжестрадания как великие в значении выдающихся страданий, которые должен увидеть весь мир: «Покажите миру мою душу, Вольдемар, покажите эту бедную душу!» (90). Для героев Чехова игра оказывается важнее исканий души.

Чехов не дает имени своей героине, в отличие от ее собеседника (его зовут Вольдемар), но на протяжении всего произведения автор неизменно называет ее «дамочка». Диминутив «дамочка» обычно используется в разговорной речи с оттенком неодобрительности или иронически. Характеризуя героиню, писатель использует диминутивы, что вносит в повествование иронию: «хорошенькая дамочка», «с хорошеньким носиком», «закрывает хорошенькое личико».

Итак, уже с первых строк за счет деталей-декораций создается эффект театральности: показана обстановка, предполагающая, что будет разыгран некий спектакль, со своими актерами и зрителями. В чеховском произведении героиня примеряет на себя роль «эксцентричной, загадочной натуры». На протяжении всего повествования она играет роль литературной страдальницы «во вкусе Достоевского», т. е. девушки, вынужденной пробивать себе путь и зарабатывать на жизнь, страдающей от несправедливости мира и зависящей от обстоятельств.

Исповедь страдающей души – неперемное условие текста об униженных и оскорбленных. Чехов вводит в повествование «ложную жалобу»¹, которая предполагает, что собеседник проявит сочувствие, пожалеет. Чеховская героиня, рассказывая о себе, напускает на себя ореол таинственности, загадочности. Она представляет свою историю возвышенной и роковой, используя литературные клише, способные вызвать жалость и сочувствие: недюжинная натура, широкая натура, жажда чего-то необыкновенного, самопожертвование, самоотречение, борьба со средой, сомнения, неверие в жизнь и жажда быть человеком, мучения. Чеховская героиня называет атрибуты своей роли, чтобы собеседник увидел в ней загадочную натуру, поверил ее игре (об этом свидетельствует и прямое обращение к писателю-чиновнику: «Опишите меня, Вольдемар!»). Снижение роли и даже ее опошление происходит за счет излишней театральной эмоциональности, которая проявлена в обилии восклицательных знаков, восклицательных междометий, многоточий.

Исповедь чеховской героини начинается традиционно: отец пил, играл в карты, мать пыталась выжить. Эта история напоминает и жизненный путь Сони. Ее отец, чиновник Семен Мармеладов, потеряв место на службе, спивается. Катерина Ивановна, имея на руках троих маленьких детей, больна чахоткой. Семья Мармеладовых вынуждена вести нищенское существование. Соня пытается найти хоть какой-то способ заработка, чтобы помочь своей семье. Эти обстоятельства принуждают Соню заняться проституцией. «Хорошенькой дамочке» Чехова тоже приходится самой прокладывать себе путь. И единственный выход из сложившейся ситуации для героини – выйти замуж за богатого старика-генерала. Замужество воспринимается героиней как самопожертвование и самоотречение. Комичность ситуации в том, что невыносимое замужество позволило героине, по ее собственным словам, обогатить семью, начать путешествовать и делать добро. Героиня принимает за страдания путешествия и богатство; она не выносит своего мужа. Однако все случилось именно так, как рассчитывала героиня: муж умер,

¹ Более подробно см.: Степанова А.Д. Проблема коммуникации у Чехова. М.: Наука, 2005.

она богата, у нее есть человек, которого она любит. Свобода близка; казалось, можно жить так, как хочется. Клише кажущегося близкого счастья иронически обыгрывается: «Счастье стучится ко мне в окно. Стоит только впустить его, но... нет!» (91). Драматизм и накал повествования создается при помощи наслоения устойчивых выражений, а также за счет использования многоточия перед «нет». Многоточие вносит интригу, многозначительность, напряженность. Однако судьба вновь подкидывает героине очередное несчастье: «другой богатый старик...» (92). Сонечка Достоевского не могла управлять обстоятельствами, именно обстоятельства вынудили ее зарабатывать на жизнь своим телом. Соня работала швеей, но это не приносило ей хорошего дохода, и даже был случай, когда ей не заплатили за работу. Из беседы с Раскольниковым мы узнаем, что Соня пыталась коптить, но из этого также ничего не получалось. Чеховская героиня сетует на судьбу и обстоятельства, но, в отличие от Сони Мармеладовой, героиня предпочитает выставлять эти обстоятельства так, как ей это необходимо: «Уродливое (здесь и далее курсив наш. – С. Ч.) институтское воспитание, чтение *глупых* романов, *ошибки* молодости, первая робкая любовь...» (91). Героине выгодно играть роль великой страдальцы, роль униженной и оскорбленной, потому что без этого останется лишь ее желание обогатиться: «Мне нужна была слава... шум, блеск...» (91). Попытка сыграть героиню литературного произведения приводит «хорошенькую дамочку» к самообману. Таким образом, Чехов раскрывает, поясняет, разгадывает «загадочность натуры», снимается ореол таинственности, возвышенное переводится в бытовой план: обнажается настоящая «душа» хорошенькой дамочки.

Обратимся теперь к образу чеховского собеседника, который является «чиновником особых поручений, молодым начинающим писателем». Примечательно, что именно Вольдемар первым вступает в диалог: «О, я постигаю вас! – говорит чиновник особых поручений, целуя ее руку около браслета. – Ваша чуткая, отзывчивая душа ищет выхода из лабиринта...» (90). Именно герой начинает «литературный» спектакль. С одной стороны, это внимательный зритель, который разгадывает и познает душу загадочной натуры. С другой, это актер, играющий роль писателя-психолога: «Он глядит ей в лицо, глядит в упор, с видом знатока. Он наблюдает, изучает, улавливает эту эксцентрическую, загадочную натуру, понимает ее, постигает... Душа ее, вся ее психология у него как на ладони» (90). Сравним с Раскольниковым: «Он все прочел в одном ее взгляде»¹; «С новым, странным, почти болезненным, чувством всматривался он в это бледное, худое и неправильное угловатое личико, в эти кроткие голубые глаза, могущие сверкать таким огнем, таким суровым энергическим чувством, в это маленькое тело, еще дрожавшее от негодования и гнева, и все это казалось ему более и более странным, почти невозможным. “юродивая! юродивая!” – твердил он про себя»². На основе приведенных цитат мы можем сделать вывод о наблюдательности и чувствительности героев. Однако Чехов пародийно переосмысляет данный образ. Если Раскольников считывает с лица героини ее мысли, ее переживания и страдания, то чеховский Вольдемар мыслит литературными шаблонами, поэтому роль писателя-психолога обязывает его видеть великие страдания великой души даже там, где их нет. Образ «начинающего писателя» снижается до карикатуры. Более того, писатель-чиновник сам включается в игру, примеряя на себя роль спасителя падшей женщины: «Да! Борьба страшная, чудовищная, но... не унывайте!

¹ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 5. Л.: Наука, 1989. С. 304.

² Там же. С. 306.

Вы будете победительницей! Да!» (90). Вольдемар выполняет функцию и актера, включаясь в обыгрывание шаблонной литературной ситуации, и зрителя, воспринимающего игру героини. Однако, какую бы роль ни исполнял Вольдемар, «литературный» спектакль довлеет над героем, потому что чеховский Вольдемар, «постигая душу» хорошенькой дамочки, в итоге не смог понять, что она лишь играет роль страдальцы Достоевского.

Чехов пародийно переосмысляет не столько творчество Достоевского и, в частности, роман «Преступление и наказание», но саму «манеру Достоевского», точнее «страдания во вкусе Достоевского», которые заключаются в жестоких обстоятельствах, вынуждающих «литературных» женщин страдать и выносить все тяготы жизни. Если манера письма Достоевского эмоциональна, драматична, субъективна, то Чехов пишет кратко и объективно. В чеховском произведении страдания «в духе Достоевского» показаны как одно из средств «косметики» наряду с веером и ренессансом, а также как средство обличения литературного клише, которое позволяет персонажам оправдывать себя.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненский И.Ф.* Книги отражений. М.: Наука, 1979. 680 с.
- Бердников Г.П.* Чехов и Достоевский // Вопросы литературы. 1984. №2. С. 105–150.
- Громов М.П.* Скрытые цитаты (Чехов и Достоевский) // Чехов и его время, М.: Наука, 1977. С. 39–52.
- Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 5. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. 575 с.
- Зайцев В.С.* Проблемы интертекста: рец. на кн.: С.А. Кибальник. Чехов и русская классика: проблемы интертекста // Чеховский вестник. М.: Мелихово, 2018. №35. С. 33–39.
- Кибальник С.А.* Чехов и русская классика: проблемы интертекста. СПб.: Петрополис, 2015. 314 с.
- Назирова Р.Г.* Достоевский и Чехов: Преемственность и пародия // Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей. Уфа, 2005. С. 159–168.
- Степанов А.Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.
- Ушаков Д.Н.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.
- Чехов А.П.* Загадочная натура // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 2: [Рассказы. Юморески], 1883–1884. М.: Наука, 1975. С. 90–92.

REFERENCES

- Annensky I.F. (1979) Books of Reflections. Moscow. Nauka Publ. 680 p.
- Berdnikov G.P. Chekhov and Dostoevsky. *Voprosy Literatury*. 1984. No 2, pp. 105–150.
- Gromov M.P. Hidden Qotes (Chekhov and Dostoevsky). In: Chekhov and His Time. Moscow. Nauka Publ. 1977, pp. 39–52.
- Dostoevsky F.M. Collected Works: In 15 vols. Vol. 5. Leningrad. Nauka Publ. 1989. 575 p.
- Zaytsev V.S. Intertext Problems: book review: Kibalnik S.A. Chekhov and Russian Classics: Problems of Intertext. *Chekhov's Bulletin*. Moscow. Melikhovo Publ. 2018. № 35, pp. 33–39.
- Kibalnik S.A. (2015) Chekhov and Russian Classics: Problems of Intertext. St. Petersburg. Publishing House “Petropolis”. 314 p.

Nazirov R.G. (2005) Dostoevsky and Chekhov: Continuity and Parody. In: Russian Classical Literature: A Comparative Historical Approach. Studies of different years: selected articles. Ufa. 2005, pp. 159–168.

Stepanov A.D. (2005) Chekhov's Communication Problems. Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ. 400 p.

Ushakov D.N. (2014) Explanatory Dictionary of the Russian language. Moscow. Adelant Publ. 800 p.

Chekhov A.P. An Enigmatic Nature. In: Chekhov A.P. Complete Works and Letters: In 30 vols. Vol. 2: Stories. Humoreski, 1883–1884. Moscow. Nauka Publ. 1983, pp. 90–92.

Сведения об авторе:

Светлана Николаевна Черепанова,
аспирант
философский факультет
Университет им. свв. Кирилла и Мефодия
в Трнаве

Svetlana Cherepanova,
Postgraduate Student
Faculty of Arts
University of Ss. Cyril and Methodius in
Trnava

cherepanova1@ucm.sk

Д. Зайцев (Москва, Россия)

Парус в поэтическом воображении И.А. Бунина: динамика образа¹

Аннотация: В статье рассматривается образ паруса в лирике И.А. Бунина и осмысливается его эволюция в творчестве поэта. Делается вывод, что этот образ является важным маркером развития Бунина-поэта; на фоне этого образа наиболее отчетливо видна работа Бунина с традицией русской романтической поэзии XIX в., сближения с ней и расхождения.

Ключевые слова: И.А. Бунин, М.Ю. Лермонтов, парус, романтизм

D.V. Zaytsev (Moscow, Russia)

Sail in the Poetic Imagination of Ivan Bunin: The Dynamics of the Image

Abstract. The article deals with the image of a sail and its evolution in the works of the poet. It is concluded that this image is an important marker of Bunin's development as a poet; against the background of this image, Bunin's work with the tradition of Russian romantic poetry of the 19th century, rapprochement with it and repulsion, is most clearly visible.

Key words. Ivan Bunin, Mikhail Lermontov, Sail, Romanticism

В поэтическом корпусе И.А. Бунина обнаруживается дискурсивное пространство, в котором образ паруса выполняет организующую функцию. К этому образу поэт обращался в разные моменты жизни и на разных этапах творчества. Парус выступает важным лейтмотивом поэзии Бунина. Опираясь на релевантные в этом отношении тексты и приняв за основу наблюдения над динамикой развития этого образа, можно проследить творческую эволюцию поэта и определить ее основные этапы.

Бунин через всю жизнь пронес интерес к лермонтовскому типу поэзии: сначала она соответствовала его юношескому максимализму (это выразилось в ряде подражательных стихотворений²); в поздние эмигрантские годы была созвучна ощущению горечи утраты. Неслучайно в главной бунинской книге «Жизнь Арсеньева» М.Ю. Лермонтову уделено особое место: молодому Алексею Арсеньеву ро-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00347 «Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)».

² См.: *Бунин И.А.* Из ранних стихов (1883–1900) / Публ. В.Н. Афанасьева, Л.Н. Афонина, А.К. Бабореко и др. // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 232–286.

дители пророчили судьбу «второго Пушкина или Лермонтова»¹; в «едких строках Лермонтова и Гейне»² начинающий поэт видел «какую-то душу поднимающую отраду»³; попадая в Кропотово, родовое имение Лермонтовых, герой вспоминает «с такой остротой чувств и воображения»⁴ дорогие его сердцу тексты и эпизоды биографии поэта.

Тем не менее в современном литературоведении устоялось мнение, что Лермонтов, несмотря на то что его стихи решительным образом повлияли на облик поэтического мира Бунина, был чужд ему, что «скептическое мировоззрение Лермонтова оказалось неприемлемым для Бунина»⁵. Действительно, Лермонтов – представитель наиболее *агрессивной* ветви романтизма, его лирический герой – крайний индивидуалист, культивирующий ненависть ко всем окружающим и миру в целом. Однако юношу 17–18 лет это мировоззрение не могло не привлекать.

Так, Бунин писал о лермонтовском «Парусе»: «Как он всегда меня потрясает. Каждый раз иначе. Иногда грустью. Иногда вдохновением. Иногда счастьем до боли. И какой торжественный, какой волшебный конец. Одни из самых изумительных строк во всей русской поэзии:

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!»⁶

Неслучайно внимание Бунина привлекли именно последние строки. В 1887 г. он напишет свой «Парус», текст, как бы продолжающий лермонтовское стихотворение:

Светлое небо меж тучек синее,
Тучи бегут по небесной лазури;
Парус над бездной морскою белеет,
Борется гордо с порывами бури.

Но беспросветная ночь наступила,
Солнце и небо во мраке сокрылось;
Ветер бушует и бьется с ветрилом,
Буря ударила – мачта свалилась.

Ночь наступила... Надежда пропала; –
Тонет ладья, наполняясь водою...
Буря затихла, гроза замолчала; –
Парус не виден над бездной морскою...⁷

Бунин написал это стихотворение почти в том же возрасте, что и Лермонтов свое. Ориентация на предшественника в этом тексте очевидна: повторяются мотивы («Светлое небо меж тучек синее»), ключевые слова («лазури», «бури») и идеи Лермонтова. Воспроизведена и центральная оппозиция: идиллическая природная обстановка и «мятежный» поиск бури, борьбы. Юный Бунин, компилируя романтические мотивы и штампы, пытается вообразить судьбу лермонтовского паруса: как нам и подсказывает традиция радикального романтизма, героя-индивидуалиста ждет неизбежное и бессмысленное саморазрушение.

¹ Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т.5. М.: Худ. лит., 1988. С. 82.

² Там же. С. 101.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 136.

⁵ Динесман Т.Г. По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2 М.: Наука, 1973. С. 132.

⁶ Цит. по: Динесман Т.Г. По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина. С. 128.

⁷ Бунин И.А. Из ранних стихов (1883–1900). С. 248.

Образ паруса сопровождал бунинскую поэтическую эволюцию и в зрелый период творчества. В середине 1900-х гг. Бунин написал стихотворение «Песня»:

Я – простая девка на баштане,
Он – рыбак, веселый человек.
Тонет белый парус на Лимане,
Много видел он морей и рек.

Говорят, гречанки на Босфоре
Хороши... А я черна, худа.
Утопает белый парус в море –
Может, не вернется никогда!

Буду ждать в погоду, в непогоду...
Не дождусь – с баштана разочтусь,
Выйду к морю, брошу перстень в воду
И косою черной удавлюсь¹.

В этом стихотворении уже слышатся характерные бунинские интонации, появляются свойственные для его поэзии пуанты (ср. с хрестоматийным стихотворением «Одиночество»: «Что ж! Камин затоплю, буду пить... // Хорошо бы собаку купить»²). Поэт, пытаясь преодолеть зависимость от романтической традиции лермонтовского извода, вводит в стихотворение субъект. Действительно, чтобы стихотворение о парусе звучало не по-лермонтовски, нужно ввести в него героя, того, кто сказал бы про себя «Я». В раннем «Парусе» этого субъекта не было. В «Песне» же он вводится первым словом.

Тема паруса в этом стихотворении обыгрывается уже не по-лермонтовски: от буйных романтических порывов поэт перешел к сдержанной эмоциональности, даже медитативности, от активного действия — к созерцанию. Именно на этом будет основываться авторский почерк Бунина-поэта. Отмечается, что это противопоставление заложено и на стиховом уровне: «У Лермонтова – напевный, легкий четырехстопный ямб, слова традиционного поэтического круга, романтический пейзаж. У Бунина – повествовательно-разговорный пятистопный хорей, просторечная лексика, быт простолюдинов»³.

«Песня» интересна не только тем, что в ней появляется лирический субъект, но и тем, что в его качестве выступает девушка. Кроме всего, эта девушка задает позицию «на берегу». Бунин делает акцент не на море и парусе, а на суше, баштане и девушке, дожидаясь своего возлюбленного. Вследствие этого меняется и угол зрения: трагическая судьба девушки если не обесмысливает мятежность паруса, то ставит ее под сомнение. Лермонтовский радикальный романтизм получает иную оценку. С другой стороны, судьба лирической героини мало чем отличается от судеб героинь Лермонтова – их ждет невзаимность и/или предательство. У Бунина есть намек на это: «Говорят, гречанки на Босфоре // Хороши... А я черна, худа».

Тремя годами позже Бунин пишет стихотворение «Спор» (первоначальное название «Вино»):

– Счастливы мы, фессалийцы! Черное, с розовой пеной,
Пахнет нагретой землей наше густое вино.

¹ Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1987. С. 174.

² Там же. С. 134.

³ Зубков В. Два паруса // Литература. 2009. №9: lit.lsept.ru/article.php?ID=200900911&ysclid=19s3b2s162488203028 (дата обращения: 28.10.2022).

Хлеб от вина лиловее. Кусок овечьего сыру,
Влажно-соленый, крутой, горную свежесть хранит.

«Крит позабыл ты, хвостун! Мастика хмельнее и слаще:
Палуба ходит, скользит, парус сияет, как снег,
Пляшут зеленые волны – и пьяная цепь рулевая,
Скрежеща, вдоль бортов ползает ржавой змеей»¹.

Как отмечают исследователи, это стихотворение построено на метафоре и метафорических тропах: «Здесь изобилие тропов, основанных на переносе по сходству: сравнение (парус как снег), метафорическое употребление глагола (волны пляшут), к тому же в плане олицетворения, и прилагательного (пьяная цепь) с тем же семантическим оттенком, а также творительный падеж уподобления (цепь ползает змеей). Но самый принцип комбинирования элементов остается паратактическим (метонимическим), т. е. по смежности: палуба – парус – волны – рулевая цепь – борты»².

Эта метафоризация на нарративном уровне задает взгляд изнутри корабля («палуба ходит», «пьяная цепь рулевая вдоль бортов ползает ржавой змеей»), которая добавляется ко взгляду с берега (фессалийцы). Под спором в этом стихотворении имеется в виду в том числе мировоззренческий спор, спор точек зрения. Бунин делает еще один шаг к усложнению образа паруса: в тексте не только заявляется субъект, но и возникает иная точка зрения, другая позиция.

Уже совсем зрелый поэт в 1915 г. снова пишет стихотворение с названием «Парус»:

Звездами вышит парус мой,
Высокий, белый и тугой,
Лик богоматери меж них
Сияет, благостен и тих.

И что мне в том, что берега
Уже уходят от меня!
Душа полна, душа строга —
И тонко светятся рога
Младой луны в закате дня³.

В этом стихотворении Бунин продолжает настойчиво заявлять субъект в первом же стихе: «Звездами вышит парус *мой*» (курсив наш. – Д.З.). Поэт, как и в раннем «Парусе», отказывается от позиции «с берега» («И что мне в том, что берега // Уже уходят от меня!»), но не возвращается к бурной мятежности раннего текста («Душа полна, душа строга»). Между ранним и зрелым «Парусом» проходит и во временном и в творческом отношении большой отрезок времени, и к 1915 г. Бунин уже выработал свою поэтическую технику: с одной стороны, он вводит в текст лирический субъект, а с другой – отказывается от аспектуации (с корабля / с берега). Это и новый шаг Бунина на пути к собственному поэтическому голосу, и более консервативное решение на фоне предыдущих текстов.

Важно еще отметить: парус в классической традиции – это просто перифраза (метонимия) корабля, как, например, бич – перифраза рабства (ср. стихотворение «Спор», насыщенное метафорическими тропами). В последнем же тексте у

¹ Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1987. С. 249.

² Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: Дисс. ... докт. филол. наук: 10.01.01. СПб.: ИРЛИ (Пушкинский дом), 2015. С. 149.

³ Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1987. С. 296.

Бунина парус наконец становится парусом (например, его можно вышить), что должно было знаменовать конец традиции; в то же время парус превращается в многозначный символ (самое простое, традиционное истолкование – символ жизненного пути), что, наоборот, возвращает нас к традиции. Действительно, вписать образ паруса в религиозный дискурс пытались самые разные авторы – от А.С. Хомякова («Парус», 1858) до Я.П. Полонского (поэма «Келиот», 1877).

Итак, образ паруса в лирике Бунина является важным маркером его поэтической эволюции. На его фоне можно проследить развитие Бунина-поэта: от подражательного лермонтовского понимания образа паруса («Парус», 1887) через разрыв с этой романтической традицией и нарративные трансформации («Песня», «Спор») к возвращению в традицию, понятую на новых основаниях («Парус», 1915).

ЛИТЕРАТУРА

Бунин И.А. Из ранних стихов (1883–1900) / Публ. В.Н. Афанасьева, Л.Н. Афонина, А.К. Бабореко и др. // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 232–286.

Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: Худ. лит., 1987. 686 с.

Бунин И.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Худ. лит., 1988. 638 с.

Двинятина Т.М. Поэзия И.А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: Дисс. ... докт. филол. наук: 10.01.01. СПб.: ИРЛИ (Пушкинский дом), 2015. 437 с.

Динесман Т.Г. По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 121–138.

Зубков В. Два паруса // Литература. 2009. №9: lit.1sept.ru/article.php?ID=200900911&ysclid=19szb2s162488203028 (дата обращения: 28.10.2022).

REFERENCES

Bunin I.A. From Early Poems (1883–1900) / Eds.: V.N. Afanasev, L.N. Afonin, A.K. Baboreko etc. // Literary Heritage. Vol. 84. Book 1. Moscow. Nauka Publ. 1973, pp. 232–286.

Bunin I.A. Collected Works: In 6 vols. Vol. 1. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1987. 686 p.

Bunin I.A. Collected Works: In 6 vols. Vol. 5. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1987. 636 p.

Dvinyatina T.M. I.A. Bunin's Poetry: Evolution. Poetics. Textology: Dissertation (in Philology). St. Petersburg. Institute of Russian Literature (Pushkin House) Press. 2015. 437 p.

Dinesman T.G. Through the Pages of Bunin's Early Poetic Notebooks. In: Literary Heritage. Vol. 84. Book 2. Moscow. Nauka Publ. 1973, pp. 121–138.

Zubkov V. Two Sails. *Literatura*. 2009. No 9: lit.1sept.ru/article.php?ID=200900911&ysclid=19szb2s162488203028 (date accessed: 28.10.2022).

Сведения об авторе:

Дмитрий Вадимович Зайцев,
мл. научный сотрудник
ИМЛИ РАН

Dmitry V. Zaytsev,
Junior Researcher
A.M. Gorky Institute of World Literature
RAS

d_zaiczev@mail.ru

З.В. Вальтер (Москва, Россия)

Лексико-семантическое поле «власть» в церковнославянских переводах с польского языка XVI–XVII вв. К проблеме адаптирующего перевода

Аннотация: Период XVI–XVII вв. ознаменован возрастающим интересом к западной культуре, следствием стало распространение в Московский Руси количества русско-польских переводов как светского, так и дидактического содержания. Данная статья представляет результаты работы, посвященной некоторым особенностям переводческой техники церковнославянских текстов разного жанра. В качестве объекта изучения было выбрано лексико-семантическое поле «власть», представленное во взаимодействии с другими полями, которое включает следующие ряды лексем: название правителей, чинов разного ранга, царских регалий, а также конструкции с абстрактными именами. Результаты исследования показали, что русские книжники меняли стратегии перевода в зависимости от содержания текста-источника. Нами были выделены следующие принципы: 1) адаптация лексем, связанных с польскими реалиями, 2) замена немаркированных польских единиц на маркированные, 3) прямое заимствование тюркизмов и другой не польской лексики, 4) формирование конструкций с абстрактными существительными.

Ключевые слова: история русского литературного языка, адаптирующий перевод, маркированная лексика

Z.V. Valter (Moscow, Russia)

Lexico-semantic Field “power” in Church Slavonic Translations from Polish 16th–17th cs. To the Problem of Adaptive Translation

Abstract: The period of the 16th–17th centuries marked by a growing interest in Western culture, the result was the spread in Muscovite Russia of the number of Russian-Polish translations of both secular and didactic content. This article presents the results of a work devoted to some features of the translation technique of Church Slavonic texts of various genres. As an object of study, the lexical-semantic field “power”, presented in interaction with other fields was chosen, which includes the following series of lexemes: the names of rulers, ranks of different grades, royal regalia, as well as constructions with abstract names. The results of the study showed that Russian scribes changed their translation strategies depending on the content of the source text. We have identified the following principles: 1) adaptation of lexemes related to Polish realities, 2) replacement

of unmarked Polish units with marked ones, 3) direct borrowing of Turkisms and other non-Polish vocabulary, 4) formation of constructions with abstract nouns.

Key words: history of the Russian literary language, adaptive translation, marked vocabulary

В период XVI–XVII вв. возрастает количество переводов с польского языка. Влияние Юго-Западной Руси изменило со второй половины XVII в. не только жанровый состав переводимых произведений [Бахтурина 1982: 83], но и саму технику перевода. Светские повести, главы из хронографов, некоторые религиозно-назидательные произведения, отражавшие порой еще незнакомые обычному читателю культурные реалии, требовали иного переводческого подхода.

Наше исследование посвящено анализу лексического состава пяти текстов в лексико-семантическом поле «власть». Каждый перевод уникален по своему содержанию – отражает специфические реалии христианской (католической и православной), исламской и языческой культур. Тесная связь с религиозным семантическим полем ярко представлена во всех текстах.

«Сказание о смерти некоего мистра философа» (СМФ) является одним из первых стихотворных переложений с польского (ок. 40-х XVI в.) [Małek 2015: 491], переводчик убирает из текста полностью весь сатирический элемент, связанный со школьной тематикой [Дмитриева 1963], оставляя только дидактическое начало. В XVI в. средневековая мысль о «душеполезности» любого произведения [Панченко 1999: 70] все еще бытовала в сознании русского человека, что и стало причиной сокращения и переработки текста-источника. Более того, согласно [Дмитриева 1963], церковнославянский (ц.-сл.) перевод включал в себя элементы иосифлянского учения.

Следующие тексты: «О златом руне волшебного овна» (ЗР), «О Сивиллах» (СВ), являющиеся фрагментами хронографа М. Бельского «Kronika to jest historia świata» и содержащие информацию о языческой (дохристианской) культуре, – были переведены во второй половине XVII в. [Бахтурина 1982: 76].

К светским повестям конца XVII в. относятся: «Повесть об астрологе Мустаеддыне» (ПМ) и «Повесть о Купце» (ПК). При этом первая из них (ПМ) является откликом на реальное историческое событие конца XVI в. – объединение христианских государств во главе с Ватиканом против Турции [Małek 2015: 492]. Тематика переводного произведения подразумевала противопоставление христианской и исламской культуры. ПК, являющаяся переложением одной из новелл «Декамерона», была включена в известный сборник «Фацеций» и отражала исламские культурные реалии, однако, в отличие от ПМ, не имела столь ярко выраженного антагонизма в отношении иной культурой.

Перечисленные произведения, включающие незнакомые или непривычные русской культуре реалии, как правило, нуждались в пояснении. Этим, как правило, были обусловлены основные переводческие техники. И книжнику было важно оставить те элементы, которые передавали бы специфику представленной в тексте-источнике культуры. На основании этих положений выделялись следующие особенности переводов: 1) специфические группы лексем передавались в соответствии с польским источником, 2) нейтральные лексемы в некоторых случаях заменялись на маркированные, 3) лексемы, отражавшие польские реалии, передавались русскими.

Группа лексем, связанная с обозначением правителей государства, обнаруживает вариативность в зависимости от тематики польского текста. В (1) примере отражен контекст «Сказания о смерти некоего мистра философа», в котором лексема *król* заменяется маркированной для русского языка лексемой *король*, обозначающей прежде всего европейского правителя [СлРЯз XI–XVII вв., 7: 338–339]. Название атрибута власти *korona* преобразуется в лексему *венец*, которая, исходя из употребления в старорусском корпусе, чаще используется в религиозном семантическом поле христианства: *На престоль царьстѣмь седя, царскую багрянницу венецънося, а во мнишьский образ по вся дни и часы облещися желая* [НКРЯ, ст.-рус., XV в.]. Таким образом, приведенный способ перевода можно считать смешанным: одна лексема отражает европейские, а вторая русские реалии. В переводе «О Златом руно волшебного овна» (2–4) книжник употребляет лексемы одной основы: *царь*, *царевна* и *царица*, при этом в ц.-сл. тексте возрастает количество аппозитивных конструкций, таких как *Диомидис царь*. Между лексемами *царица* и *царевна* происходит семантическая дифференциация: титулом *царица*, как правило, обладают замужние, а *царевной* названы незамужние представительницы власти. Данное семантическое распределение подтверждается контекстами из национального корпуса:

его бодроопаснымъ тщаніемъ, наша **царица** и великая княгиня Марья Ильична, и сынъ нашъ благовѣрный царевичъ [НКРЯ, ср.-рус., XVII в.];

Анна же **царевна** не хотяше ити за поганого: «Мя даете за руского князя, лутче бы ми умрети» [НКРЯ, ст.-рус., XVII в.].

(1) СМФ Аз и с короля венець сойму, и за власы под косу преклоню	Ja z króla koronę semknę, Za włosy ji pod kosę wemknę [Дмитриева 1964: 200; SSSN: 319]
(2) ЗР Аще бы не стоял у караблей крепко Диомидис царь	gdzie by był nie Diomedes [Bielski: 146; TC: 59]
(3) ЗР царствовал на востоце Атанас царь , имел царицу Нефилию	Atanas król , który na wschód słońca panował, miał żonę Nephelę [Bielski: 139; TC: 53v]
(4) ЗР Азон по научению Медиину волов и змия убил, а златое руно взял, и царевну Медию возхитил	iż straż pobił, złote runo wziął, miasto ze wszystkim skarby wybrał, i zjechał precz wziawszy Medeę [Bielski: 139; TC: 53 v]

В главе «О Сивиллах» некоторые лексемы функционируют в качестве промежуточных элементов между лексико-семантическим полем «власти» и «религии», христианства. Так, лексема *król*, относящаяся к христианскому Богу, переводится как *царь небесный* или *царь*, приобретая, таким образом, религиозный характер:

Царя небесн(ого) воспитает / ему же принесут дары ← **Króla** w ręku piastowała. Któremu przynoisia dary [460; 133];

И истиний суть и будут те вечные / Иже **царя** знаменуют ← Prawdziwie są będą wieczne / Które **króla** znamionują [460 v; 133 v].

В одном из контекстов лексема одной основы *-król-* мн.ч. *królowie* переосмысливается в соответствии с библейским контекстом и переводится как *волсви* (волхвы): *Триє волсви исполнены веры* ← *Trzej królowie pełni wairy* [460; 133].

При этом иные контексты, связанные со светской тематикой, не демонстрируют вариативного перевода, книжник использует лексемы с идентичной основой, как и в главе «О златом руне волшебного овна», что мы можем видеть в следующем примере:

та принесла пред **Тарквиниуса царя** римскаго ← *Ta była przyszła przed króla Tarquiniusa piątego* [461 v; 133 v];

Та родися <...> во время **Кира царя перскаго** / и при прорцехъ / при Малахии ← *Była za czasu Cyrusa króla Perskiego / i proroka Malahiasza* [461; 134].

Обратим внимание, что переводчик не реагирует на разницу между языческим и исламским правителем, используя одно обозначение титула – *царь*.

В этом же тексте представлен вариативный перевод лексемы *cesarz*, в качестве эквивалентов используются *кѣсарь* и *цесарь*:

(1) токмо за «ΘΙ» лет до рожества Христова при **Яктавианѣ кѣсари** ← *jedno przed Bożym narodzeniem w Rzymie była lat xix / Oktawiana Cesarza* [461; 134 v];

(2) и в техъ в трехъ днехъ вдала на молитву хо Богу да узнает **цесарь** и престане от безумия ← *a w onych trzech dniach pościła / modły czyniła / prosząc Pana Boga aby dał uznanie prawdziwie Cesarzowi* [461; 134 v].

Кѣсарь, в отличие от *цесарь*, имеет единственное узкое значение – титул римского императора «священной Римской империи» [СлРЯз XI–XVII вв., 7: 117], в то время как *цесарь* имеет больший диапазон значений, связанный не только со светской, но и с религиозной семантикой [Срезневский, 6: 1461].

Более яркий характер перевода находим в ПК, где фигурирует в качестве действующего лица мусульманский правитель, обозначившийся в тексте-источнике лексемой *Zoltan* или в составе аппозитивной конструкции *król Zoltan*. В переводе находим эквиваленты обоим лексемам, книжник использует тюркизм *салтан*: *Салтан же повеле Истфану на том торговщици, дав воинов немало* → *Tam Zoldan według dawnego zwyczaju przyjął żołnierze* [Державина 1962: 181; Малэк 2013: 150], а также аппозитивную конструкцию *царь Салтан*, в которой первый компонент *царь* имеет ЛСВ мусульманского правителя [Срезневский, 6: 1433; Панченко 1999: 18]:

И ту Истфан бил челом прилежно **царю салтану** → *Prosił pilnie z wielką pokorą Zoldana* [Державина 1962: 183; Малэк 2013: 152];

Царь же салтан рекл сице → *Król Zoldan rzekł* [Державина 1962: 184; Малэк 2013: 152].

Аппозитивная конструкция, согласно данным [НКРЯ, ст.-рус.], вошла в употребление с середины XVI в. (один из ранних списков – Никоновская летопись 1526–1530: *Того же лѣта Турскій царь Салтанъ, Амуратовъ братъ*).

В ПМ представлена более сложная система правителей: в переводе выделяются мусульманские и христианские правители, последние разделяются по профессиональному признаку (на православных и католиков). Здесь латинизм *cesarz* переводится русским книжником как *салтан*: *Сулейман, салтан турецкой, прадед нынешнему Махомету салтану* → *Sulejman, cesarz turecki, pradziad terażniejszego Muhammeda cesarza* [Малэк 2019: 197; 186]. В тексте-источнике встречаем также тюркизм, созвучный ц.-сл. эквиваленту – *Sultan*, функционирующий в ц.-сл. тексте в составе аппозитивной конструкции: *Сей тогда есть разум духовнаго*

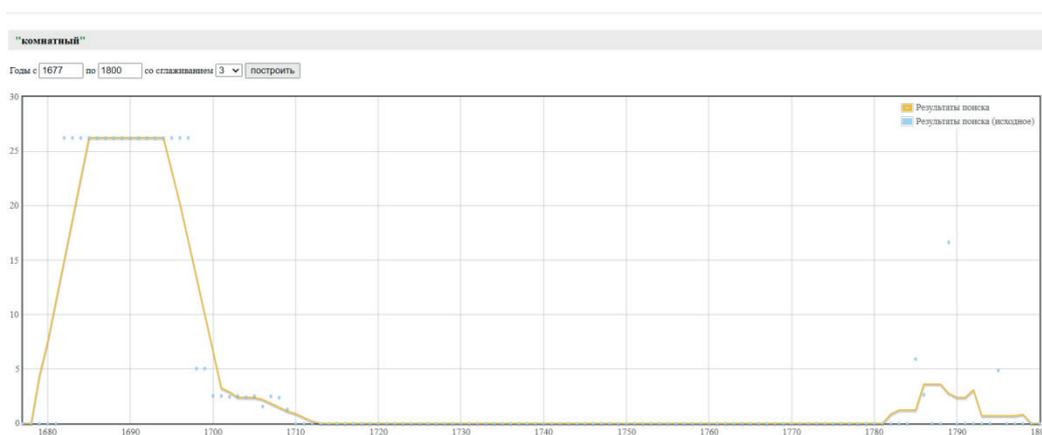
писма *салтан-Сулеймана*, *салтана Турскаго* → *Ten tedy sens jest testamentu sultana Sulejmana cesarza* [Малэк 2019: 199; 187].

В переводе также происходит разграничение наименований персидского и турецкого правителя: *возбудил персидскаго шаха* ← *robudził perskiego króla* [Малэк 2019: 200; 188]. Данное обозначение чина было распространено в текстах со второй половины XVII в. в таких словосочетаниях, как *персидский шах* (что доказывает [НКРЯ, ст.-рус. XVII в.]: *и какъ къ намъ пишууть великіе государи салтанъ турской и шахъ персицкой*). Заметим, что в главе «О Сивиллах» книжник не использует маркированной единицы.

В следующем контексте русский книжник вслед за Держком (автором «Повести о Мустаеддыне») показывает две точки зрения на христианского правителя, который по-разному обозначается в польской (*цесарь* ← *cesarz*) и турецкой (*король* ← *król*) культуре: *а они бы соединились со Виденским королем (так убо цесаря христианскаго называют турки) или с царем Московским* → *a oni się zbracili z wiedeńskim królem – tak cesarza chrześcijańskiego zową Turcy – abo z czarzem moskiewskim* [Малэк 2019: 198; 187]. Более того, в приведенном фрагменте происходит лексическое разграничение между католичеством – Европой (*король*) и православием – Русью (*царь* ← *czarz*).

Группа лексем, связанная с обозначением чинов, по-разному переводится книжниками. Так, в «Повести о Мустаеддыне» адаптации подвергаются только лексемы, связанные с польской культурой. *Szafarz*, имеющий ЛСВ *чиновник*, связанный с деньгами (*szafarz pieniędzy*) [Linde, 5: 506], изменяется на лексему *казначей*, которая приобрела значение *служащего в государственной казне* в Московской Руси XV в. [СлРЯз XVI–XVII вв., 7: 23–24]: *Велел ему салтан дать вся, яже к тому потребна суть, придав ему и казначея* → *Kazał mu dać cesarz wszystkie potrzeby i przydał mu szafarza* [Малэк 2019: 201; 189].

Pokojowy (2) – *cubicularis*, т. е. комнатный, относящийся к спальне, камердинер [Кнарски: 371; Linde, 4: 859], переводится лексемой *комнатный*, т. е. служащий в комнатах, домашний [СлРЯз XI–XVII, 7: 265] распространенной в текстах конца XVII в., что доказывается и статистической справкой [НКРЯ]:

Лексема *odźwierny* в (3) – дворник, придверник [Linde, 3: 478] – переводится как *дверник*, т. е. дворник у ворот, привратник [СлРЯз XVI–XVII вв., 4: 180]. Судя по всему, в приведенном примере происходит упрощение стилистики лексемы *дверник*, которая, исходя из контекстов, использовалась чаще всего в религиозном, книжном регистре.

Иже епископъ, ли попь, ли певецъ, ли **двѣрникъ** жене осщенѣ Богу у примеситися, да извържется (Ефр. Корм., 147. XII в.)
[СлРЯз XI–XVII вв., 4: 180]

Иисус приде в монастырь, яко единъ от убогих сиротъ черноризец, и рече **двернику**, иди и рцы игумену (Изм., 350. XV I в. со XIV–XV вв.)
[СлРЯз XI–XVII вв., 4: 181]

Сего ради и отверзаеть ему **дверникъ** дверь мысленныхъ небесныхъ полатъ (М. Гр. II, 172. XVI–XVI I вв. со XVI в.)
[СлРЯз XI–XVII вв., 4: 181]

Двѣрник же не затвори Монастырских врат. (Кн. жит. 1711, 77)
[СлРЯз XVIII, 6]

Заимствованию подвергаются только тюркские наименования титулов, такие как *basza* (1) (военачальник, или правитель области, в Османской империи), и *delij* (2), последний переводится вместе с комментарием *abo kozak*, или *казак*. При этом особое обозначение титула *muftu* (1), муфтий (мусульманский юрист, богослов, толкователь Корана) [СлРЯз XI–XVII вв., 9: 136] исключается из перевода (на это также обращала внимание [Малэк 2019: 69]), книжник оставляет лишь пояснение к нему: *первоначальнейший духовный*. Данные словаря русского языка XI–XVII вв. показывают, что лексема *муфтий* распространилась с середины XVII в.: *Быти на дворе у везиря или у муфтия* (Нак. Милосол., 31, 1653 г.); *Подаль ту грамоту турсокому муфтию* (Арс. Сух. Проскинитарий, 138, 1653 г.) [СлРЯз XI–VII, 9: 316]

(1) *zezwał swych baszów, także i muftego, to jest naprzędniejszego duchownego* → и призвав к себе **пашей своих, также и первоначальнейшаго духовнаго своего** [Малэк 2019: 192; 206];

(2) *jeden delij abo Kozak zabił okrutnie Mehmet Baszę* → **един дели или казак люто убил Махмет-пашу** [Малэк 2019: 190; 203].

В ЗР лексема *król* функционирует в ЛСВ *полководец*, на изменение семантики реагирует переводчик, употребляя слово *начальник*:

И в то время переменили Агаменона царя **от началничества**, а выбрали на его место Паламидона **царя над всеми** вой еллинскими **началника** ← Powtore Palamedes przed wszystkimi powiedział **być królem niegodnym** Agamemnona i nie od wszystkich wybranego. <...> a tak **wybran za króla** Palamedes [ТС: 144; Bielski: 58]

В «Повести о Купце», так же как в ПМ, лексемы, обозначающие польские чины, трансформируются в русские наименования: *и созва бояр и думных своих* ← *I zezwawszy **panów swych radnych*** [Державина 1962: 183; Малэк 2013: 152], здесь употребляется распространенное в XVII в. сочетание *бояре и думные*, ср. [НКРЯ, ст.-рус., XVII в.]: *И царьского величества **бояре и думные** діаки ему говорили*.

В ЗР находим иной перевод, *panowie radni* (т. е. советчики) [Linde, 5: 7] переводятся как *граждане*, т. е. представители городской общины [СлРЯз XI–XVII вв., 4: 117]: *князи же трояньские и все **граждане*** ← *synów i **panów radnych*** [ТС, 142; Bielski, 57].

Адаптирующий принцип перевода [Пентковская 2017] распространяется не только на отдельные лексемы, но и на конструкции с абстрактными именами. В (СМФ) переводчик нивелирует школьное семантическое поле, функционирующее в польском тексте в качестве сатирического элемента, перенося его на сферу «власти»: *каждый в ея **власти** имат быти* ← *Każdy w jej **szkole** być musi* [Дмитри-

ева 1964: 198; SSSN: 315]. В следующем контексте лексема *тос* (власть), заменяется на *царство*, за счет этого создается ярко выраженная символическая метафора *царство погубила: и в том царство мое погубила* ← *Potem jużem wszystko тос straciła* [Дмитриева 1964: 200; SSSN: 320]. Книжник также может употреблять дополняющий принцип перевода, благодаря которому образуется конструкция с абстрактным именем *власть вкушати: и дал ему власть от всех вкушати* ← *To wszystko w jego тос даł* [Дмитриева 1964, 199; SSSN, 318]

Таким образом, переводческая техника текстов разных периодов и жанров имеет общие тенденции. Во-первых, перенос польских реалий на русские; во-вторых, маркирование нейтральных единиц; в-третьих, прямое заимствование специфической лексики, отражающее ту или иную культурную реалию; в-четвертых, образование конструкций с абстрактными именами как один из способов доместикации.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтурина Р.В. К вопросу о ранних церковнославянских переводах с польского // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 75–92.

Державина О.А. Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962. 191 с.

Малэк Э. Повесть утешная о купце Беняша Будного в Польше и на Руси (между ренессансной новеллой и назидательной повестью). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013. 272 с.

Malek E. Polsko-rosyjskie kontakty kulturowe w XV–XVIII wieku // Wśród kajów Północy. Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej wobec narodów germańskich, słowiańskich, i naddunajskich: mapa spotkań, przestrzenienie dialogu. Warszawa. 2015. S. 478–553

Малэк Э. Легенда об астрологе Мустаеддыне Кшиштофа Держека в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов). Warszawa, 2019. 267 с.

Национальный корпус русского языка: старорусский корпус [электронный ресурс]

О Сивиллах // РГБ. Собр. Румянцева. №456. Л. 457 об. 460. XVII в.

Панченко А.М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. 520 с.

Пентковская Т.В. «Слово о милости» в церковнославянском переводе второй половины XVII в. и его польский оригинал: передача реалий // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2017. Т. 6. № 2. С. 215–243

Повести о споре жизни и смерти / Исследование и подг. текстов Р.П. Дмитриевой. М.; Ленинград: Наука, 1964. 215 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–.

Словарь русского языка XVIII века / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю.С. Сорокин. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991–. Вып. 1–6; СПб.: Наука. С.-Петербург. отд-ние, 1992–. [Электронный ресурс: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>].

Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о троянской войне по русским рукописям XVI–XVII веков. М.: Наука, 1972. 233 с.

Bielski M. Kronika wszystkiego świata. Kraków, 1564.

Knapiusz G. (Knapski; Gregorius Snpapius), Thesaurus polono-latino-graecus seu promptuarium lingua Latinae et Graece [...], F. Caesario, Cracoviae [Kraków], 1621.

Słownik języka polskiego / Przez M. Samuela Bogumiła Linde: W 6 t. Warszawa, 1807–1816.

Studia Staropolskie Series Nova. T. XXXVI (XCIII). Widzenie Polikarpa. Średniowieczne rozmowy człowieka ze śmiercią / Pod red. A. Dądrówki i P. Stępnia. Warszawa, 2014. 359 s.

REFERENCES

- About the Sibyls. RSL. Rumyantsev Collection. No456. P.457. V.460. XVII cent.
- A Story about a Dispute between Life and Death / Research and development texts by R.P. Dmitrieva. Moscow; Leningrad. Nauka Publ. 1964. 215 p.
- Bakhturina R.V. On the Issue of Early Church Slavonic Translations from Polish. In: History of the Russian Language. Studies and Texts. 1982, pp. 75–92.
- Bielski M. (1564) Kronika Wszytkiego Świata. Kraków.
- Deržavina O.A. (1962) Translated Novel in Russian Literature 17th century. Moscow. Acad. Sciences of the USSR Press. 191 p.
- Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII centuries. Moscow. Nauka Publ. 1975–.
- Dictionary of the Russian Language of the XVIII century. Academy of Sciences of the USSR. In-t rus. lang.; Ch. editor: Yu.S. Sorokin. Science. Leningrad. department, 1984–1991–. Vol. 1–6; St. Petersburg. Nauka Publ. 1992–. [Electronic Resource: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/>].
- Malek E.A. (2013) Comforting Tale about the Merchant Benyash Budny in Poland and Russia (between the Renaissance novel and the edifying agenda). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego Press. 272 p.
- Małek E. Polsko-Rosyjskie Kontakty Kulturowe w XV–XVIII wieku. In: Wśród kajów Północy. Kultura Pierwszej Rzeczypospolitej wobec narodów germańskich, słowiańskich, i naddunajskich: mapa spotkań, przestrzenienie dialogu. Warszawa. 2015, pp. 478–553
- Małek E. (2019) The Legend about the Astrologer Mustaeddyn by Krzysztof Dzierzek in Old Russian translation and its later processing (research and publication of texts). Warszawa. 267 p.
- National Corpus of the Russian Language: Old Russian Corpus [Electronic Resource]
- Panchenko A.M. (1999) Russian History and Culture. Works of different years. St. Petersburg. Yuna Publ. 520 p.
- Pentkovskaya T.V. “The Word of Mercy” in the Church Slavonic Translation of the Second Half of the 17th c. and Its Polish Original: Transmission of Realities. *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2017. Vol. 6. No 2, pp. 215–243.
- Słownik języka polskiego / Przez M. Samuela Bogumiła Linde: In 6 vols. Warszawa. 1807–1816.
- Studia Staropolskie Series Nova. T. XXXVI (XCIII). Widzenie Polikarpa. Średniowieczne rozmowy człowieka ze śmiercią / Pod red. A. Dądrówki i P. Stępnia. Warszawa. 2014. 359 p.
- Trojan Tales. Medieval Chivalric Novels about the Trojan War based on Russian Manuscripts of the 16th–17th centuries. Moscow. Nauka Publ. 1972. 233 p.

Сведения об авторах:

Зоя Варфоломеевна Вальтер,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова

Zoya V. Walter,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
zoya.walther@gmail.com

А.В. Лыткина (Москва, Россия)

Разноуровневая экспрессивность англоязычного диалогического дискурса: различия поколений

Аннотация: В статье рассматривается категория экспрессивности и способы ее выражения на различных языковых уровнях в неподготовленном устном диалогическом дискурсе представителей трех поколений (молодого, среднего и старшего) на примере эпизодов популярных американских ток-шоу. Функционирование экспрессивности в разговорной речи многоаспектно, однако данная проблема не является до конца изученной и представляет собой большое поле для исследования.

Ключевые слова: экспрессивность, диалогический дискурс, ток-шоу, поколения, возраст, разговорная речь, разговорный стиль, англоязычный диалогический дискурс

A. V. Lytkina (Moscow, Russia)

Differential Expressiveness of English Dialogical Discourse: the Generational Differences

Abstract: The article studies the category of expressiveness in its various expressions at different language levels in an unprepared oral dialogical discourse of representatives of three generations (young, middle-aged and older people) on the example of episodes of popular American talk shows. The functioning of expressiveness in colloquial speech is multidimensional, but the problem is not fully studied and represents a large field for research.

Key words: expressiveness, dialogic discourse, talk show, generations, age, colloquial speech, conversational style, English dialogic discourse

На сегодняшний день жанр англоязычного вечернего ток-шоу оказывает воздействие на многомиллионную аудиторию зрителей во всем мире.

Телевизионная речь представляет разновидность устной публичной речи. Условия эфира требуют от участников ток-шоу сохранять форму непринужденного высказывания при условии соблюдения языковой нормы. Достижение этой цели возможно при соблюдении принципов диалогизации речи, что позволяет отнести телевизионную речь к диалогическому типу устной речи, который имеет ряд характеристик: наличие двух участников процесса коммуникации, взаимодействие

коммуникатора и аудитории. Речь участников ток-шоу характеризуется спонтанностью, неподготовленностью и непринужденностью [Григорьева 2007: 45]. Экспрессивность характерна для дискурса ток-шоу и теледискурса в целом, так как она помогает говорящему выразить свое отношение к предмету речи ярко и выразительно, а также оказать воздействующий эффект на слушающих. В ток-шоу сочетаются сущностные признаки интервью, дискуссии, игры, беседы, а также передача концентрируется вокруг личности ведущего [Могилевская 2006: 42].

Несмотря на то что ток-шоу появились для привлечения зрителей к телевизору, а телевидение в 2022 г. теряет популярность среди молодежи и представителей среднего поколения, подобные передачи все же остаются популярными благодаря широкому распространению в интернет-ресурсах эпизодов целиком или их наиболее интересных отрывков.

В статье рассматривается экспрессивность современной английской речи и то, каким образом она проявляется у представителей разных поколений на примере современных ток-шоу. Материалом исследования послужили эпизоды популярных американских ток-шоу за 2019–2021 гг.: «Jimmy Kimmel Live», «The Tonight Show Starring Jimmy Fallon» и «The Ellen Show».

Мировые события влияют на становление и развитие разговорной речи, а также обогащают словарный запас новыми фразами и выражениями. Несмотря на активное привлечение людей всех возрастов к актуальным событиям и новым технологиям, мы можем наблюдать различия в речи людей разных поколений. Активное участие молодежи в качестве приглашенных звезд ток-шоу делает актуальным изучение поколенческих различий и их способов реализации в английском устном диалогическом дискурсе. Молодежь, являясь неотъемлемой частью любого общества, оказывает огромное влияние на его развитие.

При выполнении анализа поколенческих различий мы разграничили возраст поколений. Представители молодого поколения – это социально-демографическая группа от 13 до 29 лет. Представители старшего поколения – люди пожилого возраста старше 60 лет. Представители зрелого или среднего возраста – мужчины и женщины от 30 до 59 лет. Люди, относящиеся к этой категории, одинаково приспособляются как к речи молодежи, так и к речи старшего поколений.

Системно-языковые средства выражения экспрессивности встречаются на всех языковых уровнях. Наряду с системно-языковыми средствами для создания экспрессивности используются паралингвистические средства.

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Речь молодежи быстрее, чем представителей старшего поколения. Здесь имеет значение темп, который рассматривается как интегральная характеристика речи конкретного говорящего. Мы рассчитывали темп речи по формуле: количество речевых единиц – слогов, в единицу времени – секунду $\frac{n(\text{количество речевых единиц})}{t(\text{единица времени})}$ [Богданова-Бегларян 2016: 85].

Для выявления среднего показателя темпа мы исследовали 9 представителей разного возраста и пола (по 3 представителя молодежи, среднего поколения и старшего поколения). Средний темп говорящего оказался равным 5,04 сл/с, меняясь от 3,2 сл/с до 6,4 сл/с, в зависимости от индивидуальных факторов.

Нам удалось выявить различия между средним темпом речи представителей разных поколений: быстрее всего говорят представители молодежи – в среднем 5,8 сл/с. Представители старшего поколения говорят с темпом 5,0 сл/с. Предста-

вители среднего поколения остаются в «золотой середине» с темпом 5,25 сл/с. В потоке речи говорящие менее важные части предложения произносят быстрее: вводные слова, повторы и информацию, ранее известную слушателям. Во время произнесения значимых слов и фраз темп речи заметно замедляется.

Длительные паузы характерны для представителей старшего и среднего поколений, они подчеркивают важность последующей фразы, привлекают внимание зрителя к высказыванию:

I'm Bond, Matt Bond (Ellen, ep. 2849).

Для речи молодежи более характерны паузы, подтверждающие неподготовленность, спонтанность речи. Молодежь часто использует паузы между слогами, замедляя, таким образом, темп речи и выделяя ключевое слово:

*I drive **fun-ly*** (J. Kimmel, ep. 2762).

Средний темп молодежи быстрее за счет обильного употребления сокращений, которые не противоречат грамматическим правилам:

*Right now, we're **gonna** play one of my favorite games* (Ellen, ep. 2849) вместо “going to”.

Подобные редуцированные формы характерны для людей разных возрастов, однако у представителей молодого поколения они более вариативны:

*I know, **I'mma** be wasted* (J. Fallon, ep. 171) вместо “I'm going to”.

В ходе разговорной речи представители молодежи используют вопросительные и восклицательные предложения чаще, чем представители старшего поколения. Большинство из них риторические, они служат для привлечения внимания, а также передают отношение к собеседникам или обсуждаемому предмету.

Why am I so low? The odds are against me! (Ellen, ep. 2772).

На фонологическом уровне для молодежи также характерно использование ритма, что в целом связано с развитым жанром рэп-индустрии. Ритм повышает интерес слушающих и может выступать в качестве пародийного инструмента:

*And we were like do you think a **cough** is going to stop us going on the **laugh*** (Ellen, ep. 2843).

Эмфаза характерна для речи людей всех возрастов, могут выделяться как знаменательные, так и служебные части речи. У представителей старшего поколения эмфаза проявляется чаще в моментах спора или во время высказываний, важных как для говорящего, так и для слушающих:

*Vote for a person that **YOU** believe can actually win and the person who can govern **OUR** country* (Ellen, ep. 2843).

ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Большинство экспрессивных выражений на уровне лексики характерны для американского варианта английского языка.

Представители всех поколений используют тропы. Для дискурса молодежи характерны сленговые эпитеты, часто грубые:

*Dude, I'm gonna make you **freaking** movie star* (J. Fallon, ep. 1184).

Молодежи свойственно гиперболизировать все:

*I know a **gazillion** people there.* (J. Fallon, ep.1147) – “an extremely large but unspecified number” (Cambridge Dictionary).

В то время как представители старшего и среднего поколения чаще используют оценочную лексику:

*I have very **vivid** memories of meeting Nicole for the first time* (Ellen, ep. 2772).

Для дискурса представителей старшего и среднего поколения характерен прием градации при перечислении эпитетов, что передает полный восторг говорящего:

*It's been the **most spectacular, crazy, amazing, overwhelming, scary, beautiful** year of my life* (J. Fallon, ep. 1171).

В то время как для речи молодежи в подобных случаях характерно использование лексических повторов, что может характеризовать представителей данного поколения как людей с более ограниченным словарным запасом:

*She's **really** like a **real** badass she's **really** tough girl, **really** beats people up* (J. Fallon, ep. 1171);
*It was a **wonderful-wonderful** experience* (J. Kimmel, ep. 2777).

Составные эпитеты также не характерны для речи молодежи и встречаются у представителей старшего поколения:

*It was the **lowest-rated** of all so far* (J. Kimmel, ep. 2762).

В речи старшего поколения наблюдается использование диминутивов, которые добавляют речи нежность и умиление. Чаще всего это воспроизведение речи, обращенной к детям или обращение к человеку моложе говорящего с иронией или для создания доверительной атмосферы:

*Look at this **sweetie*** (J. Fallon, ep. 1171).

Для речи молодежи и среднего поколения характерна компактность, представители этих поколений чаще используют сокращения от полных форм слова:

*When he heard that he had to change his Twitter **bio*** (J. Fallon, ep. 1171) – сокращение от *biography*.

Представители старшего и среднего поколения также используют **экспрессивную фразеологию**, которая добавляет речи образность:

*She **put the kibosh on it*** (J. Kimmel, ep. 2808) – употребляется в разговорном значении “to stop or end something” (Cambridge Dictionary).

Использование пословиц добавляет речи выразительность и лаконичность:

Once in a blue moon, they stick. (J. Fallon, ep. 1255)

Умеренное употребление разговорной лексики признается эффективным средством для выражения экспрессии речи и усиления ее воздействующего эффекта встречается у представителей разных поколений:

*We were **chatting it up** with the cast* (J. Kimmel, ep. 2777).

Для речи представителей всех поколений характерен сленг, в нем проявляются эмоциональность, оценочность и образность. Сленг сообщает английской речи живость, гибкость, остроумие и способствует созданию дружеской атмосферы:

*So, you're still living with the **folks**, with the parents?* (J. Kimmel, ep. 2762) – в неформальном значении “parents”.

Характерной особенностью, отличающей молодежный сленг от других видов, является его быстрая изменчивость, объясняемая сменой поколений. Мы наблюдаем использование выражений, характерных только для молодежи:

*As the kids say it was **off the chain**. It was the **bombdotcom** (Ellen, ep. 2837) – “means that something is really good, intense, fun, or exciting in American slang” (Collins English Dictionary).*

Для молодого поколения чаще характерно использование грубых выражений, психологи объясняют этот феномен желанием выглядеть взрослыми, независимыми, храбрыми людьми:

*You know what, **screw it** (Ellen, ep. 2834).*

Молодежи присуще использование и так называемых модных словечек «buzz-words». Они стараются влиться в неформальную беседу, показывая свою осведомленность. Среднее поколение старается активно подражать молодому, также используя подобные выражения:

We were all hanging out in this cluster of random celebrities. (J. Kimmel, ep. 2777) – вместо “group” употребляется более неформальное и популярное слово “cluster”.

В речи старшего и среднего поколения мы можем наблюдать устаревшие сленговые выражения, которые больше не употребляются. Их значение необходимо объяснять представителям молодежи:

*I'm **having a gas**, man, it means they **have fun**. (Ellen, ep. 2837).*

Экспрессивность речи также добавляет использование устойчивых клише, что чаще встречается у представителей старшего и среднего поколения:

*It was 18 years ago, **blew my mind** (Ellen, ep. 2834).*

Мы наблюдаем большое количество семантически опустошенных слов, которые утратили свое значение и употребляются вместо любого слова, приобретая значение лишь в контексте. Для представителей старшего поколения характерно использование *thing*, для молодежи – *stuff*.

Особенностью молодежной речи также является отсылка к вымышленным персонажам различных кино вселенных (использование аллюзий или онимов):

*He's kind of like the **Hulk** (J. Kimmel, ep. 2762) – отсылка к персонажу кино вселенной Marvel. Говорящий подчеркивает, что человек, о котором он говорит, является сильным и большим.*

СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

С точки зрения синтаксиса для речи представителей всех возрастов характерна синтаксическая незавершенность (незаконченность высказывания).

Для дискурса молодежи характерно перебивание собеседника, они чаще других представителей проявляют нетерпеливость и эмоциональное переживание, особенно если обсуждение затрагивает тему отношений:

You're guys are couple or you... – We're friends (Ellen, ep. 2849).

В ходе диалога активно используются вопросительные и восклицательные предложения. Они чаще употребляются в речи молодежи, что характеризует их как людей эмоциональных и любопытных.

Экспрессия выражается в высказываниях не только при помощи восклицаний и интонации, но и посредством квалификативной и сленговой лексики в составе восклицательного предложения. Данный прием наиболее характерен для речи молодежи:

I was so nervous and freaked out! (J. Fallon, ep. 1147).

Риторические вопросы характерны для представителей молодежи и служат для усиления воздействия речи на аудиторию, а также для вовлечения слушателей в беседу:

You, guys, don't know what "poncy" means? (J. Fallon, ep. 1147).

Для представителей старшего поколения характерен такой прием, как вопросно-ответный ход, в процессе которого говорящий задает вопрос и сам дает на него ответ, акцентируя внимание собеседника и зрителей:

I don't care. Why? Because I said so (Ellen, ep. 2834).

В речи молодежи часто встречается нарушение традиционной синтаксической схемы диалога. Когда происходит непредвиденная смена ролей, на вопрос отвечает вопросом, и у слушателя создается эффект обманутого ожидания:

You're into it? – Are you? (Ellen, ep. 2849).

Часто связь между репликами собеседников может проявляться в повторении фразы или ее части в ответе. Высказывания, где ответ имитирует схему вопроса, характерны для представителей молодежного дискурса:

You know who Madonna is? – I do know who Madonna is (J. Kimmel, ep. 2762).

Для речи среднего поколения характерны предложения с синтаксическим параллелизмом. Часто в них можно наблюдать и градацию, которая усиливает воздействие на слушателей:

You're killing it! You're crushing it. You're so charming? (Ellen, ep. 2849).

Данный прием редко функционирует изолированно, обычно конвергирует с другими средствами усиления выразительности, такими как лексический повтор, анафора или полисиндетон. Они демонстрируют неподготовленность речи и поток мыслей:

I was so nervous and I was so freaked out and couldn't talking (J. Fallon, ep. 1147).

Молодежь и представители среднего поколения часто воспроизводят диалог или прямую речь, сохраняя оценочные элементы и интонацию, людей, которых они повторяют или пародируют. Перед цитированием такого рода обычно всегда используется "like"-conjunction:

Kate is like, oh I've messed up my whole life (J. Fallon, ep. 1147).

Использование антитезы присуще представителям старшего поколения. Данный прием подчеркивает противопоставление фактов и обычно используется с критикой:

I can never support her, but I love her husband (Ellen, ep. 2843).

Для разговорной речи характерно употребление различного рода междометий. Например, восклицательные междометия выражают чувства и эмоции говорящих: *huh, wow, whoa* и др. А междометия хезитации заполняют паузы в процессе обдумывания высказывания, выражают сомнение, неуверенность: *uh, mmm, hmm, eh, huh*, и др. Они характерны для дискурса всех трех поколений.

Фразы, несущие функцию междометий, служат для быстрого реагирования человека на различные события действительности. Молодежь чаще использует сленговые выражения:

Oh, my goodness (Ellen, ep. 2849);

Oh, geez. Oh, gosh (J. Fallon, ep. 1184).

В то время для представителей старшего поколения характерны более стандартные варианты:

Oh my God! (J. Kimmel, ep. 2808).

Обращения не характерны для молодежи, они предпочитают местоимения, в то время как среднее и старшее поколение часто обращается к собеседнику по имени:

Ellen, come on (Ellen, ep. 2843).

Эмфатическая конструкция с “do” подчеркивает важность и правильность высказывания, выделяет сказуемое. Данный прием чаще используют представители среднего и старшего поколения:

It did put our national security at risk (Ellen, ep. 2843).

Таким образом, несмотря на активное развитие технологий и вовлечение всех возрастных категорий в обстановку в мире и в социальные сети, мы можем наблюдать разницу в речи молодежи, среднего поколения и старшего поколения. Наиболее ярко разница в проявлении экспрессивности наблюдается на лексическом и синтаксическом уровнях. Молодежь склонна экспериментировать со средствами экспрессивности и активно использовать новые сленговые выражения, в то время как представители старшего поколения обращаются к более традиционным и принятым вариантам.

Ассоциативные поля в целом соотнесены со схожими картинками мира, это индустрия музыки, кино, отношения, а также актуальные мировые проблемы: политика, коронавирус и др. Молодежь старается соответствовать старшим поколениям, активно выражая свою гражданскую позицию, однако чаще мы можем наблюдать темы блогинга, моды, продвижения в социальных сетях. Молодежь реже других поднимает тему взаимоотношений с противоположным полом, а для представителей старшего и среднего поколения семья и взаимоотношения с партнерами являются основными темами наряду с политикой.

Что касается речевого поведения, представителям молодого поколения свойственно приводить примеры, с одной стороны, из личного опыта, показывая, что, несмотря на юный возраст, у них есть опыт разного рода; с другой стороны, они приводят примеры из социальных сетей, фильмов, обращаясь к вымышленным персонажам, показывая свою активную вовлеченность в медиа и индустрию кино, моды, музыки. Для молодежи характерно быстрое переключение между темами. Представители среднего поколения стараются не отставать и подражают молодежи в этом. В то же время они, как и представители старшего поколения, обычно отвечают на вопросы сразу же, не отступая от темы. В качестве аргументов представители старшего поколения приводят большинство примеров только из личного опыта, таким образом вспоминая прошлое и то, что раньше было лучше. Они также склонны давать советы и произносить «осуждающие» комментарии в адрес представителей молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю. Русский язык повседневного общения: некоторые количественные данные в зеркале социолингвистики // Коммуникативные исследования. 2016. № 2(8). С. 81–92.

Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов, Изд-во ТГТУ, 2007. 288 с.

Могилевская Э.В. Ток-шоу как жанр ТВ: происхождение, разновидности, приемы манипулирования // Акценты: новое в массовой коммуникации. 2006. № 5–6. С. 40–47.

REFERENCES

Bogdanova-Beglarian N.V., Blinova O.V., Martynenko G.Ya., Sherstinova T.Yu. Everyday Russian Language: Some Figures in Sociolinguistic Perspective. *Communication Studies*. 2016. No 2(8), pp. 81–92.

Grigorieva V.S. (2007) Discourse as an Element of the Communicative Process: Pragmalinguistic and Cognitive Aspects. Tambov State Technical University Press. 120 p.

Mogilevskaya E.V. Talk Show as a TV Genre: Origins, Varieties, Manipulation Techniques. *Accents: New in Mass Communication*. 2006. No 5–6, pp. 40–48.

Сведения об авторе:

Анна Вячеславовна Лыткина,

Магистрант

Школа иностранных языков

Национальный исследовательский

университет «Высшая школа экономики»

Anna V. Lytkina,

Master's Student

School of Foreign Languages

National Research University

Higher School of Economics

anutka_10_56@mail.ru

Д.И. Мишина (Москва, Россия)

Развенчание культа романтического героя в балладах А.И. Подолинского

Аннотация: В статье рассматривается художественное своеобразие балладного корпуса А.И. Подолинского. Комплексный анализ баллад показывает, как поэт отходит от романтического культа главного героя. Особое внимание уделено авторской обработке общих фабульных узлов и функционированию романтических топосов, которые в балладах Подолинского становятся средством дискредитации индивидуалистической парадигмы центрального персонажа. В статье проанализирована обусловленность сюжетных моделей баллад Подолинского отечественной культурной традицией. Цель статьи – проследить эволюцию художественных приемов в балладах Подолинского и определить, каким образом последовательное развенчание роли главного романтического героя влияет на перестройку балладной поэтики в творчестве поэта.

Ключевые слова: баллада, романтизм, романтический герой, русско-европейские литературные связи, поэзия XIX века

D. I. Mishina (Moscow, Russia)

The Deposing of the Romantic Character's Cult in A.I. Podolinsky's Ballads

Abstract: The paper considers the poetics of A.I. Podolinsky's ballads. The comprehensive analysis of the ballads shows how the poet makes a departure from the romantic cult of the main character. Special attention is paid to the author's treatment of common topical lines and the functioning of general romantic formulae, which in Podolinsky's ballads serve to discredit the central character's authority. The author demonstrates in what way the plot models of Podolinsky's ballads reflect the national cultural tradition. The purpose of the paper is to reveal the evolution of artistic devices in Podolinsky's ballads and to determine how the consistent deposing of the main romantic character affects the restructuring of ballad poetics.

Key words: ballad, romanticism, romantic character, Russian-European literary relations, poetry of the 19th century

Сегодня А.И. Подолинский известен мало, однако его творчество было хорошо знакомо современникам и становилось предметом литературной полемики. В историю отечественной литературы Подолинский вошел как автор романтиче-

ских поэм «Див и Пери», «Борский» и «Нищий», что во многом определило его литературную репутацию эпигона романтической поэзии. При этом в балладах, составляющих сравнительно небольшую часть творчества поэта, обнаруживается своеобразие авторской интерпретации тех образов и мотивов, которые стали для романтической поэтики репрезентативными топосами. Наиболее интересно в рамках балладного корпуса Подолинского проявляется постепенный отход от культа центрального персонажа, исключительное положение которого характеризует принципы построения романтической коллизии¹.

При написании «Сиротки», одной из своих первых баллад, Подолинский обращается к популярному среди русских романтиков «леноровскому» сюжету, ставшему распространенным в отечественной литературе благодаря вольному переводу Жуковским баллады Бюргера «Ленора». Апеллируя к характерным коллизиям «леноровских» баллад, Подолинский совершенно иначе использует фабулу «Леноры». В балладах «леноровского» цикла находим общую сюжетную канву: невеста узнает о смерти жениха и обвиняет в его гибели Бога. Следующий этап развития фабулы – явление мертвого жениха и последующее возмездие, постигающее девушку за ропот на Всевышнего. В «Сиротке» сохраняется комплекс мотивов, типичных для «леноровских» баллад. Однако изменение сюжетной парадигмы позволяет Подолинскому дискредитировать романтическую исключительность главной героини.

В первую очередь Подолинский ставит в характерную для типичной бюргеровской героини обстановку не невесту, а сестру. Замена возлюбленного братом позволяет поэту преодолеть рамки традиционной романтической коллизии баллад, конфликт которых обычно строится вокруг взаимоотношений влюбленных. Любовь брата и сестры поистине христианская и потому исключающая явные богоборческие мотивы. Для героинь наподобие Леноры неминуемо отрицание справедливости божественных законов и, следовательно, мира, функционирующего по этим законам. Сиротка также проходит через богоборческие настроения, однако, в отличие от Леноры, героиня Подолинского в конечном итоге приходит к полному принятию воли Бога. Смирение открывает перед ней перспективу не только дальнейшей земной жизни, но и бытия после смерти. Многие же «леноровские» героини лишены возможности продолжить земной путь и иногда обречены даже на вечные муки после смерти. Сравните финал «Твой труп сойди в могилу! А душу Бог помилуй!»² из «Леноры» Жуковского или еще более категоричный приговор, вынесенный Людмиле: «Час твой бил, настал конец»³. Для типичного романтического героя конфликт с окружением или неприятие существующего мироустройства носит фатальный характер: «...раз ступив на путь разочарования, центральный персонаж обречен пройти его до конца»⁴. Но путь примирения сиротки с божественной волей позволяет ей восстановить прежние связи с миром, который после смерти брата воспринимался враждебным. Героиня не доходит до критической точки в отрицании установленного миропорядка и потому выпадает из романтической парадигмы поведения, в рамках которой протест героя против действительности мыслится неизбежным. Вследствие этого начавшийся процесс отчуждения не завершается и позволяет сиротке принять окружающую действительность – недоступное для романтического героя разрешение коллизии.

¹ Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М., 1995. С. 32.

² Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3: Баллады / Сост. и ред. Н.Ж. Ветшева, Э.М. Жилькова. М., 2008. С. 188.

³ Там же. С. 16.

⁴ Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. С. 106.

Характерная черта «Сиротки» – отказ от фантастики, по крайней мере явной. Примечательно, что реплики героев сопровождаются обозначением лица, которое их произносит («девушка», «мальчик», «поселянка»). При этом монолог брата вводится в текст только косвенной речью: «Во сне являся говорил»¹. Отсутствие оформления речи умершего брата как лица драматического действия заставляет усомниться в той «материальности», которой обладали женихи из баллад с сюжетом «Леноры». Кроме того, явление брата происходит во сне, что предопределяет существование этого образа только в сознании девушки. Напротив, в большинстве «леноровских» баллад действия мертвых женихов обнаруживают почти вещественную осязаемость. Так, в балладе Катенина «Ольга» появление мертвеца сопровождается характерными для действительного мира деталями: шумом за дверью, звоном кольца и т. д., из-за чего происходит сопряжение фантастического и реального плана. В «Сиротке» Подолинский преодолевает это совмещение потустороннего и реального мира. Поэт не допускает свободного проникновения в бытовой сюжет элементов фантастики и поэтому отказывается от традиционного романтического двоемирия.

В балладе «Невеста» уже более отчетливо проступает тяготение автора к отходу от романтического двоемирия. В балладах «леноровского» цикла развитие фантастического плана мотивировано появлением мертвого жениха. В художественном пространстве «Невесты» имплицитно задействованы два мира – реальный и потусторонний. Однако материальность последнего сводится к минимуму за счет упоминания болезни, следствием которой становятся посещающие девушку видения. Встреча жениха и невесты происходит вне поля зрения читателя, что позволяет отнести потенциальное прибытие мертвого возлюбленного («Вот он! вот! бегу, мой милый!»)² не к сверхъестественным явлениям, а к влиянию поразившего героиню недуга. Подобный прием дает основания полагать, что образ мертвеца, неотъемлемый для «леноровских» баллад, не явление потустороннего мира, а плод воображения героини. Такая сюжетная коллизия позволяет Подолинскому перенести все действие баллады в действительный мир и фактически отказаться от концепта романтического двоемирия. Таким образом, редукция ирреального пространства лишает героиню характерной романтической исключительности.

Нестандартное решение предлагает Подолинский в легенде «Пан Бурлай», в которой проблема искупления греха фигурирует в непривычном для романтизма контексте. Романтизм концентрирует ключевые топосы преимущественно вокруг центрального персонажа, поэтому справедливо было бы ожидать раскаяния главного героя – Бурлая. Однако Подолинский отказывает своему герою в способности к рефлексии, из-за чего процесс осознания своего греха и раскаяния становится пану недоступным. По этой причине поэт проецирует мотив покаяния и прощения на товарищей Бурлая и снимает тем самым индивидуально-центристское понимание искупления. Стремление бывших соратников Бурлая посвятить свою жизнь молитве интертекстуально осложняется агиографической проблематикой мотива кающегося разбойника. Искупление грехов разбойником, ушедшим в монастырь, соответствует житийному канону и вписывается в христианскую трактовку получения прощения через смирение и покаяние. Перенесение единичного в агиографической литературе образа святого – бывшего разбойника – сразу на группу людей становится для поэта средством сохранения мотива прощения,

¹ Подолинский А.И. Сиротка // Подолинский А.И. Соч.: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1860. С. 207.

² Подолинский А.И. Невеста // Подолинский А.И. Соч.: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1860. С. 217.

который при дискредитации центрального персонажа мог быть полностью утрачен. Таким образом, ассимилируя агиографическую топику, Подолинский смещает смысловой акцент с роли главного героя, который в романтическом каноне обладал исключительным положением по сравнению с остальными персонажами.

Представляется, что поэтика баллады «Девич-гора» во многом обусловлена балладой Жуковского «Двенадцать спящих дев». Подолинский оперирует теми же средствами киевской топики, которые использует Жуковский при обработке легенды католического происхождения. Жуковский, однако, следует фабуле богатырского эпоса, в рамках которого витязь традиционно мыслится победителем нечистой силы. У поэта Вадим, преодолевая искушение в лице киевской княжны, избавляет дочерей Громобоя от заклятия и позволяет душе самого грешника обрести покой. Подолинский также апеллирует к образу витязя-избавителя, но трансформирует связанный с ним ассоциативный потенциал. Главный герой в классической модели эпоса воспринимается способным одержать победу над любым противником, даже имеющим inferнальную природу. В «Девич-горе» исключительная роль витязя дискредитируется, поскольку он становится жертвой темных сил. Примечательно, что антагонистом главного героя является дева, для которой в традиционной интерпретации он должен стать чудесным спасителем¹. Причиной гибели потенциального избавителя становится маловерие, позволившее ему снять с себя крест. Этот жест символизирует отречение от истинной веры, которое мыслится вдвойне тяжким в свете особой миссии, возложенной на героя, не случайно называемого «крестоносцем». В контексте баллады определение «крестоносец» начинает функционировать в координатах двух лексико-семантических плоскостей. С одной стороны, именование витязя крестоносцем обусловлено уподоблением его участникам Крестовых походов, которые должны были освободить христиан из-под религиозного гнета мусульман. Данная трактовка соотносится с функцией избавителя, спасающего жертву от злых сил, которые могут быть представлены как существами inferнального мира, так и образами захватчиков, устойчиво связанных с семантическим полем иноверия. Однако слово «крестоносец» можно истолковать и буквально – «тот, кто носит крест». Это определение уже лишено коннотации духовного подвига, зато актуализируется значение религиозной принадлежности. Отступление героя Подолинского от веры, символизируемое снятием креста, мыслится вдвойне греховным из-за неисполнения возложенной на него миссии освободителя-крестоносца. В этой связи гибель богатыря-избавителя становится вполне закономерным и эстетически обусловленным сюжетным решением Подолинского и лишний раз иллюстрирует его тяготение к развенчанию культа главного романтического героя.

Неопределенным в образной системе видится место главного героя ориентальной баллады «Гурия». Ориентализм в России расширяет свои функционально-художественные возможности: «В 20-е и 30-е годы восточный стиль становился “стилем свободы”»². Миссия воина из «Гурии» Подолинского вполне соотносится с вольнолюбивым пафосом. Так, юноша идет в бой и гибнет «под знаменем святым»³, поэтому его смерть наполняется героическим содержанием. В подобном

¹ Булкина И.С. К сюжету о пане Твардовском (контексты «киевской» баллады Жуковского) // Пушкинские чтения в Тарту. 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 41–63.

² Холмухамедова Н.Н. Д.П. Ознобишин в контексте русской ориентальной поэзии 20–40-х годов XIX века // Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза: В 2 кн. Т. 2 / Отв. ред. А.Л. Гришунин. М., 2001. С. 378.

³ Подолинский А.И. Гурия // Подолинский А.И. Соч.: В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1860. С. 186.

освещении роль главного героя баллады должна быть выдвинута на первый план, поскольку именно с его образом сопрягаются основные идейные центры гражданско-политической тематики. Но ожидаемое сосредоточение сюжетной коллизии вокруг воина не происходит. Его исключительное положение подрывается отсутствием подлинной мотивации, которая свойственна героям гражданской лирики. Очевидно, что основным побуждением юноши к участию в войне служит страсть к явившейся во сне Гурии. Это обнаруживается в психологической характеристике героя, готовность которого участвовать в войне вызвана именно влечением к райской деве, а не религиозным и гражданским самосознанием: «...душа полна страстью новой <...>. На подругу взводит очи, Но не к ней любви огонь»¹. Поэтому явное ослабление гражданской мотивации поступков юноши влечет за собой дискредитацию возложенного на него духовного долга и подрывает исключительность главного героя.

Отметим, что герои баллад «Гурия» и «Девич-гора» с функциональной точки зрения оказываются в почти аналогичных ситуациях. И на юношу, которого Гурия призывала «своею кровью освятить пророка путь»², и на витязя, неслучайно прозванного «крестоносцем», возложена особая миссия. Однако в обеих балладах смысловой акцент смещается с главного героя на другого персонажа, действиями которого предопределяется его судьба. Так, именно возвания Гурии и просьбы девушки-оборотня из «Девич-горы» отдать ей крест становятся причиной гибели обоих воинов. В этой связи развенчание индивидуалистической парадигмы центральных персонажей у Подолинского реализуется не только через лишение возможности воплотить в жизнь свою миссию, но и через зависимость их судьбы от деви и Гурии. Примечательно, что воля героев подчиняется женским образам, которые в общепринятом для романтизма каноне должны были бы играть второстепенную роль.

В балладе «Предвещание» необычна рецепция образа Вадима Новгородского, фигура которого в литературе сопряжена с концептами свободы и борьбы за общественно-политические идеалы. У Подолинского с образа Вадима снимаются традиционно неотделимые от него идейные комплексы. Так, в балладе полностью редуцируется поле политических коннотаций, без которых не актуализируется оппозиция власти и свободы, связанная с этим ставшим шаблонным литературным образом. Кроме того, в балладе основное внимание смещено с противостояния личности и рока в плоскость самого желания предугадать грядущее, из-за чего функции центрального персонажа минимизируются, а сам образ главного героя лишается свойственного ему романтического пафоса.

Таким образом, развенчание «единодержавия»³ романтического героя подводит под общий знаменатель особенности балладного корпуса Подолинского. Так, сиротка покоряется божественной воле, а неизбежный для романтического героя процесс отчуждения разрешается через принятие существующего миропорядка. Редукция фантастического плана в «Невесте» низводит исключительное положение «леноровской» героини, традиционно пребывающей между реальным и потусторонним пространством, до бытовых условий. Образ пана Бурлая лишается свойственного центральному персонажу романтического пафоса, поэтому мотив раскаяния и прощения проецируется не на главного героя, а на его окружение. Витязь из баллады «Девич-гора», избранность которого задана сюжетным канонам,

¹ Подолинский А.И. Гурия. С. 186–187.

² Там же. С. 186.

³ Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы: Избр. тр. Л., 1978. С. 181.

не преодолевает искушения и этим дискредитирует себя как неуязвимого победителя. Юноша-воин из «Гурии» лишен истинно героической мотивации и остается в тени образа райской девы, а в «Предвещании» образ Вадима Новгородского утрачивает свои устоявшиеся идеологические коннотации. Можно сделать вывод, что развенчание свойственного романтизму культа главного героя – основная тенденция в балладах Подолинского, подчиняющая себе их поэтику.

ЛИТЕРАТУРА

Булкина И.С. К сюжету о пане Твардовском (контексты «киевской» баллады Жуковского) // Пушкинские чтения в Тарту. 3: Материалы международной научной конференции, посвященной 220-летию В.А. Жуковского и 200-летию Ф.И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 41–63.

Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы: Избр. тр. Л., 1978. 423 с.

Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 3: Баллады / Сост. и ред. Н.Ж. Ветшева, Э.М. Жилиякова. М., 2008. 456 с.

Подолинский А.И. Соч.: В 2 ч. СПб., 1860.

Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М., 1995. 384 с.

Холмухамедова Н.Н. Д.П. Ознобишин в контексте русской ориентальной поэзии 20–40-х годов XIX века // Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза: В 2 кн. Т. 2 / Отв. ред. А.Л. Гришунин. М., 2001. С. 376–434.

REFERENCES

Bulkina I.S. To the Plot about Pan Tvardovsky (Contexts of Zhukovsky's "Kiev" Ballad). In: Pushkin Readings in Tartu. 3: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 220th anniversary of V.A. Zhukovsky and the 200th anniversary of F.I. Tyutchev. Tartu. 2004, pp. 41–63.

Kholmukhamedova N.N. D.P. Oznobishin in the Context of Russian Oriental Poetry of the 1820-40-s. In: D.P. Oznobishin. Poems. Prose. In 2 vols. Vol. 2 / Ed. by A.L. Grishunin. Moscow. 2001, pp. 376–434.

Mann Yu.V. (1995) Dynamics of Russian Romanticism. Moscow. 384 p.

Podolinsky A.I. (1860) Works: In 2 parts. St. Petersburg.

Zhirmunsky V.M. (1978) Byron and Pushkin; Pushkin and Western Literatures. Leningrad. 423 p.

Zhukovsky V.A. Complete Works and Letters: In 20 vols. Vol. 2: Ballads / Comp. and ed. by N.Zh. Vetsheva, E.M. Zhiliakova. Moscow. 2008. 456 p.

Сведения об авторе:

Дарья Игоревна Мишина,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Daria I. Mishina,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
d.mishina22@gmail.com

А.И. Чиварзина (Москва, Россия)

Сравнения с основанием «оранжевый», «розовый», «фиолетовый» (на материале балканославянских языков)

Аннотация: Сравнительные обороты с основанием «оранжевый», «розовый», «фиолетовый» встречаются редко. Примеры, которые удалось зафиксировать, дают двойственное представление о характеризуемом цвете. Одни и те же конструкции используются для уточнения разных цветов: розового и оранжевого, розового и фиолетового. В настоящей статье рассматриваются семантические ограничения на сочетаемость соответствующих цветообозначений. Материал также показывает, что близкие балканославянские языки могут использовать разные стратегии построения сравнений. Привлечение компаративных конструкций позволяет увидеть оттенки значения и особенности употребления основных лексем, не отраженные в словарных толкованиях.

Ключевые слова: цветообозначения, сравнительные обороты, оранжевый, розовый, фиолетовый, балканские языки, балканославянские языки

A.I. Chivarzina (Moscow, Russia)

Comparative Constructions “orange as”, “pink as”, “purple as” (on the material of the Balkan Slavic languages)

Abstract: Comparative constructions “orange as”, “pink as”, “purple as” are rare. The found examples give an ambiguous idea of the characterized color. The same constructions are used to clarify different colors: pink and orange, pink and purple. This article discusses the semantic restrictions on the compatibility of these color terms. The material demonstrates that the close Balkan Slavic languages may use different strategies for constructing comparisons. The use of the comparative constructions shows the meanings unnoticed in dictionaries.

Key words: color terms, comparative constructions, orange, pink, purple, Balkan languages, Balkan Slavic languages

Компаративные обороты придают речи образность и эмоциональность, путем сравнения раскрывается как основной признак предмета, так и ряд дополнительных, увеличивается интенсивность признака, может проявляться авторское отношение и оценка.

Компаративные отношения предполагают факт сопоставления предметов и наличие признака, положенного в основу этого сопоставления. При разборе компаративных единиц выделяется *субъект* сравнения (то, что сравнивают), *основание* (признак в основе сопоставления), *средство* (союз) и *объект* (то, с чем сравнивают) [Огольцев 1978: 27]. Основными средствами в рассматриваемых языках выступают союзы болг. *като*, мак. *како*, серб. *као*.

Сравнения по основанию розового, оранжевого и фиолетового цвета целесообразно рассматривать как отдельную группу. Обозначениям соответствующих цветов присуща вариативность равноправных форм и наличие многочисленных синонимов в рамках литературного языка. Во внутренней форме этих колоративов уже заложено образное сравнение с определенным объектом действительности, поэтому компаративные обороты встречаются редко. В цитируемых ниже примерах сохраняется орфография источника.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ТИПА «ОРАНЖЕВЫЙ КАК»

Оранжевый воспринимается как промежуточный цвет, как комбинация желтого с красным. В словарях литературного языка фиксируется несколько способов обозначения этого оттенка: болг., мак. *портокалов* (через нгр. *портока́ли* ‘апельсин’ от порт. *português* ‘португальский’) [БЕР 1996: 533], *оранжев* (через рус. *оранжевый* от фран. *orange* ‘апельсин’) [БЕР 1995: 913], серб. *наранџаст*, *наранџи* (через тур. *parenc* ‘цитрус’ от перс. *nārang*) [Skok 1972: 503]. В диалектных словарях юго-восточной Сербии и юго-западной Болгарии фиксируются следующие лексемы для обозначения оттенков оранжевого: ю.-серб. *рујев* ‘темно-оранжевый’, *рић* ‘темно-оранжевый, рыжий’ (Каменица, Пирот), *рус* ‘рыжий’ (Пирот), *турунџи* (Буяновац), *турунџи* ‘оранжевый’ (Вране), з.-болг. *алтурунджиеф* ‘оранжевый’ (Самоково) (тур. *turuncu* ‘оранжевый’, ср. з.-болг. *търта* (Доброславци) и ю.-серб. *турунџе* ‘бархатцы’ (Власе), *огнен* ‘красный с добавлением желтого’ (Доброславци). Переходные цвета не всегда четко разделяются. Например, лексема ю.-серб. *рус* (Пирот) в том же диалекте другими носителями воспринимается светлым оттенком красного – ‘розовый’, что также фиксируется в словаре [Јовановић 2004: 603, 605; Живковић 1987: 139; Златановић 2014: 675; Вакарелска-Чобанска 2005: 20; Гълъбов 2000: 768].

Однако компаративные обороты встречаются только с основными цветообозначениями оранжевого. В словарных дефинициях есть указание на прозрачную внутреннюю форму, а также на оттеночный характер цвета, полученного путем смешения красного и желтого. Приведем определения некоторых основных цветообозначений:

болг. **оранжев**, -а, -о 1. *Който е червеникаво-жълт, с цвят на портокалова кора; портокалов* «Красно-желтого цвета, цвета апельсиновой корки; апельсиновый» [РБЕ];

мак. **портокалов**, -а, -о *Што има боја на портокал; црвеножолт* «Цвета апельсина; красно-желтый» [Мургоски 2005: 594–595];

серб. **наранџаст**, -а, -о 1. *Који има боју као наранџа (плод), црвенкастожут* «Цвета апельсина (плода), красно-желтый» [РСЈ: 773].

1. У соответствующих колоративов не фиксируется переносных значений. Сравнительные обороты с основанием «оранжевый» используются для уточнения цвета какого-либо предмета. Наиболее частотными объектами сравнения становятся овощи и фрукты соответствующего цвета:

болг. Силен **оранжев като цвят на плодове от хурма** «Насыщенный оранжевый как цвет плодов хурмы» [Colorfloresta.com, дата обращения: 07.07.2020];

серб. *Sjećam se ja jednog momka sa Starčevice, koristio je neku kremu za samopotamnijavanje, bio je narandžast kao mrkva. Propast* «Я помню одного парня из Старчевицы, он пользовался кремом для автозагара, он был оранжевым, как морковь. Ужас» [Banjalukaforum.com, дата обращения: 18.08.2021].

2. Оранжевый разделяет также ассоциации, традиционно закрепленные за цветами, из смешения которых получается: как насыщенный оттенок желтого оранжевый ассоциируется солнцем, а как оттенок красного – с огнем:

болг. <Цвят на лак за нокти> *Синьо-зелен, като смарагд, и топло, като праскова с мляко, портокалов като слънцето...* «<Цвет лака для ногтей> Сине-зеленый как изумруд, и теплый как персики с молоком, оранжевый как солнце...» [Bg.argen-nails.com, дата обращения: 07.07.2020];

серб. <Мoj маџак> *Posebno mi je drag jer je toplih boja: smeđ kao čokolada, žut kao sunce i narandžast kao vatra* «<Мой кот> Мне он особенно нравится, потому что у него окрас теплых тонов: коричневый как шоколад, желтый как солнце и оранжевый как огонь» [Os-ljgaja-ng.skole.com, дата обращения: 18.08.2021].

3. Несмотря на отсутствие словарного значения ‘радостный, беззаботный, свободный’, оранжевый может встречаться и в таких контекстах. В рекламе греческого сока на болгарском языке используются следующие слоганы: **Портокалов като слънцето, като залеза, като радостта** «Оранжевый как солнце, как закат, как радость» [Bakaliategreekdeli.com, дата обращения: 20.08.2020].

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ТИПА «РОЗОВЫЙ КАК»

Светлые оттенки красного передаются разными способами: через лексемы, образованные суффиксальным способом от основного термина, чем подчеркивается именно оттеночный характер данного цвета – болг. *възчервен, червеникав, мак. црвеникав, црвенкаст*, серб. *црвенкаст*, диал. серб. *црвењикав* (Костомлатица), *црвењушкав* (Добрейянце) [Златановић 2014: 724], мак. *руен* (от праслав. **rud-* ‘красный’) [Skok 1973: 165], серб. *румен, руменкаст* ‘розовый’; от названия цветка розы – болг. *розов*, мак. *розов*, серб. *розе, розикаст, ружичаст, ружични* (от серб. *ружа* ‘роза’), ю.-серб. *розан, розникав* (Тимокский край) ‘розовый’ [Динић 1988: 34; Динић 1992: 161]; от заимствованных корней – болг. *пембян*, з.-болг. *бембелен* (Логодаж) [Десподски 2009: 17], мак. *пембе, пембен, пембелија*, ю.-серб. *пембе* ‘розовый’ (Призрен) [Петровић 2012: 237], *пембав* ‘розовый’ (от тур. *petbe* ‘розовый’) (Пирот) [Живковић 1987: 109], з.-болг. *ален* ‘розовый’ (Шипочан) [Вакарелска-Чобанска 2005: 20], ю.-серб. *алест* ‘розовый’ (от тур. *al* ‘румяный’) (Големо Село) [Златановић 2014: 18], ю.-серб. *ћувез* ‘розовый’ (Призрен) [Петровић 2012: 128], мак. *цикламен* (от греч. *κυκλάμινο* ‘альпийская фиалка’) ‘розовый’.

1. Основные цветообозначения по своей внутренней форме уже является образным уподоблением: лексемы образованы от названия цветка розы, что отражено и в словарных дефинициях:

болг. **розов**, -а, -о 1. *За цвят, отсянка, багра — който е бледочервен* «О светло-красном цвете, оттенке, краске» [РБЕ];

мак. **розов**, -а, -о 1. *што има боја на роза* «Цвета розы» [Мургоски 2005: 708];

серб. **румен**, -ена, -о 1. *отвореноцрвен, црвенкаст, ружичаст* «Светло-красный, красноватый, толкуется через *ружичаст*» [РСЈ: 1154].

Сравнения «розовый как» используются для характеристики реального цвета того или иного предмета, цвета кожи:

мак. *Кожата ми е розова, како на бебе* «Кожа у меня розовая, как у младенца» [Vitaslim.eu, дата обращения: 02.02.2013];

серб. *Крв је ружичаста као разблажено вино* «Кровь розовая, как разбавленное вино» [Natasamiljanovic.wordpress.com, дата обращения: 18.08.2021].

В промежуточном положении находятся оттенки, передаваемые в балканославянских языках лексемой с наиболее широким толкованием – мак. *црвенкаст*, *црвеникаст*, *црвеникав* ‘цвет, близкий красному’, ю.-серб. *црвењикав* (Костомлатица), ю.-серб. *црвењушкав* (Добрейянце) ‘розовый’ [Златановић 2014: 724]. Контексты, приведенные ниже, свидетельствуют о важности такого компонента, как *объект сравнения*, потому что в зависимости от объекта данное цветообозначение может по-разному толковаться. Следующие примеры на македонском языке даны по мере изменения значения одной и той же лексемы, но при переводе было решено использовать нейтральное слово «красноватый»:

мак. *Овој човек е црвенкаст како лисица* «Этот человек красноватый, как лисица» [En.opentrans.net, дата обращения: 02.04.2014];

мак. <*Тикварник*> *Па освен што е црвенкасто како тиква, баш и да го нема многу многу вкусот (заради млекото, јајцата и ванилата)* «<Тыквенный пирог> Помимо того, что он красноватый, как тыква, вкуса-то особо и нет (из-за молока, яиц и ванили)» [Roditeliideca.com.mk, дата обращения: 10.03.2014];

мак. <*Бојата на абсент*> *Црвенкаста, како зајдисонце во Пиринеите* «<Цвет абсента> Красноватый, как закат в Пиренеях» [Ma.bggeron.ru, дата обращения 03.09.2020];

мак. *Во случајов, светлото беше портокалово-црвенкасто, како незреан домати* «В данном случае свет был оранжево-красноватым, как у незрелого помидора» [Forum.kajgana.com, дата обращения: 03.09.2020];

мак. *Бојата варира од светло портокалова до црвенкаста (како на домати)* «Цвет варьируется от светло-оранжевого до красноватого (как у помидора)» [Hr.glosbe.com, дата обращения 10.04.2020];

мак. *Кармин сенка на Bourjois е со црвенкаста како корали, но со нијанса на розово во него* «Цвет помады Bourjois красноватый, как коралл, но с оттенком розового» [Mk.hair-action.com, дата обращения: 18.08.2021].

Вышеприведенные, а также другие многочисленные примеры свидетельствуют о неразграничении розового и оранжевого, обозначаемых лексемой от корня ⁺*crven* в македонском языке. Дериваты, образованные прибавлением суффиксов к основному цветообозначению красного, являются наиболее нейтральным способом передачи красноватого оттенка разной степени интенсивности.

В других балканославянских языках ситуация более определена. В литературном сербском языке дериваты от корня ⁺*crven* фиксируются преимущественно в значении, приближенном к ‘оранжевый, рыжий’, и не наблюдается такого широкого спектра применения, как в случае с македонским языком. Тем не менее единичные примеры сравнительных оборотов с лексемой от ⁺*crven* в значении ‘розовый’ приведены ниже:

серб. *Karanfil, crvenkast kao stid otvara slatku laticu sećanja* «Гвоздика, красноватая, как стыд, раскрывает сладкий лепесток воспоминания» [Mk.hair-action.com, дата обращения: 18.08.2021];

серб. *Prava <boja> je kristalno crvenkasta, kao vino roze i što je sirće starije crvenije je* «<Цвет> действительно кристально-красноватый, как розовое вино, и чем старше уксус, тем он краснее» [B-m.facebook.com, дата обращения: 18.08.2021].

Болгарская лексема от аналогичного корня – *възчервен* ‘розовый’ – вовсе не фиксируется в значении ‘оранжевый, рыжий’.

Таким образом, три близких южнославянских языка по-разному используют лексем, образованные от одного корня. В болгарском языке дериваты от ⁺*crven* известны исключительно в значении ‘розовый’. В сербском лексем от аналогичного корня преимущественно используются в значении ‘оранжевый, рыжий’, хотя иногда можно проследить другие оттеночные значения. Македонский же представляет широкие возможности для толкования в зависимости от контекста.

2. Розовый в переносном значении противопоставлен переносному значению «серого», т. е. будничному, скучному, и воспринимается как радостный или беззаботный:

болг. *Той е прекалено оптимистичен и розов – като баница, но не във всяко парче има късмет* «Он слишком оптимистичный и розовый – как баница с благопожеланиями, но не каждый кусочек счастливый» [Dariknews.bg, дата обращения: 10.09.2020];

серб. *Том приликом им је пришла млада циганчица, која је продавала руже, и тако зарађивала за живот који је, засигурно, био све сем ружичаст као цвијеће* «Тогда к ним подошла молодая цыганка, продававшая розы и таким образом зарабатывающая себе на жизнь, которая была какой угодно, но только не розовой, как цветы» [Facebook.com, дата обращения: 18.08.2021].

В этом значении используются лексем болгар., мак. *розов* и серб. *ружичаст*. Сравнительных контекстов, которые бы свидетельствовали об использовании синонимичных цветообозначений розового в этом переносном значении, найдено не было. Соответственно можно заключить, что именно эти колоративы являются основными терминами для обозначения розового.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ ТИПА «ФИОЛЕТОВЫЙ КАК»

Наибольшее количество цветолексем в рассматриваемых языках фиксируется для обозначения фиолетового: в болгарском – *виолетов* (фран. *violet* ‘фиолетовый’), *лилав* (фран. *lilas* ‘сирень’), *морав* (тур. *mor* ‘фиолетовый’); в македонском – *виолетов / виолетен, темјанугав / тејанушкав* (от мак. *темјануга / темјанушка* ‘фиалка’), *лилав*, диал. мак. *лилаков*, диал. мак. *лилат*, диал. мак. *лила боја* (Младо-Нагоричане)¹; в сербском – *љубичаст* (от серб. *љубичица* ‘фиалка’), *виолетан, виолет, лила*.

Также имеются разночтения в определениях некоторых лексем, находящихся в промежуточном положении между синим и фиолетовым: в балканославянских языках лексем *модар, индиго*, з.-болг. *морав* (Трын), диал. мак. *морѡф* (Штип) могут толковаться двояко, т. е. как оттенок синего, темно-синего или же фиолетового, а лексем ю.-серб. *галибарда* (Пирот), ю.-серб. *моравилкаст* (Каменица), ю.-серб. *амбербој* (Призрен), ю.-серб. *ђувезан* (Тимокский край), диал. мак. *винест* (Младо-Нагоричане)², диал. болг. *гивѣзан, гъозюв* (Криничне, Украина)³ – как красно-фиолетовые, розово-фиолетовые оттенки, что объясняется смешанной природой данного цвета [Младенов 2011: 113; Маленко 2012: 302; Живко-

¹ Собственные записи 2018 г. (Куманово, Северная Македония).

² Там же.

³ Переселенческие говоры болгар Украины.

вић 1987: 19; Јовановић 2004: 470; Петровић 2012: 46; Динић 1992: 31; Колесник 2008: 63, 72].

Словарные статьи по основным терминам обозначения фиолетового дают возможность соотнести эти лексемы с названием растения фиалки и что «фиолетовый» осознается не как чистый цвет, а как смешение синего и красного:

болг. **виолетов**, -а, -о 1. *Който има багра, цвят смесен от син и червен; лилав, морав* «Цвета смеси синего и красного, толкуется через *лилав, морав*» [РБЕ];

мак. **виолетов**, -а, -о *Што има боја на темјанушка; синоцрвен* «Цвета фиалки; си-не-красный» [Мургоски 2005: 79];

серб. **љубичаст**, -а, -о *Који је боје љубичице, виолетан* «Цвета фиалки; толкуется через *виолетан*» [РСЈ: 646].

Наиболее частотной лексемой сербского языка, вовлеченной в компаративные обороты, является серб. *љубичаст*. Данная лексема широко используется как в сравнениях с положительной оценкой, так и для характеристики нездоровых оттенков кожи. В первом случае устойчивым сравнением является уподобление цветам ягод темного винограда, во втором – объектами часто выступают грибы, которые в южнославянском языковом континууме называются по признаку фиолетового цвета [Чиварзина 2020: 224]:

серб. *Donji deo tamo gde ulaze slušalice biće ljubičast kao i telo pečurki* «Нижняя часть, куда помещаются наушники, станет фиолетовой, как гриб» [Forum.xboxrepublica.com, дата обращения: 18.08.2021].

В болгарском языке наиболее распространенная лексема *виолетов* встречается в компаративных оборотах, образно описывающих болезненные оттенки кожи, но в большинстве подобных контекстов используется лексема *морув*:

болг. *За малко е щял да и стане виолетов, като на торта черешката* «Он чуть не стал фиолетовым, как вишенка на торте» [M.dir.bg, дата обращения: 18.08.2021];

болг. *Имаше един момент в който т.н ни президент беше станал морав като патладжан* «Был такой момент, когда наш так называемый президент стал фиолетовым, как баклажан» [Frognews.bg, дата обращения: 18.08.2021].

Для характеристики болезненных оттенков кожи в македонском языке фиксируются контексты исключительно с лексемой *модар*:

мак. *Три месеци сум имал шизофреничарска температура, 37,4 до 37,6, не знаеја да ја спуштат, ногата ми беше модра како слива, од слабината до самите прсти* «Три месяца у меня держалась температура шизофреника 37,4 до 37,6 – никак не могли ее сбить. Нога у меня была фиолетовой, как слива, от паха до самых пальцев» [Vesti.mk, дата обращения: 20.07.2020].

Однако мак. *модар*, наряду с наиболее распространенным цветообозначением фиолетового – мак. *виолетов*, используется и в других контекстах с положительной оценкой:

мак. *Во рецептите што се појавија на Јутјуб се гледаат златни рипки, генетски модифицирани флуоресцентни зебрести риби и некои други, а клиентот сам може да ја одбере бојата на својот оброк – «радиоактивно» виолетова, модра како вселената, дреч-зелена, интензивна портокалова...* «В рецептах, которые появились в ютьюбе, можно увидеть золотых рыбок, генетически модифицированных флуоресцентных полосатых и некоторых других, а клиент сам может выбрать цвет своего обеда – ‘радиоактивно’-фиолетовую, фиолетовую (темно-синюю) как вселенная, ярко-зеленую, интенсивно-оранжевую...» [Novamakedonija.com.mk, дата обращения: 20.07.2020].

Помимо основных цветообозначений, в компаративных конструкциях рассматриваемых балканославянских языков встречаются другие лексемы, которые толкуются как более светлые или более темные оттенки:

мак. *Крзното е во нежна нијанса на розово-сивкаста боја, а кожата на носето и шепите е розова-лилава како лаванда* «<О бирманской кошке> Шерсть нежного розово-фиолетового оттенка, а кожа носа и лап розово-лиловая, как лаванда» [Milenićinja.mk, дата обращения: 20.07.2020];

серб. *Lila, boja kao svijet jorgovana* «Лилковый, цвета сирени» [Facebook.com, дата обращения: 20.07.2020].

ВЫВОДЫ

Редкие примеры сравнительных оборотов с основанием «оранжевый», «розовый», «фиолетовый», которые удалось зафиксировать, дают двойственное представление о характеризующем цвете, подчеркивают его оттеночность. Лексемы, которые не относятся к базовым цветообозначениям, могут характеризовать разные цвета в зависимости от контекста. В случае использования данных лексем в значении оттенков красного – для характеристики цвета кожи, щек, крови – можно их признать синонимичными конструкциям «красный как». Оттеночный характер фиолетового цвета позволяет использовать соответствующее цветообозначение также и в компаративных конструкциях, синонимичных сравнению «синий как».

ЛИТЕРАТУРА

БЕР – Български етимологичен речник. В 7 т. София: БАН, Ин-т за български език, 1971–2012.

Вакарелска-Чобанска 2005 – *Вакарелска-Чобанска Д.* Речник на Самоковския говор. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 2005. 394 с.

Гълъбов 2000 – *Гълъбов Л.* Лексиката на говора в с. Доброславци, Софийско. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2000. 838 с.

Десподски 2009 – *Десподски Ф.* Речник на говора на село Логодаж, Благоевградско. София: Multiprint, 2009. 374 с.

Динић 1988 – *Динић Ј.* Речник тимочког говора // Српски дијалектолошки зборник. Београд: САНУ, 1988. Књ. 34. С. 3–340.

Динић 1992 – *Динић Ј.* Речник тимочког говора (други додатак) // Српски дијалектолошки зборник. Београд: САНУ, 1992. Књ. 38. С. 3–208.

Живковић 1987 – *Живковић Н.* Речник Пиротског говора. Ниш: Просвета, 1987. 188 с.

Златановић 2014 – *Златановић М.* Речник говора југа Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.). Врање: Учительски факултет у Врању, 2014. 811 с.

Јовановић 2004 – *Јовановић В.* Речник села Каменице код Ниша // Српски дијалектолошки зборник. Расправе и грађа. Београд: САНУ и Институт за српски језик, 2004. Књ. 51. С. 330–693.

Колесник 2008 – *Колесник В.* Говорът на българите в с. Криничне (Чушмелий). Бесарабия. Речник. Български говори в Украйна. Вип. 4. Одесса: Друк, 2008. 376 с.

Маленко 2012 – *Маленко Б.* Штипскиот говор. Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2012. 323 с.

Младенов 2011 – *Младенов А.* Трънските думи. Речник на регионалният говор. София: Изток-Запад, 2011. 244 с.

Мургоски 2005 – *Мургоски З.* Речник на македонскиот јазик. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2005. 948 с.

Огольцев 1978 – *Огольцев В.М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 160 с.

Петровић 2012 – *Петровић С.* Турцизми у српском призренском говору. На материјалу из рукописне збирке речи Димитрија Чемериќића. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2012. 424 с.

РБЕ – Речник на българският език [Электронный ресурс]: <http://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обрраќања: 06.08.2021).

РСЈ – Речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2011. 1561 с.

Чиварзина 2020 – *Чиварзина А. И.* Особенности обозначения синего цвета в названиях растений и грибов в южнославянских диалектах // *Славянский альманах*. 2020. Вып. 3–4. С. 213–226.

Skok – *Skok P.* Etimologijski rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1972–1973. (Т. 2, 3).

REFERENCES

- Bălgarski etimologičen rechnik. Vă 7 t. Sofia. BAN, Institut za bălgarski ezik, 1971–2012.
- Chivarzina A.I. Lexical Implementation Peculiarities of the Blue Colour in the Names of Plants and Mushrooms in the South Slavic Dialects. *Slavic Almanac*. 2020. No 3–4, pp. 213–226.
- Gălăbov L. (2000) Leksikata na govora v s. Dobroslavci, Sofijsko. Sofia. Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Ohridski”. 838 p.
- Despodski F. (2009) Rechnik na govora na selo Logodazh, Blagoevgradsko. Sofia. Multi-print, 374 p.
- Dinić J. Rečnik timočkog govora. *Srpski dijalektološki zbornik*. Beograd: SANU. 1988. Knj. 34, pp. 3–340.
- Dinić J. Rečnik timočkog govora (drugi dodatak). *Srpski dijalektološki zbornik*. Beograd: SANU. 1992. Knj. 38, pp. 3–208.
- Jovanović V. Rečnik sela Kamenice kod Niša. *Srpski dijalektološki zbornik. Rasprave i gr-adja*. Beograd. SANU i Institut za srpski jezik. 2004. Knj. 51, pp. 330–693.
- Kolesnik V. Govorăt na bălgarite v s. Krinichne (Chushmelij). Besarabiya. Rechnik. In: *Bălgarski govori v Ukrajna. Vip. 4*. Odessa. Druk. 2008. 376 p.
- Malenko B. (2012) Štipskiot govor. Skopje. Institut za makedonski jazik “Krstе Misirkov”. 323 p.
- Mladenov A. (2011) Trănskite dumi. Rechnik na regionalniya govor. Sofia. Iztok-Zapad, 244 p.
- Murgoski Z. (2005) Rečnik na makedonskiot jazik. Skopje. Filološki fakultet “Blaže Koneski”. 948 s.
- Ogoltsev V.M. (1978) Stable Comparisons in the System of Russian Phraseology. Leningrad. Publishing House Leningrad. un-tat. 160 p.
- Petrović S. (2012) Turcizmi u srpskom prizrenskom govoru. Na materijalu iz rukopisne zbirke reči Dimitrija Čemerikića. Beograd. Institut za srpski jezik SANU. 424 p.
- Rečnik srpskoga jezika. Novi Sad. Matica srpska. 2011. 1561 p.
- Rechnik na bălgarskiya ezik: <http://ibl.bas.bg/rbe/> (date accessed: 06.08.2021).
- Skok P. Etimologijski rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb. Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. 1972–1973. (Т. 2, 3).

Vakarelska-Chobanska D. (2005) Rečnik na Samokovskiya govor. Sofia: AI “Prof. Marin Drinov”. 394 p.

Zlatanović M. (2014) Rečnik govora juga Srbije (provincijalizmi, dijalektizmi, varvarizmi i dr.). Vranje. Učiteljski fakultet u Vranju. 811 p.

Živković N. (1987) Rečnik Pirotskog govora. Niš. Prosveta. 188 p.

Сведения об авторе:

Александра Игоревна Чиварзина,
мл. научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

Alexandra I. Chivarzina,
Junior Researcher
Institute of Slavic Studies RAS

mss-vah@yandex.ru

Д.А. Шуმიлова (Москва, Россия)

Город как пространство аффектов в адаптации «Белых ночей» Ф.М. Достоевского (на материале фильма Л. Квинихидзе)

Аннотация: В статье рассматривается проблема репрезентации аффектов в повести Ф.М. Достоевского «Белые ночи» и одноименной киноадаптации Л.А. Квинихидзе. В центре внимания три разных подхода к пониманию аффекта (Дж. Ходжкинса, А. Тэйн, Г. Сингха), его места в чувственно-эмоциональной сфере и механизмов его опознавания. Анализ текста Достоевского, а также его кинематографической адаптации (монтажных, цветовых, световых и музыкальных решений отдельных эпизодов) показывает, что аффективно-эмоциональные элементы в фильме находятся в сложных, непрямых, взаимодополняющих отношениях с подобными элементами повести. Особое внимание уделено разбору финальных эпизодов как эмоциональной «точке сборки» литературного и кинематографического текстов.

Ключевые слова: аффект, киноадаптация, аффективно-эмоциональная реакция, эмоция

D.A. Shumilova (Moscow, Russia)

Affects in the City: Leonid Kvinikhidze's Film Adaptation of Fyodor Dostoevsky's "White Nights"

Abstract: The article delves into the representation of affects in a classic text and its film version. Fyodor Dostoevsky's "White Nights", adapted by Leonid Kvinikhidze, allows for the comparison of the affective-emotional elements in the film with those of the literary original. We first elaborate on three different approaches to the study of affect (John Hodgkins, Alanna Thain and Greg Singh) and its links to the sphere of senses and emotions. We then proceed to analyze Dostoevsky's text and its film adaptation (with emphasis on colour and lightning in the mise-en-scène, editing techniques and music) to demonstrate that the affective and emotional energies of the film establish a complex relationship with the original narrative. Special attention is paid to the analysis of closing episodes and their significance in provoking emotional reactions.

Key words: affect, cinema adaptation, affective-emotional reaction, emotion

Повесть Ф.М. Достоевского «Белые ночи» подвергалась многочисленным киноадаптациям. Одной из них является фильм Л.А. Квинихидзе (1992). Действие повести перенесено из середины XIX в. в начало 1990-х гг. Однако город, в кото-

ром разворачиваются события, – Санкт-Петербург – остается прежним (в отличие от воображаемого Ливорно у Л. Висконти, Парижа у Р. Брессона и Сеула в адаптации Чон Сон Иля). Именно с городом связан тот источник воздействия на воспринимающую инстанцию, который Джон Ходжкинс в работе «Дрейф: аффект, адаптация и новый взгляд на верность оригиналу» называет аффективными силами, переходящими из адаптируемого произведения в фильм [Hodgkins 2013: 16].

Аффект в данном случае – это интенсивный эмоциональный отклик, который подключает зрителя к просмотру на телесном уровне. Вслед за Брайаном Массуми и Марко Абелем Ходжкинс полагает, что его следует отличать от эмоции в собственном смысле слова, и формулирует это различие так: «Эмоции – это аффекты, сформированные в определенной среде и принадлежащие определенному субъекту» [Hodgkins 2013: 13]. Сами аффекты Массуми, цитируемый в работе Ходжкинса, определяет как «силы» [Hodgkins 2013: 2], и, по всей видимости, силы, ничем не ограниченные. Ходжкинс полагает также, что они предшествуют эмоциям [Hodgkins 2013: 13]. По мнению Абея, текст (литературный или кинематографический) влияет на воспринимающую инстанцию (читателя или зрителя), вызывая аффект, так как сама воспринимающая инстанция представляет собой совокупность аффективных энергий [Hodgkins 2013: 16]. Ходжкинс, развивая эту идею, считает, что при адаптации происходит «дрейф» данных сил и энергий «из одного произведения в другое, из одного медийного инструмента в другой» [Hodgkins 2013: 17]. Можно предположить, что адаптация зачастую имеет влияние на воспринимающую инстанцию, схожее с тем, какое имел на нее оригинал.

Тем не менее адаптация вырабатывает независимые от оригинала аффективные силы и энергии, которые заставляют воспринимающую инстанцию взглянуть на данный источник по-новому. Одновременно фабула, тема и персонажи литературного текста и фильма могут значительно отличаться, что несколько не влияет на возможность сходства их аффективного воздействия, так как, по мнению Ходжкинса, аффективные «силы текста не обязательно исходят из его содержания и лежащего на поверхности значения» [Hodgkins 2013: 18]. Далее Ходжкинс комментирует мысль Массуми о «возможном диссонансе между содержанием фильма и эффектом, который он оказывает [на зрителя] во время самого просмотра» [Hodgkins 2013: 18], что заставило Массуми «постулировать “первенство аффективного в образном восприятии”» [Hodgkins 2013: 18]. Иными словами, нарративное содержание текста во многом не связано с аффективным состоянием, вызываемым им у читателя, зрителя или слушателя. При этом именно аффект имеет большую значимость, так как он формирует впечатление от текста у воспринимающей инстанции.

Аланна Тэйн в своей книге «Тела и саспенс: время и аффект в кинематографе» рассматривает аффект с несколько иной точки зрения. В первую очередь исследовательницу интересует процесс его возникновения и формирования: Тэйн понимает под аффектом более упорядоченное энергетическое воздействие, чем Ходжкинс, который считает аффект стихийной силой, при «оформлении» превращающейся в эмоцию. Источником этого воздействия для Тэйн является, во-первых, способность «тела», т. е. воспринимающей инстанции, «с помощью мышления и ощущений создавать свое собственное чувственное отношение ко времени» [Thain 2017: 12], и, во-вторых, смена действий или событий, которые разворачиваются перед зрителем при просмотре им кинокартины, сам процесс этой смены [Thain 2017: 12]. Таким образом, Тэйн в отличие от Ходжкинса, который считает

причиной возникновения аффекта взаимодействие сил и энергий текста с силами и энергиями воспринимающей инстанции, полагает, что появление аффекта определяется отношением «тела» зрителя ко времени и сменой состояний «тела».

Грег Сингх в работе «Чувствуя фильм: аффект и аутентичность в популярном кинематографе» смотрит на аффект, ориентируясь на клиническую психологию. Для этого исследователя аффект и эмоция являются двумя разновидностями чувства [Singh 2014: 1] (а не двумя этапами его оформления, как на них смотрит Ходжкинс). Согласно предисловию, написанному Люком Хокли, чувство может быть осознанным и бессознательным, и аффект относится к бессознательной сфере [Singh 2014: viii]. Когда он овладевает нами, граница между мыслями и чувствами, внутренним и внешним миром, рациональным и иррациональным, сознанием и бессознательным исчезает, «и кинематограф, как кажется, способен заставить нас оказаться на этой пограничной территории» [Singh 2014: viii]. Интересна также рассматриваемая Сингхом концепция «образа», или «третьего образа» [Singh 2014: 4], – «совместно создаваемых [зрителем и тем, что он видит на экране] неопределенных психологических отношений между воспринимающей инстанцией и воспринимаемым [ею объектом]» [Singh 2014: 4]. Это область «неопределенного и диалектически направленного аффективного, эмоционального и экспрессивного напряжения между наблюдателем и наблюдаемым» [Singh 2014: 4]. Таким образом, для Сингха так же, как и для Ходжкинса, источником аффекта служит точка соприкосновения воспринимающей инстанции и энергии медийного инструмента.

Цель данной статьи – анализ поэтики адаптации с акцентом на способность кинотекста репрезентировать аффект, а также формировать зрительский отклик посредством монтажного ритма и цветовых решений, т.е. аспектов медийной специфики кино. Монтажные решения рассмотрены на примере нескольких эпизодов (начало фильма, сцены встреч героев и сцены, демонстрирующие развитие отношений главной героини и Жильца, вставные эпизоды, мотивированные радикальной сменой контекста).

Сюжет «сентиментального романа» и его адаптации строится вокруг встреч Мечтателя (в фильме – Мити) с Настенькой (Стасей), ждущей уехавшего год назад в повести и три месяца назад в киноверсии возлюбленного (Жильца).

Начало фильма Квинихидзе сразу уводит зрителя из мира грез и поэзии, созданного в начале повести. Колокольный звон, который сопровождает начальные титры на темном фоне, переходит в ритмичную мелодию. Зритель реагирует на активный темп монтажа, поддержанного мелодией, почти с первых мгновений просмотра вовлекаясь в действие. Однако наплыв кадров друг на друга несколько ослабляет этот эффект и одновременно создает ощущение, что показанные на экране сцены служат фоном для всего повествования. Решение самих сцен выдержано в темной цветовой гамме, а их содержание не связано с романтикой белых ночей: нам показаны хлебозавод, располагающийся в старом районе, машины с хлебом, проезжающие по грязной дороге мимо люков, из-под которых исходят канализационные пары. И быстрый ритм, и мизансценическое решение сразу настраивают зрителя на восприятие дальнейшего содержания фильма как чего-то напряженного, драматичного и, возможно, жестокого. Таким образом, мечтательный мир повести Достоевского, в который читатель погружается с первого предложения, явно контрастирует с некоторой агрессией фильма Квинихидзе.

Далее повествовательная интонация резко меняется. В эпизоде первой встречи Мити и Стаси монтажный ритм иной. Сопровождающая действие музыка лирична, а цветовая гамма хотя и остается холодной, но уже не носит мрачного оттенка. Большое количество мягкого рассеянного света создает ощущение присутствия в экранном пространстве некой дымки, легкого тумана, который размывает очертания окружающих предметов. Монтаж и звук, цветовое и световое решение находятся в гармонии со словами Мити, с его рассказами о своих снах и грезах. Иными словами, данный эпизод в противоположность началу фильма приводит зрителя в мечтательное, лиричное настроение, которое может соответствовать реакции читателя на повесть Достоевского. Так, между обоими произведениями проводится параллель не только на уровне сюжета и образа главного героя, но и на уровне аффективно-эмоционального восприятия текста. Однако происходит это только в отдельных эпизодах, о чем зрителя как будто предупреждает динамичное начало фильма. Также резкий контраст между началом картины и последующим моментом знакомства главных героев позволяет зрителю «отдохнуть» от быстрого ритма первых сцен и подготовиться к активному действию следующего эпизода.

Следующий эпизод, вводящий в контекст жизни начала 1990-х гг. (сцены в ночном клубе, танцы), динамичен. Палитра представлена в основном красным, оранжевым и желтым, а вновь использующийся рассеянный свет опять создает на экране легкую дымку. Но в отличие от предыдущего эпизода с его серо-голубой цветовой гаммой, в котором этот туман приобретает романтическое значение, здесь из-за использования других красок он напоминает чад. Таким образом, в результате воздействия музыки и мизансценического решения зритель опять испытывает напряжение и вовлекается в действие, возможно начиная двигаться в такт музыке и готовясь воспринимать дальнейшие события как нечто противоположное по настроению эпизоду знакомства главных героев.

В сюжете киноверсии появляются персонажи из криминального мира начала 1990-х гг. Эпизод знакомства главной героини и ее тети с Жильцом и его подчиненными решен так, что вызывает реакцию, явно противоположную тому легкому, веселому настроению, которое появляется у читателя, когда он видит в повести Достоевского, как бабушка Настеньки спрашивает, какого возраста жилец и приятной ли он наружности, а затем произносит комичную реплику. В фильме скорее за счет приглушенного света, однообразия цветов (бледных пастельных и темно-красных тонов) и вызывающей зрительное напряжение длины планов (полторы минуты) создается тревожная и несколько угнетающая атмосфера, подкрепляемая событиями сюжета. В квартиру через черный ход входят подчиненные Жильца с чемоданами, его помощник приказывает врезать в дверь новый замок и оставляет хозяйке квартиры большую сумму денег, подробно рассказывая ей о том, как надо вести себя с новым постояльцем.

Эпизод картины, в котором Стася в первый раз разговаривает с квартиросъемщиком наедине, решен в светлых тонах, а некоторые кадры ярко освещены. Лишь в одном из последних кадров, когда главная героиня наблюдает из окна за отъездом Жильца, вновь появляется голубая петербургская дымка. В аспекте операторской работы в эпизоде присутствует некоторое единообразие: за исключением самых первых кадров, в сценах преобладают крупные и полукрупные планы, позволяющие лучше рассмотреть лица героев и увидеть весь спектр выражаемых ими эмоций. Кроме того, эпизод пропитан легким эротизмом, который проявляется и в одежде Стаси, и во взгляде Жильца на нее, и в его нескромном предло-

женин, и в том, как главная героиня ест клубнику. Это составляет разительный контраст со сценой повести, в которой Настенька, решительно отказавшись тайком от бабушки ехать с Жильцом в театр, оставляет в душе читателя осознание чистоты и честности главной героини. Вместе с тем эротизм, присутствующий в соответствующем эпизоде фильма, нельзя назвать неуместным. Смена контекста, социальной принадлежности героев (девушка из провинции и «новый русский») объясняет смену коммуникативных привычек, приближает эмоциональный фон событий к аффективной заряженности российских девятых.

В одном из следующих эпизодов картины события разворачиваются в ресторане. Краски, преобладающие в соответствующих сценах, гораздо более яркие и насыщенные, чем во всех остальных эпизодах, за исключением, возможно, сцен в клубе. Но если в последних доминировал красный цвет и близкие ему цвета, то здесь на первый план выходит темно-фиолетовый, который повторяется и в драпировках на стенах, и в мебели ресторана, и в одежде Стасиной тети. Вместе с тем палитра достаточно разнообразна: так, в одежде главной героини преобладают светлые пастельные тона. Возможно, этот разнообразный фон, поддержанный будоражающей музыкой, был создан для того, чтобы у зрителя, как и у Стаси, немного «закружилась голова» от слишком большого количества впечатлений. Тогда становится более понятным и Стасин обморок, вызванный алкоголем, и ее дальнейший поступок. При этом, как ни странно, ощущения и впечатления главной героини фильма удивительно схожи с чувствами Настеньки, которые она испытывала после оперы.

Однако реакция зрителя и читателя на данные эпизоды разительно отличается. Смена контекста подразумевает, с одной стороны, разницу эмоциональных переживаний героинь, их порывов, необдуманных решений, с другой – разницу в читательских и зрительских ожиданиях. Возможное читательское «умиление» от впечатлений первой любви контрастирует со зрительским неоднозначным отношением к поведению Стаси в ресторане. Сцены изображают эмоцию влюбленности с поправкой на исторический момент, вызывают у воспринимающей инстанции разные аффективно-эмоциональные отклики.

Неоднозначное зрительское отношение к части эпизодов и ощущение возбужденности, остающейся после просмотра, получает обоснование в сюжете киноленты: Митя становится жертвой подчиненных Жильца. Эпизод нападения на него в аспекте цветового решения оформлен так же, как и сцена знакомства героев, однако здесь зритель наблюдает не романтическую обстановку, а тоннель, темноту, грязные улицы, лужи. Все это создает ощущение тревоги и неблагополучия. После нападения Стася решает остаться с Мечтателем, но в итоге выбирает Жильца как более богатого и успешного человека.

Эпизод, предшествующий ее новой встрече с возлюбленным, которого она на время отвергает, решен так, чтобы провоцировать противоречивые отклики зрителя. Как и в сценах знакомства Стаси и Мити, мизансцену определяет холодная серо-голубая цветовая гамма, мягкий рассеянный свет, создающий легкий туман, достаточно длинные планы. Большая часть эпизода снята с верхней точки, благодаря чему мы видим главных героев и все их окружающее как на ладони (эффект «целого мира»). Слушая, как счастливые главные герои строят планы совместного будущего, мы погружаемся в мечтательно-радостное настроение ожидания, предвкушения чего-то хорошего. Точно такое же состояние мы испытываем при чтении соответствующего эпизода в повести Достоевского, где Мечтатель и На-

стенка ведут себя так же, как герои киноверсии. Неожиданна развязка этих эпизодов, но в восприятии читателя данное ощущение сглаживается радостью за героиню, вновь обретшую свою любовь. В результате он реагирует на последнюю сцену смешанным образом: с одной стороны, ему жаль Мечтателя, с другой – он рад за Настеньку. Квинихидзе удерживает своего зрителя от излишних восторгов, представляя в сюжете социальные типажи 1990-х как «сгустки» аффективных энергий (активный Жилец, несмелый интеллигент Митя, расчетливая Стася).

Таким образом, в фильме Квинихидзе и повести Достоевского есть эпизоды, схожие по воздействию на воспринимающую инстанцию. Но в большинстве случаев реакция на кинотекст будет противоположна реакции на литературное произведение. Вместе с тем в кинокартине присутствуют прямые отсылки к повести Достоевского как на уровне фабулы (роман героини с Жильцом, ожидание, помощь Мечтателя, временное соединение главных героев), так и на уровне отдельных вставных сцен «из прошлого». Первая из них появляется в начале произведения, во время знакомства Стаси и Мити, когда героиня представляет Жильца в образе господина из XIX в. При этом цветовая гамма вставной сцены значительно отличается от холодной серо-голубой палитры «современного» Петербурга: она как будто пропитана солнечным светом и блеском. Вновь прошлое появляется в самом конце фильма. Расставшись со Стасей и получив от нее последнее сообщение, записанное на магнитофон (Квинихидзе знаком с версией «Белых ночей» Р. Брессона), Митя ходит по городу, и зритель видит сначала сцену расстрела и подготовки к нему, снятую в привычной серо-голубой цветовой гамме и подернутую в определенные моменты дымкой тумана, потом – первую встречу Мечтателя и Настеньки, а затем их же, прогуливающих по залитой ярким солнечным светом набережной. Таким образом, по мере усиления зрительского положительного отклика на содержание сцен увеличивается и яркость освещения в них, что в свою очередь подкрепляет реакцию зрителя.

Перед финальными титрами на темном фоне появляется последняя отсылка к Достоевскому – заглавие повести в кавычках, фамилия и инициалы автора, а также цитата из самого текста: «Я непременно приду сюда завтра, именно сюда, на это же место, именно в этот час, и буду счастлив, припоминая вчерашнее» [Достоевский 1982: 170]. Из этих последних сюжетных элементов фильма можно сделать вывод, что режиссер, как и Мечтатель, завершает произведение на светлой ноте. Тем не менее Квинихидзе, заставляя своего зрителя оглядываться назад, на условный, позлащенный Петербург Достоевского, высказывает в финале критический комментарий относительно современного положения вещей.

Данная статья значима в контексте адаптационных исследований, поскольку анализ поэтики адаптации проведен с акцентом на репрезентацию аффектов в кинотексте и зрительский отклик, на циркуляцию аффективных энергий между текстами разной медийной природы.

ЛИТЕРАТУРА

Достоевский 1982 – *Достоевский Ф.М.* Белые ночи // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1982. С. 161–212.

Квинихидзе 1992 – Квинихидзе Л.А. Белые ночи. Россия, 1992. 85 мин.

Hodgkins 2013 – *Hodgkins J.* The Drift: Affect, Adaptation and New Perspectives on Fidelity. London; New York: Bloomsbury, 2013. 171 p.

Singh 2014 – *Singh G. Feeling Film: Affect and Authenticity in Popular Cinema*. London; New York: Routledge, 2014. 247 p.

Thain 2017 – *Thain A. Bodies in Suspense: Time and Affect in Cinema*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2017. 328 p.

REFERENCES

Dostoevsky F.M. White Nights. In: Dostoevsky F.M. Collected Works: In 12 vols. Vol. 1. Moscow. Pravda Publ. 1982, pp. 161–212.

Hodgkins J. (2013) *The Drift: Affect, Adaptation and New Perspectives on Fidelity*. London; New York. Bloomsbury. 171 p.

Kvinikhidze L.A. (1992) *White Nights*. Russia. 1992. 85 min.

Singh G. (2014) *Feeling Film: Affect and Authenticity in Popular Cinema*. London; New York. Routledge. 247 p.

Thain A. (2017) *Bodies in Suspense: Time and Affect in Cinema*. Minneapolis. The University of Minnesota Press. 328 p.

Сведения об авторе:

Дарья Андреевна Шумилова,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Darjya A. Shumilova,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
Shumilova.Dariya46@gmail.com

Л.И. Шутова (Москва, Россия)

Библейские топосы как маркеры авторского стиля

Аннотация: В фокусе работы находится проблема разграничения частей Пространной редакции жития преподобного Сергия Радонежского, начатого Епифанием Премудрым и законченного, а также местами отредактированного Пахомием Логофетом. Одним из методов разграничения частей является сопоставление принципов цитирования библейских текстов; выявление аллюзий, цитат, топосов и библеизмов позволяет четче противопоставить епифаниевское и пахомиевское «писание».

В настоящем исследовании выявлено 7 новых цитат в тексте предисловия ЖСР в дополнение к 25 ранее прокомментированным; рассмотрены с точки зрения цитатной насыщенности предисловия к житию преподобного Сергия Радонежского и к житию Стефана Пермского, автором которых является Епифаний Премудрый, к житиям Никона Радонежского и Кирилла Белозерского, принадлежащих перу Пахомия Логофета.

Ключевые слова: Епифаний Премудрый, Пахомий Логофет, Пространная редакция жития преподобного Сергия Радонежского, текстология

L.I. Shoutova (Moscow, Russia)

Biblical Topos as Markers of the Author's Style

Abstract: This article presents a problem of delimiting parts of the Extensive Edition of the Life of St. Sergius of Radonezh, begun by Epiphanius the Wise and completed, as well as in places edited, by Pachomius Logofet. One of the methods of distinguishing the parts is to compare the principles of citing Biblical texts. The identification of allusions, quotations, toposes and biblicalisms makes it possible to oppose Epiphanian and Pachomian “scriptures” more clearly.

This research reveals 7 new quotes in the preface to the Extensive Edition of the Life of St. Sergius of Radonezh in addition to 25 previously commented quotes. The preface to the Life of St. Sergius of Radonezh, to the life of Stephen of Perm, the author of which is Epiphanius the Wise, the preface to the Lifes of Nikon of Radonezh and Kirill Belozersky, written by Pachomius Logofet, were considered from the position of citation richness.

Key words: Epiphanius the Wise, Pachomius Logofet, the Extensive Edition of the Life of St. Sergius of Radonezh, textual criticism

Проблема выделения частей в Пространной редакции жития преподобного Сергия Радонежского была поставлена архиепископом Филаретом (Гумилевским) в 1865 г.: «Епифаниево житие Сергия издано было в Москве 1647 г., но уже измененное Пахомием. Подлинный вид его надобно искать в рукописях» [Гумилевский, п. 81]. Именно архиепископ Филарет первым высказал предположение о том, что списки ЖСР, на данный момент относимые к Пространной редакции, содержат текст компилятивный, написанный как Епифанием, так и Пахомием.

В настоящее время известно, что работа агиографа над «Житием» длилась долго и немало времени занял именно подготовительный этап – Епифаний долгое время не решался начать писать. В 1373–1374 гг. и 1393–1394 гг. старец вел записи, опирающиеся на личные свидетельства людей, с которыми общался, имел некоторые главы, записанными «вчерне». Однако все они находились в композиционном беспорядке – «предняя назади, а задняя наперед».

В нашей работе сопоставлены предисловия, писанные Епифанием Премудрым, к житию Стефана Пермского (ЖСП), житию Сергия Радонежского (ЖСР), и предисловие к житию Никона Радонежского (ЖНР), автором которого является Пахомий Логофет. Выявление общих и различных обращений к инотексту, сравнение принципов цитации позволяет не только помочь решить проблему атрибуции ЖСР, охарактеризовать индивидуальный авторский стиль Епифания, но и проследить динамику развития его писательской манеры. Анализ предисловий с точки зрения их цитатной насыщенности позволяет говорить о личном творческом подходе Епифания к создаваемым текстам: текст более поздний – ЖСР – не повторяет более ранний – ЖСП; обнаруженные цитатные повторы единичны. Библейские аллюзии, таким образом, становятся маркером именно епифаниевского слога и могут в дальнейшем служить фактором отыскания своеобразных «инкрустаций» епифаниевского текста в исправленном Пахомием варианте.

Последовательно, с учетом всех имеющихся текстологических выводов топосы и цитаты на данный момент не описаны. Как пишет А. Духанина, впервые опубликовавшая критическое издание Пространной редакции, основанное на анализе 53 различных списков, «в целом приходится признать, что корректными цифрами по библейским цитатам в Пространной редакции Жития преподобного Сергия Радонежского (ЖСР) наука пока не располагает» [Духанина 2016: 472]. Цитаты, указанные в изданиях, существенно различаются: наибольший объем указан в переводе Пространной редакции ЖСР по лицевому списку Троиц, (ризн.) [Житие Сергия 2010]; наименьший – в издании ВМЧ [Великие минеи четьи].

Принято считать, что топосы – так называемые «устойчивые литературные формулы» – варьируются с определенной регулярностью в произведениях агиографического жанра. Проследим, как Епифаний Премудрый по-разному оформляет предисловия к двум житиям – Сергия Радонежского и Стефана Пермского. Соотношение новозаветных и ветхозаветных цитат находится в равновесии, однако показательно, что повторяющихся цитат практически нет. Исключением являются цитаты из Деян. 17:28, поучение Василия Великого, Вт. 32:7; Еф. 6:19.

Даже единый, характерный для житийного жанра мотив необходимости записывания жизни святых реализован в предисловиях совершенно по-разному. Если в более раннем предисловии к ЖСП Епифаний пишет только о самом факте забвения, то в более позднем обращает читательское внимание на то, что забвение губительно для самих забывающих: *ѿще ли не написана бѣдѣтъ памяти ради, то*

нзыдетъ нз памати и в преходащине лѣта и преминѹющимъ родомъ ѹдобъ сна забвена бѹдетъ (ЖНР).

В предисловии к ЖСР расстановка смысловых акцентов иная: **ѿще бо не писано бѹдетъ старцево житие но шетаблено кѹпно безъ възпоминанна то еъ оубо никакоже повредитъ свѣтого того старца, еже не полѹчитъ емѹ ѿ насъ възпоминанна же и писанна, нхъже бо имена на небесехъ богъ написа, симъ никакоже потреба еже ѿ человекъ трѣбовати писанна же и възпоминанна, но мы сами ѿ сего не пльзѹемса оставлаще толнкѹю и тиковѹю пльзѹ** (ЖСР).

Вариативность также наблюдается и в «общем» месте, отмеченном цитатой из Василия Великого. В предисловии к ЖСП мы видим более краткий тип вpletенной цитаты: **Бѹди ревнитель право жнѹщимъ, и снхъ имена и житна и дела написати на своемъ сердци. Елма же азъ не достнгохъ въ тѹ мерѹ и не приндохъ в сие право, еже невидимо на разѹмныхъ скрижалѣхъ писати, но на чюбственныхъ хартихъ изволнхъ писати.** В предисловии к ЖСП Епифаний значительно расширяет данный смысловой период, прибавляя к мысли Василия Великого цитаты из Тов 12:7: **бѹди ревнитель право жнѹщимъ и снхъ житие и деанне пишн на сердци своемъ, виждь како велитъ житна свѣтыхъ писати не токмо на хартихъ но и на своемъ сердци пльзы ради, а не скрывать и ни чанти. Тама бо царева лѣпо еси чанти, а дела божна проповедать добро еси и полезно.**

Епифаний Премудрый не стремится писать предисловие по общему канону, а потому различными являются и их молитвословные завершения. В предисловии к ЖСП молитвословие достаточно сжатое, в финальном периоде больше внимания уделено обращениям к ветхозаветным источникам: **Прошѹ дри, да ми пошлетъ благодать свою в помощь мою, да ми подастъ слово твердо, разѹмно и пространно, да ми воздвигнетъ ѹмъ отагченнй ѹныннемъ и деѣльствомъ плотнымъ да ми очиститъ сердце мое, отрѹпленное многими стрѹпы дѹшевныхъ вредовъ и тѣлесныхъ страстей ... И се лже естъ отъ него, обрѣтаю бо в ветвѣмъ Писаннн... .** В предисловии к ЖСР молитвословие более развернутое, а отсылок больше к Новому Завету, чем к Ветхому.

Для сопоставления принципов цитирования Епифания и Пахомия нами взяты жития, достоверно атрибутированные как пахомиевские, не являющиеся при этом редактурой другого текста или записанными им с чужих слов: Житие Кирилла Белозерского и Житие Никона Радонежского. Эксплицированные цитаты отсутствуют в тексте. Те обращения к библейскому топосу, которые Пахомий совершает, затрагивают только тексты Псалтири и Нового Завета. Единственным исключением является цитата из 1-й книги Царств, процитированная ранее Епифанием в ЖСР.

Обратим внимание на то, как по-разному вплетают Пахомий и Епифаний одну евангельскую цитату – «**какъ безъ Мене не можете творити ничеже**» (Ин. 15:5). Епифаний Премудрый вводит в текст прямую цитату: «**безъ Мене не можете творити ничеже**» (ЖСР). Пахомий же подбирает слова, стилистически и лексически близкие к библейскому топосу, но не вплетает в текст цитаты. Показательно, что Пахомий этот ассоциативно корректный, «типический оборот» преобразует в самостоятельное предложение: «**какъ кромѣ божиа помощи не можете исправити никое же добро**» (ЖНР).

Предисловие к «Житию преподобного Сергия Радонежского» «**слава богу ѿ въземъ, и влчскихъ раднѣ**» буквально соткано из разнообразных библейских цитат и аллюзий. Первые прямо вводятся автором в текст с помощью оборотов, маркирующих начало прямой речи: «**какже рече**», «**какже глаголетъ**», «**бо рече**». Такие

эксплицированные цитаты исследователями обнаружены и прокомментированы. Вторые подразумеваются агиографом, но не являются примером непосредственно воспроизведенной чужой речи. Значимость смыслов, вносимых аллюзиями и библеизмами в текст жития, достаточно велика, так как позволяет уточнить многие особенности морфологической, синтаксической и образной организации текста. Потому отдельного внимания заслуживают места, хотя и не характеризующиеся наличием однозначно прочитываемой отсылки к библейскому тексту, но расширяющие понятие библейского топоса.

В статье «Текстология библейских цитат» А. Духанина пишет о том, что часто переписчик пытался исправить цитату из Священного Писания. Епифаний часто воспроизводит цитаты по памяти, видоизменяет их, у него есть свой авторский принцип цитации. Кроме того, одну цитату он мог привести в житии по-разному, решая ту или иную стилистическую задачу. По мнению исследователя, такая черта «очень ярко характеризует его (Епифаниево) художественное мастерство, а также специфику обращения с цитатами». Потому столь важны именно неэксплицированные цитаты, подверженные правке в меньшей степени. Обратимся к разбираемым нами цитатам из предисловия к ЖСР.

Словосочетание «вз стране полѣнощнии» переведено исследователем как «в стране северной», что объясняется существованием в XV в. этого значения. При этом необходимо отметить и тот дополнительный смысл, который прилагательное «полунощный» приобретает в предисловии к житию; видна библейская отсылка. В «Словаре русского языка IX–XVII в.» (1990) первым значением, иллюстрируемым отрывком из ЖСР, указывается именно «относящийся к полуночи, полночный», поэтому в выборе такого прилагательного видится обращение к песнопению Страстной седмицы «се женнхъ градетьъ вз полѣнощи», основанной, в свою очередь, на евангельской притче о десяти девах. Ее читаем в евангелии от Матфея (25) и в евангелии от Марка (13:35). Примечательно, что притча о девах предваряет притчу о талантах, являющуюся одним из важнейших агиографических топосов. Так, Русь, еще совсем недавно принявшая христианство, может быть сопоставлена с теми девами, которые пока не увидели, не познали Жениха: «полѣнощи же вопль бысть: се, женнхъ градетьъ, неходите вз срѣтѣние егво». Для Епифания Русь так же поделена на «мѣдрыхъ» и «юрданьныхъ», как и десять дев из евангельской притчи. Мы сталкиваемся с примером реализованной метафоры: скрытое сравнение осуществляется путем соединения двух значений – географического и библейского.

Пристального внимания заслуживает слово «самовѣдцѣ» в обороте «дрѣзѣн же старци самовѣдцѣ свѣце и свидетели неложнии». Сам оборот старци самовѣдцѣ свѣце выстраивается в определенную параллель с 16 стихом из первой главы Второго послания апостола Петра: «не оухищреннымиъ бо блгнемъ послѣдовавше сказахомъ вамъ силѣ и пришествіе гда нашегво исла хрѣта, но самовѣдци бывше блнчествіа онагво». Подобное построение мы видим и в первой главе Евангелия от Луки: «понеже мнози начаша чинити повѣсть во извѣствованныхъ вз насъ вещьхъ, такоже предаша намъ, иже исперва самовѣдци слѣги бывшии словесемъ». Таким образом, лексема «самовѣдцѣ» обладает особой семантикой, выражающей высшее качественное значение.

Строка «и къ великимъ исправлениемъ его възидла акы безгласенъ и бездѣленъ в недоумѣнии ѿ оужасти бывла не обрѣтла словесъ потребныхъ подобныхъ дѣланію его». Данный период оказывается примером интертекстуального звучания предисловия. Это предложение может быть названо ответом на риторический вопрос, за-

данный апостолом Павлом в 14 главе первого послания апостола Павла к Коринфянам: «Тако и вы аще не благоразумно слово дадите языком, како уразумеваети глаголемое. Будете бо на воздух глаголюще. Толнцы убо, аще ключити, реди глагов есть в мире, и не едины их безгласны». Именно «благоразумное слово» Епифаний стремится найти, а потому так долго остается «безгласны и бездѣленны».

Слово, бывшее началом всему, являющееся и даром, и ответственностью, наиболее подробно описано в 14 главе апостольского послания; его можно рассматривать и как библейский топос, канонический для жития. Призыв апостола Павла пятью словами «умом глаголати нежели тмы словеса языком» оказывается основополагающим для автора, начинающего работу над житием.

Словосочетанию Стадо богозванное за счет устойчивого эпитета «богозванный» придается смысл, которым пронизан весь библейский текст – «приндите ко Мне!» Метафора, выраженная существительным «стадо» обращает автора к строкам из Евангелия от Луки: «Не бойся, малое стадо, яко благозволн отъидеши къши дати вам Царство».

Особого внимания заслуживает форма записи словосочетания «удобь мязчатн» в тексте Пространной редакции: «что подобаше ми ѿтннуд из страхомъ (удобь) мязчатн и на ѿстѣхъ ѿконъхъ прѣитъ положити». Слово «удобь» не выпущено из текста, не затерто, а взято в скобки, свидетельствуя о работе переписчиков. Благодаря его присутствию в строке возможным оказывается расширение смысла всей фразы, включенной таким образом в библейский контекст. В 9-й песне Рождественского канона Иоанна Дамаскина читаем: «Любви убо нам яко безбедное страхомъ удобее молчанье, любовию же, дево, песни ткачн, спротяженно сложенныа, неудобно есть». Дифференциальным признаком, отличающим епифаниевский текст, становится именно подобный полифонизм: в молчании уже заключено проговаривание, в одном голосе – множество других.

Использование Епифанием устойчиво-цитатного оборота из 6-го псалма «яко немощенъ есмь» особенно важно потому, что тот отрывок из предисловия, в котором он встречается, синтаксически, образно и лексически сближается с формой псалма. От прозаической формы автор жития переходит к молитвенному «плетению словес». В псалме читаем: «помниши ма, гдн, яко немощенъ есмь: ницѣлн ма, гдн, яко сматощама кърсти моя, и душа моя сматеша зело... обтрднхма въздыханиемъ моиъ, нзмышю на всякъ ноць ложе мое, слезами моиими постелю мою шмочю... оуслыша гдъ моление мое, гдъ млтвю мою приатъ».

Сравним с епифаниевскими строками: «яко выше инлы моя дѣло бы, яко немощенъ есмь и грѣхъ и неразумченъ, но шкаче надѣяма на мѣраго бога... бога шпага помощника на помощь призываю... блгыхъ податель и богатыхъ даровъ дародавецъ, премудротн наставникъ и смыслъ давецъ...».

Отличительной чертой предложения, в котором мы сталкиваемся с оборотом шмраченіе провѣтити, является его осложненность «нанизанными» один на другой однородными членами. Свое выражение специфика находит и в процессе амплификации на основе молитвенной цитаты: Епифаний начинает «плетение», оттолкнувшись от некоего устойчивого выражения. Таковым в тексте предисловия оказывается словосочетание шмраченіе провѣтити, имеющее вид морфологически измененной цитаты из ирмоса 9 песни канона ко Святому Причащению. Отметим параллелизм строк ирмоса и предложения Епифания: «Безначальна родителга сынъ, Богъ и Господь, воплощма от Девы намъ шкнма, омраченнаа провѣтити, собратн рачоченнаа: темъ вшепетю Богородицѣ величнемъ»; «ѿможегъ и мое омраченне провѣтити и мое неразумне вразумити, и моемъ немению умение подати». Данная

аллюзия вписывается в ряд библейских, которыми чрезвычайно насыщен предпоследний синтаксический и композиционный период.

В финальном предложении предисловия обращает внимание оборот *и тако бога помануѡше и на помощь призвавше его, добро кое си ѡ бозѣ начати и о бозѣ кончати*, отсылающий к строкам из Откровения Иоанна Богослова. В главе первой, стихе девятом читаем: *Ѡзъ емь альфа и ѡмега, начатокъ и конецъ, глаголетъ Господь, сынъ, и нже еѣ, и грядый, взседержитель*. Риторически предложение епифаниевское близко библейской символике, совпадение корней лексем показательно.

Таким образом, проанализировав несколько житийных предисловий с точки зрения принципов цитирования, мы понимаем, что библейские цитаты могут считаться маркерами авторского стиля. Именно поэтому, на наш взгляд, противопоставление епифаниевского и пахомиевского принципов цитирования может осуществляться не только на примере самостоятельных сочинений агиографов, но и внутри самой Пространной редакции.

ЛИТЕРАТУРА

Гумилевский Д.Г. (Филарет) Обзор русской духовной литературы: В 3 т. Т.2. СПб.: тип. Имп. Акад. наук., 1857. Статья 81.

Духанина А.В. Текстология библейских цитат в оригинальных древнерусских сочинениях (на материале Жития Стефана Пермского) // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики / XV Международный съезд славистов (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Доклады российской делегации. М., 2013. С. 180–199.

Духанина А.В. Поэтика Пространной редакции // Житие Сергия Радонежского (Пространная редакция) / Подготовка текста, перевод, комментарии, исследование А.В. Духаниной. М.; Брюссель: Conference Sainte Trinité du Patriarcate de Moscou ASBL; Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2015. С. 459–479.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М.: Наука, 1990. 270 с.

REFERENCES

Gumilevskiy D.G. Review of Russian Spiritual Literature: In 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg. Imperial Academy of Sciences Press. 1857. Article 81.

Dukhanina A.V. “Textology of biblical quotations in the original Old Russian writings (based on the material of the Life of Stephen of Perm”. In: Writing, Literature, Folklore of the Slavic Peoples. The History of Slavic Studies / XV International Congress of Slavists. Minsk. 2013, pp. 180–199.

Dukhanina A.V. Poetics of the Extensive Edition. In: Life of Sergius of Radonezh / Preparation of the text, translation, comments, research by A.V. Dukhanina. Moscow; Brussels. Conference Sainte Trinité du Patriarcate de Moscou ASBL; St. Catherine’s Monastery. 2015, pp. 459–479.

Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries. Issue 16. Moscow. Nauka Publ. 1990. 270 p.

Сведения об авторе:

Лидия Ильинична Шутова,
студентка
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Lidia I. Shoutova,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
lidia.shoutova@gmail.com

Библиографии

Bibliography

М.М. Громова (Москва, Россия)

Библиография исследований русской литературы в Болгарии (2000–2021)

М.М. Gromova (Moscow, Russia)

Bibliography of Russian Literature Studies in Bulgaria (2000–2021)

Настоящая библиография охватывает монографии и сборники статей болгарских ученых о русской литературе за период с 2000 по 2021 г.

Центры изучения русской литературы в Болгарии – это секция сравнительного литературоведения Института литературы Болгарской академии наук (София), кафедра русской литературы факультета славянской филологии Софийского университета имени св. Климента Охридского (София), кафедра русистики филологического факультета Великотырновского университета имени свв. Кирилла и Мефодия (Велико Тырново), кафедра истории и теории литературы факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени епископа Константина Преславского (Шумен), кафедра русской филологии филологического факультета Пловдивского университета имени Паисия Хилендарского (Пловдив), кафедры литературы и славистики филологического факультета Юго-западного университета имени Неофита Рильского (Благоевград).

В Институте литературы БАН русской литературой занимается проблемная группа по русской литературе – наследница секции «Русская литература», созданной в 1951 г. как совместное исследовательское подразделение Института болгарской литературы БАН и Софийского университета, существовавшей в разные годы под разными названиями и в 2010 г. объединенной с секцией «Сравнительное литературоведение». Исследователи проблемной группы охватывают широкий круг тем: древневосточнославянская литература (XI–XII в.), классическая русская литература XIX в., новейшая русская литература XX–XXI в., болгарско-русская литературная компаративистика. Особое внимание уделяется культуре и литературе русской эмиграции в Болгарии (1919–1944 гг.). По данной теме изданы энциклопедический справочник «Периодика русской эмиграции в Болгарии (1920–1943 гг.)» (2012) и коллективная монография «Погасло дневное светило... Русская литературная эмиграция в Болгарии в 1919–1944 гг.» (2010), высоко оцененные и за пределами Болгарии. Руководитель секции «Сравнительное литературоведение» Радостин Русев исследует русскую литературу Серебряного века, «деревенскую прозу», модернизм и постмодернизм, культуру и литературу русской эмиграции Болгарии, болгарско-русские литературные связи XX в. Из прежних сотрудников

секции в последние два десятилетия также издавали монографии по русской литературе Ванда Смоховска-Петрова, Георги Германов, Христо Манолакев; Петр Велчев опубликовал антологию русской поэзии в собственных переводах «Русские поэты» (2009).

В 2022 г. отделение русской филологии Софийского университета отмечает 75-летний юбилей. Исследования сотрудников кафедры русской литературы охватывают все периоды русской литературы. Так, Илиана Чекова исследует древневосточнославянскую литературу, русский фольклор и этнологию, Ангелина Вачева – русскую литературу XVIII–XIX вв., Людмил Димитров и Румяна Парашкевова – XIX в., Константина Пунева – XIX–XX вв., Галина Петкова – XX в., Ренета Божанкова – XX–XXI вв.

Кафедра русистики филологического факультета Великотырновского университета открыта в 1963 г. Наталия Няголова исследует русскую драматургию второй половины XIX в., семиотику драмы и театра, драматургию А.П. Чехова, театральную критику. Мариана Шопова-Христова – русскую женскую поэзию, творчество М. Цветаевой, теорию перевода, сравнительное стиховедение, Благовест Благоев – теорию перевода и поэтический перевод.

В Шуменском университете имени епископа Константина Преславского (Шумен) русскую литературу исследуют сотрудники кафедры истории и теории литературы факультета гуманитарных наук Денка Кръстева-Петрова (XVIII–XIX вв.), Дечка Чавдарова (XVIII – начало XX в., болгарско-русские литературные связи), Пламен Панайотов (русская религиозная мысль XX в.).

На кафедре русской филологии филологического факультета Пловдивского университета имени Паисия Хилендарского (Пловдив) русскую классическую литературу XIX в. и ее интерпретации изучает Николай Нейчев.

На филологическом факультете Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Благоевград) русскую литературу исследуют на кафедре славистики (Магдалена Костова-Панайотова, XIX–XXI вв., Павел Филипов, XIX–XX вв.) и на кафедре литературы (Цветан Ракъовски, XIX–XX вв.).

Созданное в 1967 г. в Софии Общество русистов Болгарии выпускает журнал «Болгарская русистика». Рубрика «Литературоведение» включает работы по всем периодам русской литературы; активно разрабатывается тема русской эмиграции в Болгарии периода 1918–1944 гг. Публикуются работы русских эмигрантов первой волны с краткими комментариями о жизни и деятельности авторов.

За период 2000–2021 гг. болгарские исследователи опубликовали почти пятьдесят монографий, посвященных русской литературе и культуре. Были проведены международные научные конференции, посвященные русской литературе: «Русская литература – культурные диалоги» (Великотырновский университет, 2007), «Русская литература в сети: тексты и прочтения» (Юго-Западный университет имени Неофита Рильского, Институт литературы БАН), «Европа читает Чехова» (Великотырновский университет, 2010), «Классика и канон в русской литературе» (Софийский Университет, 2011, 2012, 2013, 2014), а также международный симпозиум МАПРЯЛ «Проблемы, имена и школы в русском литературоведении XX в.» (София, 2002).

2000

Паси Исак Соломон. Руски мислители. 2. доп. изд. София: Захарий Стоянов, 2000. 143 с.

Монография о русских мыслителях и писателях.

Петков Георги. Стишният пролог в старата българска, сръбска и руска литература XIV–XV век. Археография, текстология и издание на проложните стихове. Пловдив: Университетско издателство «Паисий Хилендарски», 2000. 560 с.

Монография. Стишной Пролог в старославянской (староболгарской), старосербской и древне-восточнославянской литературах XIV–XV вв. Археография, текстология и издание проложных стихов.

Русев Радостин. С маска и няколко лица. Валентин Распутин и руската «селска проза» (60-те–80-те години на XX век). София: ДИОС, 2000. 179 с.

Монография. Валентин Распутин и «деревенская проза» 1960–1980-х гг.

Христов Любомир. Руският логос: Философия и религия. София: Парадигма, 2000. 440 с. Учебник для вузов «Русский Логос: философия и религия».

2001

Божанкова Ренета. Постмодернистичният руски текст. София: Факел, 2001. 167 с.

Монография. Исследование постмодернизма в русской литературе.

Владова Илиана, Матева Евдокия, Любенов Любен. Преводна рецепция на европейските литератури в България в осем тома. Т. 2: Руска литература. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2001. 445 с.

Монография. Рецепция русской литературы в Болгарии. Переводы.

Германов Георги. Лермонтов – личност и проблеми. София: РакурсMagic eye, 2001. 196 с.

Монография. М.Ю. Лермонтов – личность и проблемы.

Гърдев Георги. Литература въпреки модела. Михаил Алексеев, Чингиз Айтматов, Валентин Распутин. Велико Търново: Университетско издателство «Св. Св. Кирил и Методий», 2001. 291 с.

Монография. Литература вопреки модели: М. Алексеев, Ч. Айтматов, В. Распутин.

Даскалова Екатерина. Александър Блок и проблемите на изкуството и театралната култура в началото на XX век. Сравнителни и типологични аспекти. София: Издателска къща «Булгарика», 2001. 352 с.

Монография. А. Блок и проблемы искусства и театральной культуры начала XX в. Сравнительный и типологический аспекты.

Манолакев Христо. Текст и Граници. А.С. Пушкин и неговите «Повести на Белкин». София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2001. 238 с.

Монография. А.С. Пушкин и «Повести Белкина».

Стайкова Цветана. А.С. Пушкин в България: Библиография 1999. София: Централна библиотека на БАН, 2001. 38 с.

Библиография болгарской пушкинистики за 1999 г. Юбилейное издание к 200-летию поэта.

2002

Генчев Николай. Българо-руски културни общувания през Възраждането. София: Лик, 2002. 308 с.

Монография. Болгарско-русские культурные связи в период Болгарского национального возрождения.

Евтимова Румяна, Божанкова Ренета, Дачев Мирослав, Димитров Людмил, Корсемова Румяна, Манолакев Христо, Нейчев Николай. Руска литература XIX и XX век. Университетски учебник. Пловдив: Издателска къща «Хермес», 2002. 558 с.

Учебник для вузов. Русская литература XIX–XX вв.

Мончева Лила. Русская литература XVIII век / Ред. Христо Трендафилов. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2002. 353 с.
Учебник для вузов. Русская литература XVIII в.

Райков Димитър. Българите и България в старата руска книжнина. Свидетелства за българската история и ръкописното наследство в руската книжнина от XVIII и XIX в. 2-е изд. София: Любомъдрие, 2002. 384 с.

Монография. Болгары и Болгария в древневосточнославянской литературе. Свидетельства о болгарской истории и рукописном наследии в русской литературе XVIII–XIX вв.

Хуманизмът на Лев Николаевич Толстой и XXI век / Сост. и науч. ред. Милка Василева. София: Фондация «Човещина», 2002. 124 с.

Коллективная монография. Гуманизм Л.Н. Толстого и XXI в.

2003

Костова-Панайотова Магдалена. Дъ Конструкция на канона. Руска неофициална лирика. София: СЕМАРШ, 2003. 128 с. (Verba magistri.)

Монография. Деконструкция канона: русская неофициальная лирика.

Михайлова Димитрина. Компендиум по руска литература 19 и 20 век. Лит., библиогр. и книгоизд. рецепция в България. София: БПС, 2003. 148 с.

Учебник для вузов. Компендиум русской литературы XIX–XX вв.

Михайлова Димитрина. Руска литература от 19 и 20 век. Учебно помагало с текстове на български език. София: ВИНИ – 1837, 2003. 141 с.

Учебное пособие по русской литературе XIX–XX вв.

Проблеми, имена и школи в руското литературознание през XX век. [Сборник с доклади от международен симпозиум на МАПРЯЛ, 3–5 юни 2002 г., София] / Сост. И.П. Захариева, Илиана Владова, Ренета Божанкова, Галина Петкова, Ангелина Вачева, Илиана Чекова. София: Факел, 2003. 212 с.

Сборник материалов международного симпозиума МАПРЯЛ «Проблемы, имена и школы в русском литературоведении XX в.» (3–5 июня 2002 г., София).

2004

Димитров Людмил. Диалози с Чехов: 100 години по-късно. София: Факел, 2004. 336 с.
Монография. Диалози с А.П. Чеховым: сто лет спустя.

Доайенът. Юбилеен сборник, посветен на 100-годишнината на проф. Николай Михайлович Дилевски. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2004. 557 с.

Сборник статей в честь столетия со дня рождения Н.М. Дылевского.

Размисли за руската класическа литература на В. Соловьев, В. Розанов, С. Булгаков, Л. Карсавин, Л. Шестов / Сост. Радка Кърпачева-Даскалова. Велико Търново: Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий», 2004. 268 с.

Учебно-методическое пособие для вузов. Подборка статей В. Соловьева, В. Розанова, С. Булгакова, Л. Карсавина, Л. Шестова о русской классической литературе.

Слово, време, литература. Юбилеен сборник по случай 80-годишнината на проф. Иван Цветков / Ред. Христо Маноларев. София: [Славяни], 2004. 156 с.

Сборник материалов «Слово, время, литература», посвященный 80-летию проф. Ивана Цветкова.

Стоянов-Бигор Георги. Руският авангард. Есета. София: Русия днес, 2004. 273 с.
Есе о русском авангарде.

Троев Петко. Руският модернизъм. Енциклопедичен речник. София: Книгоиздателска къща «Труд», 2004. 328 с.

Энциклопедический словарь «Русский модернизм».

2005

Евтимова Румяна. Догадки за смисъла. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2005. 155 с.
Монография. О В. Брюсове, А. Белом, О. Манделъштаме, В. Ходасевиче, И. Бродском.

2006

Межкултурната комуникация и руските литературни модели / Ред. Илиана Владова, Христо Манолакев, Радостин Русев, И.П. Захаријева. София: Форум България–Русия, 2006. 215 с.

Сборник статей «Межкультурная коммуникация и русские литературные модели».

Ракъовски Цветан. След края на класиката: «Египетска марка» и «Двойник». Велико Търново: ФАБЕР, 160 с.

Монография. О повестях «Двойник» Ф.М. Достоевского и «Египетская марка» О. Манделъштама.

Троев Петко. Руска класическа литература. Университетски учебник. Ч. 1. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2006. 342 с.

Учебник для вузов. «Русская классическая литература», ч. 1.

60 години руска филология в Софийския университет. Сборник научни статии / Ред. А.А. Градинарова, Анна Липовска, Цветана Ралева, В.Ф. Занглигер, Людмила Павлова, Галина Петкова, Румяна Корсемова, Румяна Парашкевова, Ангелина Вачева. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2006. 400 с.

Юбилейный сборник научных статей, посвященный 60-летию русской филологии в Софийском университете.

2007

Лилова-Тихомирова Светлана. Тяхната Ахматова. Научно изследване. София: Български писател, 2007. 320 с.

Монография об А.А. Ахматовой.

Реката на времето. Сборник статии в памет на проф. Людмила Боева (1934–2001) / Сост. Ангелина Вачева, Илиана Чекова. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2007. 475 с.

Сборник статей памяти проф. Людмилы Боевой (1934–2001).

Филологически сборник – II. Велико Търново–Твер / Ред. Багрелия Събчева, Николина Бурнева, Росинка Събева, Анот Гецов, Радослав Радев, Евгения Тихомирова. Велико Търново: Университетско издателство «Св. Св. Кирил и Методий», 2007. 208 с.

Сборник статей по русской литературе.

Чавдарова Дечка. Проблеми на межкултурната комуникация в руската литература на XIX век. Учебно помагало. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2007. 165 с.

Учебное пособие. Проблемы межкультурной коммуникации в русской литературе XIX в.

2008

Костова-Панайотова Магдалена. Руският XX век чете. Класиката, без която не можем. Благоевград: Университетско издателство «Неофит Рилски», 2008. 125 с.

Учебник для вузов. Русская классическая литература в прочтении XX в.

Между нещата. Юбилеен сборник в чест на доц. д-р Ивайло Петров по случай неговата 60-годишнина / Ред. Пламен Панайотов. Велико Търново: ФАБЕР, 2008. 455 с.

Юбилейный сборник статей, посвященный 60-летию доц. Ивайло Петрова.

Руската литература – културни диалози. Материали от Международната научна конференция, посветена на 75-годишния юбилей на проф. д-р Ангел Анчев / Ред. Гено Генов,

Николай Даскалов, Мариана Нинова, Маргарита Каназирска, Георги Гърдев. Велико Търново: Университетско издателство «Св. Св. Кирил и Методий», 2008. 296 с.
Сборник материалов международной научной конференции «Русская литература – культурные диалоги», посвященной 75-летию проф. Ангела Анчева.

Смоховска-Петрова Ванда. Пътят към смъртта и възкресението у Достоевски. София: Издателски център «Боян Пенев», 2008. 304 с.
Монография. Путь к смерти и воскресению у Ф.М. Достоевского.

2009

Доброе слово дати. Славистични изследвания, посветени на 65-годишния юбилей на доц. д-р Лиля Мончева / Сост. Дечка Чавдарова, Денка Кръстева, Веселин Панайотов, Данко Георгиев. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2009. 243 с.

Юбилейный сборник статей в честь 65-летия доц. Лилы Мончевой.

Женска поезия на руската емиграция в България / Сост., подг. текстов, комм. Галина Петкова. Варна: LiterNet, 2009.

Электронная антология «Женская поэзия русской эмиграции в Болгарии». Ирина Кнорринг, Ксения Кернен, Любовь Столица, М. Невзорова (М. Мерцалова), Татьяна Тиханова.

Нейчев Николай. Литература и Месианизъм. Руското литературно месианство през XIX век. Пловдив: Университетско издателство «Паисий Хилендарски», 2009. 623 с.
Монография. Русское литературное месианство XIX в.

Николова Мария. Рецепция на руската литературна класика в България (1878–1912). Автори – издатели – читатели. Пловдив: Народна библиотека «Иван Вазов», 2009. 216 с.
Монография. Рецепция русской литературной классики в Болгарии (1878–1912): Авторы – издатели – читатели.

Пенков Димо. Екзистенциални измерения на вярата в творчеството на Ф.М. Достоевски. София: Артграф, 2009. 228 с.

Монография. Экзистенциальные измерения веры в произведениях Ф.М. Достоевского.

Руски поети / Сост., пер., комм. Петър Велчев. София: Захарий Стоянов, 2009. 330 с.
Антология на руската поезия в превод и с коментариями на известния български поет, литературен критик и преводач П. Велчев (М. Ломоносов, А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев, А. Хомяков, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, Н.М. Минский, П. Бутурлин, Д.С. Мережковский, М. Горький, М.А. Лохвицкая, И.А. Бунин, В. Брюсов, М. Волошин, А. Блок, И. Северянин, А.А. Ахматова, Б. Пастернак, С. Есенин).

Чавдарова Дечка. Рус(оист)кият идеал. Концептът естественост и автопортретът на руснака в руската литература на XIX век. Велико Търново: ФАБЕР, 2009. 228 с.
Монография. Русс(оист)кий идеал. Концепт естественности и автопортрет русского в русской литературе XIX в.

2010

Костова-Панайотова Магдалена. Руският поетически авангард през XX век: теория и практика. 2. разш. и прераб. изд. Благоевград: Ирин-Пирин, 2010. 391 с.
Монография. Русский поэтический авангард в XX в.: теория и практика. 2-е изд., испр и доп.

Михайлов Димитър. Страх по руски. София: Силуети, 2010. 254 с.
Монография. Страх в творчестве и биографиях А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя.

Нейчев Николай. Таинственная поэтика Ф.М. Достоевского / Пер. с болг. [Т. Нейчевой]. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. 316 с.
Монография о Ф.М. Достоевском.

Николова Мария. Русская книга в Болгарии: 1878–1912 / Науч. ред. М.М. Панфилов. М.: Пашков дом, 2010. 159 с.
Монография. Издание и распространение переводов русской художественной литературы в Болгарии (1878–1912 гг.)

Погасло дневное светило... Руската литературна емиграция в България 1919–1944 / Сост. и ред. Радостин Русев, Йордан Люцканов, Христо Манолакев. София: Издателски център «Боян Пенев» при Институт за литература БАН, 2010. 461 с.
Коллективна монография. Русская литературная эмиграция в Болгарии в 1919–1944 гг.

Руската литература в мрежата: текстове и четене / Сост. и ред. Радостин Русев, Магдалена Костова-Панайотова, Йордан Люцканов. София: Херон Прес, 2010. 104 с.
Сборник материалов международной научной конференции «Русская литература в сети: тексты и прочтения» (Благоевград, Юго-Западный университет имени Неофита Рильского, Институт литературы Болгарской Академии наук, 30 октября 2008 г.).

Чавдарова Дечка. Храната / трапезата в руската литература (средата на XVIII – началото на XX век). Метафора и изобразена реалност. Велико Търново: ФАБЕР, 2010. 156 с. (Series Academica 1.)
Монография. Еда в русской литературе середины XVIII – нач. XX в.

2011

Горина Людмила, Даскалова Бонка. Шедьоври на българската книжовност на руска земя = Шедеври болгарской книжности на русской земле. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2011. 240 с.
Монография. Шедеври болгарской книжности на русской земле.

Манолакев Христо. Грибоедов – Гоголь – Достоевский. Типология и герменевтика Слова / Пер. Л.А. Дубовой. Велико Търново: ФАБЕР, 2011. 182 с.
Монография на русском языке.

Поливанов Петър. Достоевски – питания на един математик. София: БРИП, 2011. 168 с.
Монография. Достоевский – вопросы математика.

Филологически сборник – IV. Велико Търново–Твер / Ред. Е.И. Абрамова. Велико Търново: Университетско издателство «Св. Св. Кирил и Методий», 2011. 200 с.
Сборник статей по русской литературе.

2012

Въртунинска Рада. Влияния и подобия в творчеството на Йордан Йовков и Н.В. Гогол. Добрич, 2012. 88 с.
Монография. Влияния и сходства в произведениях Йордана Йовкова и Н.В. Гоголя.

Георгиева Галина. Авангард и соцреализъм: Проблемът за лириката в Русия през периода 1917–1934. Варна: Силуети, 2012. 208 с.
Монография. Авангард и соцреализм: лирика в России в 1917–1934 гг.

Европа чете Чехов. Доклади и съобщения [от] Международна научна конференция, Велико Търново, 7–9 октомври 2010 / Сост. Наталия Няголова, Ю.В. Доманский, Георги Гърдев, Благовест Благоев. Велико Търново: Университетско издателство «Св. Св. Кирил и Методий», 2012. 399 с.
Сборник материалов международной научной конференции «Европа читает Чехова» (Великотърновский университет имени свв. Кирилла и Мефодия, Велико Търново, 7–9 октября 2010 г.).

Класика и канон в руската литература. Българският поглед. Сборник текстове / Сост., науч. ред. Людмил Димитров, Галина Петкова, Румяна Евтимова. София: Факел, 2012. 212 с.
Сборник материалов международной научной конференции «Классика и канон в русской литературе. Българският поглед» и дискуссионного форума «Българская литературоведческая русистика – состояние и перспективы» (Софийский Университет имени Климента Охридского, София, 18–19 ноября 2011 г.).

Периодика на руската емиграция в България (1920–1943 г.). Енциклопедичен справочник / Сост. и ред. Радостин Русев, Христо Манолакев, Радослава Илчева, Галина Петкова. София: Издателски център «Боян Пенев» при Институт за литература БАН, 2012. 765 с.
Энциклопедический справочник «Периодика русской эмиграции в Болгарии (1920–1943 гг.)»

Петров Ивайло. Ана Ахматова и българската литература. Ч. 1. Велико Търново: ИВИС, 2012. 192 с.

Монография. А.А. Ахматова и болгарская литература.

След пожара в Русия: Руската емигрантска литература и изкуство в европейски контекст, научно и културно наследство на руската диаспора в България (1920–1940) / Ред. Елка Бакалова, Владимир Донев, Радослава Илчева, Маргарита Каназирска, Ивайло Петров, Димитър Попмаринов, Людмил Спасов. Велико Търново: Великотърновски университет «Св. Св. Кирил и Методий», 2012. 640 с.

Сборник статей. После пожара в России: литература и искусство русской эмиграции в европейском контексте, научное и культурное наследие русской диаспоры Болгарии (1920–1940).

Троев Петко. Достоевски: Духовните митарства на гения и пророка. София: Персей, 2012. 256 с.

Монография. Ф.М. Достоевский: духовные митарства гения и пророка.

Троев Петко. Руска класическа литература. Университетски учебник. Ч.2. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2012. 591 с.

Учебник для вузов. «Русская классическая литература», ч. 2.

2013

Димитрова Нина. Пророците на бесовете. Смисъл и вяра в руската религиозна философия. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2013. 208 с.

Монография. Смысл и вера в русской религиозной философии.

Класика и канон в руската литература. Чуждият поглед. Сборник текстове и документи / Сост., науч. ред. Людмил Димитров, Галина Петкова, Румяна Евтимова. София: Факел, 2013. 336 с.

Сборник материалов международной научной конференции «Классика и канон в русской литературе. Иностранный взгляд» (Софийский университет имени Климента Охридского, София, 9–10 ноября 2012 г.).

Костова Мариана. Разкази от кухнята. Учебно помагало по руска литература на XIX и XX век (и по други всякакви науки). Велико Търново: ФАБЕР, 2013. 148 с.

Учебное пособие по русской литературе XIX–XX вв. «Рассказы с кухни».

Кръстева Денка. Политически метафори и сюжети в руската литература на XVIII–XIX век (Литература – Идеологическа история – Неофициални разкази за Двореца). Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2013. 315 с. (Series Academica 6.)

Монография. Политические метафоры и сюжеты в русской литературе XVIII–XIX вв. (литература – идеологическая история – неофициальные рассказы о дворце).

Литературите на СССР и НРБ: паралелни интерпретации / Сост. Пламен Дойнов. София: Кралица МАБ, 2013. 352 с. (Литературата на НРБ: история и теория. 7.)

Сборник материалов Двустороннего международного семинара «Литературы СССР и НРБ: параллельные интерпретации» (Новый болгарский университет, София, 2–6 декември 2013 г.).

Чавдарова Дечка. Творчеството на Пушкин след романтизма. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2013.

Учебное пособие «Творчество А.С. Пушкина после романтизма».

Чавдарова Дечка. Пушкин и руският романтизм. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2013.

Учебное пособие «А.С. Пушкин и русский романтизм».

2014

Асенов Стоян. Битие и отсъствие. Достоевски и опитът за смъртта. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2014. 311 с.

Монография. Бытие и отсутствие. Ф.М. Достоевский и опыт смерти.

Класика и канон в руската литература. Университетският поглед. Сборник текстове / Ред. Румяна Евтимова, Ренета Божанкова, Илиана Чекова, Румяна Корсемова, Пролет Паунова. София: Факел, 2014. 240 с.

Сборник материалов международной научной конференции «Класика и канон в русской литературе. Университетский взгляд» (Софийский университет имени Климента Охридского, София, 15 ноября 2013 г.)

Кръстева Денка. Из тематичните паркове на руската култура и литература. Културен контекст и литературна тематична линия. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2014. 248 с.

Монография. Из тематических парков русской культуры и литературы (культурный контекст и литература).

Николова Мария. Руско-български литературни общувания. София: За буквите – О писменехъ, 2014.

Учебник для вузов. Русско-болгарские литературные связи.

Няголова Наталия. Семиотика на кабинета в руската литература от втората половина на XX век / Ред. Мариана Шопова. София: Национално издателство за образование и наука «Аз Буки», 2014. 80 с.

Монография. Семиотика кабинета в русской литературе второй пол. XX в.

Радев Иван. Българско-руски срещи в литературата на XIX–XX век. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2014. 300 с.

Монография. Болгарско-русские встречи в литературе XIX–XX вв.

Чавдарова Дечка. Творчеството на Лермонтов. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2014.

Учебное пособие «Творчество М.Ю. Лермонтова».

2015

Българо-руски паралели в езиково-литературен и педагого-исторически контекст (I етап) / Сост. Маргарита Терзиева. Бургас: Университет «Проф. д-р Асен Златаров», 2015. 32 с.

Анотиранна библиография научных публикаций, связанных с научно-исследовательским проектом НИХ-342 «Болгарско-русские паралели в лингво-литературоведческом и педагогико-историческом контексте».

2016

Класика и канон в руската литература. Юбилеят. Сборник текстове / Сост. Ренета Божанкова, Людмил Димитров, Илиана Чекова, Галина Петкова, Румяна Парашкевова. София: Факел, 2016. 280 с.

Сборник материалов международной научной конференции «Класика и канон в русской литературе. Юбилей» (Софийский университет им. Климента Охридского, София, 6–7 ноября 2014 г.).

Манолакев Христо. Руският роман от втората половина на XIX век. София: Регалия 6, 2016. 260 с.

Учебник для вузов. История, типология, герменевтика русского романа второй пол. XIX в.

Ракла с културни кодове. Сборник в чест на 65-годишнината на проф. д.ф.н. Дечка Чавдарова / Ред. Денка Кръстева, А.Г. Степанов, Пламен Панайотов. Велико Търново: ФАБЕР, 2016. 607 с.

Юбилейный сборник статей в честь 65-летия проф. Дечки Чавдаровой.

Терзиева Маргарита. Българските толстоисти и тяхното обкръжение. Бургас: Либра Скорп, 2016. 156 с.

Монография. Болгарские толстовцы и их окружение. Обобщены и систематизированы сведения о российских и болгарских толстовцах, повлиявших на развитие болгарской науки, литературы и искусства.

Чавдарова Дечка. Русия и руската литература в творчеството на Иван Вазов. Шумен: Университетско издателство «Епископ Константин Преславски», 2016. 152 с.
Монография. Россия и русская литература в творчестве Ивана Вазова.

2017

Манолакев Христо. Слово и тяло. Из историята и херманевтиката на руския литературен канон на XIX век. София: Регалия 6, 2017. 496 с.
Монография. Слово и тело: из истории и герменевтики русского литературного канона XIX в.

Парашкевова Румяна. Руският бретъор на прицел. Опити върху фигурата на бретъора в руското социокултурно и литературно пространство от първата половина на XIX век. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2017. 270 с.
Монография. Исследование фигуры бретёра в русском социокультурном и литературном пространстве первой половины XIX века.

Петкова Галина. Да се даде ръководеща нишка... История на руската литература от проф. П. Бицили в три книги (България, 1931–1934 г.). София: Факел, 2017. 656 с.
История русской литературы проф. П.М. Бицилли в трех книгах (1931–1934 гг.).

2018

Интерпретираме руската литература. Сборник в чест на 75-годишнината на проф. дфн. Петко Троев / Сост., ред. Ангелина Вачева, Галина Петкова, Румяна Парашкевова. Науч. ред. Ренета Божанкова. София: Факултет по славянски филологии, Софийски Университет «Св. Климент Охридски», 2018. 186 с.
Юбилейный сборник научных статей в честь 75-летия проф. Петко Троева «Интерпретируем русскую литературу».

2019

Добрев Чавдар. Руската идея. Тт. 1–2. София: Светулка 44 АТЕНЕЙ, 2019. 480 с.
Монография. Русская идея.

Евтимова Румяна. Рецепции и рефлексии (Руска литература XX век). София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2019. 336 с.
Авторский сборник научных статей. Серебряный век, романы В. Набокова, поэзия И. Бродского, история прочтений русского литературного канона.

Заговор Васил. Българското книгоиздаване и руската литература 1918–1944. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2019. 320 с.
Монография. Болгарское книгоиздание и русская литература в 1918–1944 гг.

За смисъла на догадките. Сборник в чест на доцент д-р Румяна Евтимова / Сост. Румяна Парашкевова, Ангелина Вачева. Предисл. Ренета Божанкова. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2019. 255 с.
Юбилейный сборник статей в честь 70-летия доц. Румяны Эвтимовой.

Руският класически Логос: измерения и посоки. Юбилеен сборник, посветен на доц. д-р Николай Нейчев / Ред. Юлиана Чакъррова, Жоржета Чолакова, Дияна Николова, Таня Атанасова. Пловдив: Университетско издателство «Паисий Хилендарски», 2019. 400 с.
Юбилейный сборник научных статей в честь доц. Николая Нейчева «Русский классический Логос: измерения и направления».

2020

Дванадцатый международный симпозиум «Русистика в современном мире». Доклады и сообщения. Велико-Търново, 11–14 октябрия 2018 г. Велико Търново, Университетско издателство «Св. Св. Кирил и Методий», 2020.
Сборник материалов XII международного симпозиума «Русистика в современном мире» (Велико Търново, 11–14 октябрия 2018 г.).

Николова Вяра. Рецепция русской драматургии в болгарском книгоиздании. М.: Академия медиандустрии, 2020. Ч. 1: 1890–1940-е годы. 255 с.

Монография. Рассмотрены процессы влияния русской культуры на болгарской почве в издательском и книговедческом аспектах.

Нова книга за руската емиграция в България / Сост. Иван Юхновски, Никола Казански, Галина Петкова. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2020. 488 с. Хроника культурной и литературной жизни русской эмиграции в Болгарии (1919–1940 гг.).

Пеев Ивайло. Творчеството на А.П. Чехов през езика на тялото. София: Издателство на Техническия Университет, 2020. 345 с.

Монография. Творчество А.П. Чехова через призму языка тела.

Филипов Павел. Войната през погледа на Лев Толстой. Анализ на разкази и повести. София: Дио Мира, 2020. 168 с.

Монография. Война с точки зрения Л.Н. Толстого. Анализ рассказов и повестей.

2021

Момчилов Кирил. Любими руски писатели и България. От Александър Пушкин до Александър Руденко. София: ВИНИ – 1837, 2021. 187 с.

Сборник статей «Любимые русские писатели и Болгария. От А.С. Пушкина до А. Руденко».

Сведения об авторе:

Мария Михайловна Громова,
младший научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Mariya M. Gromova,
Junior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
marija.gromova@list.ru

События. Имена. Судьбы

Events. Names. Destiny

А.Г. Шешкен (Москва, Россия)

Гимн жизни и свету: мозаики Газанфера Байрама

A.G. Sheshken (Moscow, Russia)

Hymn to Life and Light: Mosaics of Gazanfer Bayram

В августе этого года в древнем Охриде (Республика Северная Македония) прошла выставка «Четыре элемента – мозаики» выдающегося македонского художника-мозаичиста Газанфера Байрама, известного своими работами далеко за пределами его страны, незаурядного педагога, ученого и организатора науки, вице-президента Македонской академии наук и искусств.

Один из ярких представителей творческой и интеллектуальной элиты нации, Газанфер Байрам объединил в своем образовании традиции нескольких художественных школ. Выпускник Белградской академии художеств по классу монументальной живописи (фрески и мозаика), он два года провел на специализации в одном из крупнейших мировых центров подготовки мозаичистов при отделении итальянской Академии искусств в Равенне (1981–1983). Затем, начиная с 1985 г., Газанфер Байрам, утверждая себя как художник, одновременно многие годы преподавал в училище живописи в Скопье, уделяя внимание также оформлению театральных постановок и сценическому костюму для разных театров в Македонии, Хорватии и Боснии и Герцеговине; сотрудничал с телевизионными программами. Одним словом, он принимал самое активное участие в разных сферах профессиональной деятельности. Творческая активность и редкая работоспособность мастера в эти и последующие годы поражает. Многочисленные коллективные и персональные выставки на родине и за рубежом, в том числе в Италии, Турции, США, Австралии, Канаде, Греции, Сербии, Польше (их действительно сложно перечислить). Организация колоний художников у себя на родине и мастерклассов в Македонии и за рубежом. Участие в работе Международной ассоциации современных мозаичистов в Равенне, в том числе организация международных конгрессов, включая X Конгресс мозаичистов в Скопье (2006). Работы Газанфера Байрама пользуются известностью, они составляют коллекции ряда музеев и частных собраний страны и за пределами Македонии.

К числу самых значительных монументальных работ художника, без сомнения, относятся мозаики, украшающие наиболее важные общественные здания страны: Народное собрание Республики Македония – шесть великолепных мозаик, отражающих многовековую историю народа и мотивы богатой истории этого

края (создание первой славянской азбуки глаголицы, возведение монастырей и т. д.); национальный театр Оперы и балета в Скопье. Классический сюжет «Полет Икара» естественно и вдохновляюще украшает один из залов ожидания аэропорта в Скопье. В Академии наук и искусств монументальная работа «Четыре элемента – универсум» символизирует многоаспектную фундаментальную научную деятельность академии. Его работы – это и роскошные мозаики на знаменитой башне, самой высокой в Анкаре, «Портокал Чичеги» (мотив апельсинового цвета и др.). Газанфер Байрам относится к числу тех современных мастеров, которые ценят мозаику за ее способность доносить до современников голоса из прошлого и в то же время глубоко убеждены и своим творчеством доказывают, что это искусство вневременное и оно может и должно служить средством выражения современного художественного языка, ведь сама природа мозаики как нельзя более приспособлена для современного искусства с его тяготением к стилистическому плюрализму. Для Газанфера Байрама – это соединение монументальности и камерности, философской наполненности и символики, поиск новых мотивов и открытие «поэзии камня».

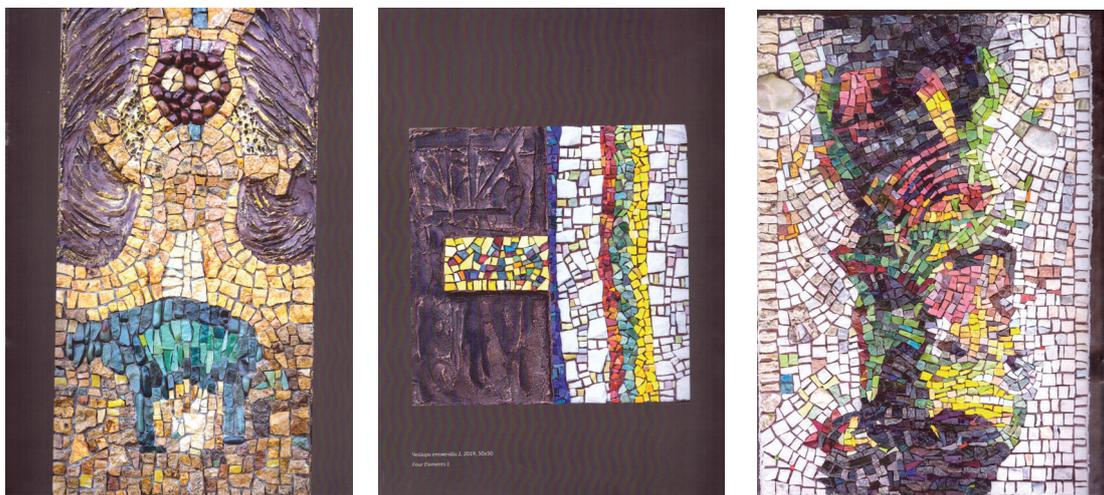

Слева направо: Огонь, вода, земля, небо, 2017, 98x38; Огонь, 1, 2017, 90x43; Танец шаманов, 2017, 70x25

Соединение национальной традиции и новаторских приемов легко прочитывается в мозаиках маэстро, на что обратили внимание многие искусствоведы, и не только они. В частности, об этом писала один из самых авторитетных в нашей стране филологов-славистов глубокий знаток Балкан Т.В. Цивьян. Анализируя «балканскую модель» мира, она находит в мозаиках македонского художника ряд важных элементов, позволяющих обнаружить точки соприкосновения его работ с прозой выдающегося писателя лауреата Нобелевской премии Иво Андрича, в произведениях которого во всей полноте отражен специфический «балканский космос». При первом взгляде на мозаики она обнаружила в них этот особый «космос» и отметила «хлынувшую яркость и одновременно мягкость цветов»¹.

¹ Цивьян Т.В. Балканский свет и цвет в мозаиках Газанфера Байрама // Балканский спектр: От света к цвету. Балканские чтения 11. Тезисы и материалы. 22–24 марта 2011 года. М.: Институт славяноведения РАН. 2011. С. 129.

В ряду многочисленных выставок маэстро новейшая выставка в Охриде особая, она представляет собой важный этап в его творчестве. Со временем искусствоведы найдут ему определение. На наш взгляд, выставка выделяется уже тем, что представленные на ней работы в основном выполнены в период пандемии – в атмосфере напряженной ситуации разобщенности и разрыва устоявшихся связей. В такое время как никогда сильно проявляется созидательная сила искусства, способного противостоять сбою привычного ритма жизни. Это не парадокс, ведь уединение и внутренняя сосредоточенность – благо для художника-творца. Символично, что в данном случае таким искусством оказалась именно мозаика (способность ее сопротивлению времени очевидна), а автором – художник страны, на территории которой сияют в первозданной красоте произведения античных мозаичистов в Стоби, Гераклее и Охриде. В скобках следует добавить, что Газанфер Байрам внес огромный личный вклад в сохранение этих памятников, в том числе как участник международного проекта по защите мозаик Гераклеи. Не менее символично, что творил современный художник на берегу Охридского озера, откуда открывается потрясающий вид на водную ширь, закаты сияют роскошью красок, вызывая неодолимое желание «остановить мгновенье».

Слева направо: Демон, 2020, 30x48;
Четыре элемента, 2019, 50x50; Дама с зеленой шалью, 2021, 50x30

Мозаики Газанфера Байрама демонстрируют неистребимую потребность художника творить вопреки страшному давлению обстоятельств. Мастер противопоставил талант и свободу творческой фантазии суровым требованиям двух лет пандемии, а соблюдения правил изоляции он превратил во многочисленные творения, и с настолько плодотворным результатом, что это выглядит просто невероятным. Наверное, в привычном житейском ритме художник не смог бы достичь того уровня сосредоточенности и концентрации творческой мысли, какие демонстрирует его собрание.

Само название выставки – «Четыре элемента – мозаики» – ассоциативно связывает работы 2020–2021-х гг. с более ранними мозаиками, выполненными для Академии наук, прежде всего в их философском содержании и отчасти в цветовом решении. Оно отсылает к особому представлению о мире, свойственному философам Древней Греции, включая Аристотеля. Древние выделяли четыре элемента, из которых состоит все сущее: земля, воздух, огонь и вода. С ними связаны

были и основные цвета, которым придавался философский и религиозный смысл. Символика цвета всегда была важна в искусстве. Газанфер Байрам неслучайно дает своим мозаикам такие названия: «Земля, огонь, вода», «Огонь, земля, вода, небо», «Танец элементов», «Четыре элемента», «Земля, вода, огонь, сон» и др. В одних мозаиках важен контраст («Золотая середина», «Контрасты»), в других – подчеркнуты бесконечные оттенки камня (например, красного – «Огонь», «Танец шаманов»). Особняком стоят созданные из «элементов» портреты «Озерная красавица» и «Дама с зеленой шалью», отсылающие к богатой фольклорной и живописной традиции. Интересен и загадочен «Демон», небольшая по размерам работа. Демон выглядит совсем не злым, где-то даже веселым, но и небезопасным, требующим жертвоприношения. Здесь преобладает коричневый цвет – цвет земли, на котором выделяется жертвенное животное, окрашенное в зеленый цвет жизни. В целом же выставка поражает жизнеутверждающей энергией, гимном красоте мира и неутомимым стремлением художника запечатлеть ее в бесконечном сочетании оттенков и значений «четырех элементов».

Сведения об авторе:

Шешкен Алла Геннадьевна,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sheshken Alla,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
asheshken@yandex.ru

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

С.В. Алпатов, П.Б. Поветкина (Москва, Россия)

**Судьбы рыцарского романа о цесаре Оттоне в России
[Рец.: Malek E. «История о цесаре Оттоне» в древнерусском переводе и ее
позднейшие обработки (исследование и издание текстов).
Warszawa: BEL Studio, 2021. 825 с.]**

Аннотация: Десятый том серии «Библиотека русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы», монография профессора Элизы Малэк «История о цесаре Оттоне в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов)», исследует литературную историю рыцарского романа об Оттоне и Алунде в России и в Польше, систематизирует редакции и варианты древнерусского перевода, анализирует его литературный конвой и специфику рецепции, а также трансформации, которые претерпевало произведение при его перемещении в новый культурный контекст.

Ключевые слова: польско-русские литературные связи, переводы, культурный трансфер

S.V. Alpatov, P.B. Povetkina (Moscow, Russia)

**The Destiny of the Chivalric Novel about Caesar Otto in Russia
[Review on: Malek E. Old Russian Translation
of “The Story about Caesar Ottone” and its later adaptations (study and edition).
Warsaw. BEL Studio. 2021. 825 p.]**

Abstract: Monograph by Professor Eliza Malek “The Story of Caesar Ottone in Old Russian translation and its later adaptations (study and edition)” is the tenth volume of the series “Library of Russian Translations of Old Polish Literature of the 17th–18th Centuries”. The book explores the literary destiny of the chivalric romance about Ottone in Russia and Poland, systematizes the editions and copies of the Old Russian translation, analyzes its literary convoy and the ways of reception, as well as the transformations in the process of cultural transfer.

Key words: Polish-Russian literary relations, translations, cultural transfer

Серия «Библиотека русских переводов XVII–XVIII вв. древнепольской литературы», издаваемая с 2011 г. профессором Лодзинского университета Элизой Малэк, позволяет медиевистам профессионально работать с разными редакциями «Апофегмат» Беняша Будного, «Легенды об астрологе Мустаеддыне» Кшишто-

фа Дзержека, «Повести о Гендрике и Меленде» и других значимых произведений древнерусской литературы переводного происхождения¹, не обращаясь к рукописным и печатным первоисточникам, хранящимся в труднодоступных архивных коллекциях и библиотечных фондах. Кропотливая и многоуровневая текстологическая подготовка публикуемых источников не только делает дальнейшую работу по сопоставлению списков и печатных изводов древнерусских текстов сверхсодержательной и результативной, но и позволяет обнаружить невидимые ранее особенности образно-стилевой ткани вплоть до мельчайших следов заимствования и нюансов преобразования словесных формул, сюжетных ходов и мотивировок действий персонажей. Помимо публикуемых памятников каждый том содержит детальное, выстроенное по единому для всей серии алгоритму исследование структуры и функций изучаемых произведений с особым акцентом на рефлексию переводческой техники русских книжников XVII–XVIII вв. и механизмов восприятия древнепольской литературы российскими читателями раннего Нового времени.

Десятый том серии – «История о цесаре Отоне в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки» – суммирует результаты многолетнего изучения судеб новеллистических нарративов на русской почве. Широко известный в Европе роман о цесаре Октавиане пришел в 1677 г. в Россию посредством польской «*Historya rękna i krotochwilna o Otonie cesarzu rzymskim*»². Несмотря на увлекательный сюжет (о невинно гонимой супруге цесаря, потерянных ею и разлученных друг с другом близнецах), стимулировавший читательский спрос и породивший десятки списков самой «Истории о цесаре Отоне» и сотни списков производной от него «Повести о царице и львице», до монографии Э. Малэк история этого рыцарского романа привлекала внимание медиевистов весьма избирательно [Соколова 1998] и изобиловала лакунами и откровенными ошибками³.

Поставив перед собой цель «пересмотреть и конкретизировать сложившееся представление о процессе адаптации романа о цесаре Оттоне на русской почве» [Małek 2021: 7], автор монографии последовательно описывает композицию, систему персонажей, мотивные линии и хронотоп оригинала, особо указывает на литературный конвой польской версии, в частности, рассказы немецких хроник о рождении знатными особами множества близнецов одновременно.

В объемной главе, посвященной польской редакции сюжета, находят свое место такие важные аспекты поэтики рыцарского романа, как создание облика идеального правителя, способы изображения войн и политических конфликтов, репрезентация христианско-языческих взаимодействий; описание городского пространства и сакральных объектов; приемы куртуазной литературы в разработке любовной линии и построении образов второстепенных персонажей.

В главе «Источник и характеристика перевода» проводится текстологический анализ известных на данный момент списков Истории о цесаре Оттоне. Определив параметры польского оригинала, с которого сделан древнерусский перевод романа, Э. Малэк имеет возможность охарактеризовать переводческую стратегию неизвестного книжника. Сравнение древнерусских списков «Истории» демонстрирует, что

¹ См. характеристику содержания предыдущих девяти томов серии [Алпатов, Кузнецова 2019]; [Алпатов, Архангельская 2021].

² Э. Малэк прослеживает родословную романа от старофранцузской *chanson de geste* XIII в. до немецкого перевода Вильгельма Зальцманна 1535 г., которому наследует польская версия-посредник 1569 г. [Małek 2021: 10–16].

³ См. подр. главу «История изучения древнерусского перевода *Истории о цесаре Отоне*» [Małek 2021: 70–81].

для переводчика было важно как передать содержание, так и сохранить форму польского оригинала. По этой причине он перевел не только сам роман, но и финальное обращение к читателю, диктующее рамки восприятия истории, а также ассоциированные с основным сюжетом романа новеллы о многоплодной беременности¹.

Тем не менее в ходе культурного трансфера текст романа не избежал изменений и искажений. Переводчик не всегда близко придерживался оригинала, нередко пере-страивал и дополнял его, делая религиозные аспекты более выразительными, а повествование – более эмоциональным. По мнению Э. Малэк, это было связано с желанием учесть эстетические ожидания русского читателя. Установка переводчика на осознанное преобразование источника также проявилась в его попытках сделать реалии другой культуры более понятными для отечественной аудитории; например, он использовал слово *ратоборец* вместо *рыцарь*, переводил *kościół* как *церковь* [Małek 2021: 109]. Отмечены и зеркальные ситуации: время от времени в тексте возникают лексические полонизмы и синтаксические буквализмы, сигнализирующие о фактах пословного перевода; не обошлось и без «ложных друзей переводчика», рожденных прямолинейным толкованием внутренней формы конкретных слов.

Кроме того, в данной главе Э. Малэк исследует приемы передачи ономастических реалий и стилистическую манеру переводчика, для которой характерны максимализм описаний, пространные амплификации и «ращение словес» с помощью нанизывания синонимов. Автор монографии отдельно останавливается на особенностях перевода пословиц и фразеологизмов, которыми богат польский текст.

В главе пятой «Редакции и варианты Повести о цесаре Оттоне» Э. Малэк решает задачу построения литературной истории романа на русской почве: проводится археографический обзор 28 полных списков и 3 фрагментированных рукописей романа; дается характеристика реконструированной *Первоначальной редакции*, *Основной редакции* и ее вариантов, *Архивного*, *Музейского* и *Лихачевского варианта*, *Интерполированной* и *Сокращенной редакций*, *Особой редакции* и ее видов, *Контаминированной* и *Музейской редакций*.

Один из разделов главы посвящен варианту Повести о цесаре Оттоне в сборнике конца XVIII в. «Повествователь русских сказок», где она соседствует со сказками «О славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье Разбойнике», «О ковре самолете и шапочке невидимке», «Об орехе-свистуне». В противоположность В. Шкловскому [Шкловский 1933: 161] автор монографии считает, что сборник состоит из пересказов древних повестей и новелл, а не народных сказок, в частности, «Сказка о двух королевичах, рожденных вместе» восходит к изучаемому роману о цесаре Оттоне и Алунде [Малэк 2021: 222].

¹ Неравнодушие российской аудитории к данной теме хорошо иллюстрирует комментарий на полях рукописного сборника РГАДА ф. 188. ед. хр. 1363: «**Суцая ложь и сонные бредни. Выписано из газетов.** В немцах едина жена единым рождением роди 150 детей. Все дети как меньший перст у руки. Другая жена всяко лето по 5 детей рождаше <...> всего 60. В польской стране во время Белослава короля польского госпожа некая честная княжеская жена 36 детей живых единыя рождением роди. (217) Дщи генерала кесаря брабантского бысть жена короля немецкаго сый от рождения своего лета сорок втораго в день великаго Страстного Пятка в час шестой пред полуднем роди детей живых мужескаго полу и женскаго 364, их же егда епископ крести на едином блюде, и мужескому полу даде имя Иоанны, а женскому Маргарит. И абие по крещении сих всех души взяты на небо. **Отсюду принимай за правду.** В Московскую губернскую канцелярию написано: Минувшаго 1754 году Шуйскаго уезду во Николаевского Черниговского монастыря (217 об.) села Веденского у крестьянина однава Корнилова с первой женой 21 брюхо в том числе четверо четверных, семеры троинных, деветеро двоинных, итого 57 человек. 3 другою женою 7 брюх, в том числе шестеро двоинных, одне троинни, итого 15 человек. Всего от обих жен 72 человека, а ему Корнилову от роду 70 лет, в живых ныне 51 человек, а померло 21 человек», см. подр. [Шамин 2020: 269–270].

Однако нам представляется, что ряд содержащихся в сборнике произведений все же воспроизводит не только литературные, но и фольклорные (сказочные и былинные) поэтические элементы. Так, анализируя «Сказку об орехе-свистуне», В.Е. Добровольская отмечала, что она «представляет собой сложную контаминацию различных сказочных сюжетов, доминирующим среди которых является “Звериное молоко” (СУС 315). Повествуя о странствиях царевича Ифата в поисках ореха-свистуна, автор данного текста использует сюжетный тип 562. <...> Далее сказка развивается в амках других сюжетных типов» [Добровольская 2022: 118]. Кроме того, как писала сама Э. Малэк в другой работе, в «Сказке о царевиче Подосе и хитром Велехе» присутствует сказочный сюжетный тип СУС 516 «Верный слуга» в литературной обработке [Малэк 1989: 85].

Шестая глава монографии, именуемая «Повесть о цесаре Оттоне на сцене придворного театра», посвящена драматической версии сюжета, которая ставилась в театре царевны Натальи Алексеевны, сестры Петра I. Автор сравнивает «Комедию Олундину» с текстом романа и пытается определить, какие его части были использованы в пьесе, поскольку от нее сохранились только фрагменты. По мнению Э. Малэк, первые главы романа, повествующие об изгнании Алунды вместе с детьми, в сценической адаптации были значительно сокращены; военному конфликту французского короля и Салтана было уделено большее внимание, чем в романе, а в конце пьесы Алунда воссоединилась со своим мужем и вторым сыном. Помимо этого, автор исследует стратегию использования текста романа анонимным автором комедии, в частности включение в пьесу эмоциональных диалогов, которыми изобилует *Повесть о цесаре Оттоне*. Э. Малэк высказывает предположение, что первоначально пьеса задумывалась как комическая, и приводит аргументы в пользу этой точки зрения. Она также соглашается с устоявшимся в научной традиции мнением о том, что появление комедии обусловлено состоянием русско-турецких отношений того времени.

В седьмой главе монографии «Литературный конвой и читатели *Повести о цесаре Оттоне*» Э. Малэк анализирует круг читателей романа, перечисляет известные ей имена, характеризует гендерный состав и социальный статус читательской аудитории. Первой средой распространения романа стал царский двор (царевна Наталья Алексеевна, Петр I, князь В.В. Голицын), затем *Повесть о цесаре Оттоне* стала доступна подьячим, военным и посадским людям. Как правило, рукопись принадлежала мужчинам и только в двух случаях – женщинам.

По наблюдениям Э. Малэк, о восприятии романа древнерусскими читателями многое может сказать его литературный конвой. Сборники с переводом *Истории о цесаре Оттоне* регулярно включали другие переводные романы, например *Историю о прекрасной Мелюзине* или *Повесть о Петре Златых Ключей*, а также исторические сочинения (*Космографию*, *Сказание о Мамево мобоице*, *Казанскую историю*).

Восьмая глава «Русские повести на сюжет романа о римском цесаре Оттоне» исследует возникшую на основе романа оригинальную *Повесть о царице и львице* в ее рукописных (в том числе лицевых) списках, лубочных и фольклорных вариантах, а также театральной обработке, озаглавленной *Акт о преславной палестинских стран царице*. Автор доказывает, что, в отличие от разобранных в главе пятой списков романа об Оттоне и Алунде, сохранявших основные сюжетные ходы и мотивы, *Повесть о царице и львице* является новым, самостоятельным произведением, творчески переработавшим романский первоисточник. Э. Малэк

подробно останавливается на формальных отличиях *Повести* от романа и сдвиге смысловых акцентов. К наиболее значимым изменениям принадлежат утраты обширной сюжетной линии Флоренса, личных имен персонажей и отчетливых хронологических рамок, благодаря чему произведение приобрело универсальный характер. Для *Повести о царице и львице* также характерно сокращение диалогов и описаний, что усилило динамизм повествования. Отдельный параграф главы посвящен многочисленным иллюстрациям в *Повести о царице и львице*.

В разделе «Лубочные и фольклорные версии *Повести о царице и львице*» суммируется история проникновения произведения в фольклор, анализируются изменения формы и содержания *Повести* под влиянием сказочной поэтики, констатируется сокращение доли религиозных мотивов. Уже первая печатная литературная обработка *Повести о царице и львице* под названием *Сказка о двух королевичах, родных братьях* начиналась традиционной формулой «В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король с королевой» [Малэк 2021: 265]. Другой пример: злая свекровь строит козни королеве не в тот момент, когда король отправляется на молебен по случаю рождения сыновей, как это имело место в *Повести*, а когда он покидает свою страну, что прямо коррелирует с композицией народной сказки. Исследованию лубочных версий *Повести о царице и львице* посвящена также отдельная статья автора [Малэк 1989].

В следующем параграфе восьмой главы рассматривается поэтика и исторический контекст возникновения стихотворной драмы на сюжет *Повести о царице и львице* – *Акта о преславной палестинских стран царице*. Завершает главу раздел, интерпретирующий связь «*Повести о римском цесаре Антонии*» с библейским сюжетом «Сусанна и старцы».

Во второй части книги собраны приложения, в которых впервые опубликован текст Основной редакции *Повести о цесаре Оттоне*, литературный конвой романа и *Повесть о римском цесаре Антонии*, а также тексты пяти других редакций XVIII в. Издание завершают библиография и указатели принятых сокращений, имен, произведений, иллюстраций.

Подводя итоги исследования, Э. Малэк размышляет о том, что привлекало в *Истории об Оттоне и Алунде* русского читателя, коль скоро «интерес к роману не угасал до конца XVIII в., в течение которого он копировался и активно редактировался» [Малэк 2021: 279]. Намечая возможные пути дальнейшего изучения *Повести о цесаре Оттоне*, автор сравнивает судьбы романа в двух странах, указывает на печатный способ распространения польского текста романа как фактор его консервации и, наоборот, на рукописную форму бытования повести в России как широкое русло для ситуативной редакторской правки и целенаправленных концептуальных переделок, отражавших логику освоения сюжета в новой этнокультурной среде [Космолинская 2022: 398].

Суммируя сказанное, подчеркнем, что полученные Э. Малэк в ходе многоуровневого анализа материала выводы носят фундаментальный характер, а разработанную методологию можно успешно применить для исследования целого ряда русских переводных памятников XVII–XVIII вв.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Acknowledgements

This research has been supported by the Interdisciplinary “Scientific and Educational School of Moscow University Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов С. В., Архангельская А. В. Польская литературная легенда в русском историко-культурном контексте // *Slověne*. 2021. Т. 10. № 1. С. 450–456.

Алпатов С. В., Кузнецова О. А. Проблемы польско-русских литературных связей в изданиях серии «Biblioteka przekładow rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskie» // *Stephanos*. 2019. № 5(37). С. 200–207.

Добровольская В. Е. Сюжет «Дух в голубом свете» в русской сказочной традиции: между фольклорной сказкой и авторским творчеством // *Проблемы исторической поэтики*. 2022. Т. 20. № 2. С. 113–136.

Космолинская Г. А. [Рец. на:] *Małek E.* «История о цесаре Оттоне» в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов). Warszawa: BEL Studio, 2021. 825 с. // *Новое литературное обозрение*. 2022. Т. 174. № 2. С. 396–400.

Соколова Л. В. Повесть о цесаре Оттоне и Олунде // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3: (XVII в.). Ч. 3: (П–С). СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 233–237.

Шкловский В. Б. Чулков и Левшин. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933. 264 с.

Małek E. «История о цесаре Оттоне» в древнерусском переводе и ее позднейшие обработки (исследование и издание текстов). Warszawa: BEL Studio, 2021. 825 с.

Małek E. «Повесть о царице и львице» в русской лубочной книжке второй половины XIX – начала XX века // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria*. 25: *Studia z literatury rosyjskiej i radzieckiej*. Łódź, 1989. S. 75–89.

Шамин С. М. Иностранцы «памфлеты» и «курьезы» в России XVI – начала XVIII столетия. М.: Весь Мир, 2020. 392 с.

REFERENCES

Alpatov S.V., Kuznetsova O.A. Problems of Polish-Russian Literary Relations in Series ‘Biblioteka przekładow rosyjskich XVII–XVIII wieku z literatury staropolskiej’. *Stephanos*. 2019. No 5(37), pp. 200–207.

Alpatov S.V., Archangelskaia A.V. Polish Literary Legend in the Russian Historical and Cultural Context. *Slověne*. 2021. Vol. 10. No 1, pp. 450–456.

Dobrovolskaya V.E. The Plot of ‘The Spirit in the Blue Light’ in the Russian Fairy Tale Tradition: Between a Folk Tale and the Authorial Creativity. *Problemy Istoricheskoy Poetiki*. 2022. Vol. 20. No 2, pp. 113–136.

Kosmolinskaya G.A. [Rev. on:] Małek E. ‘The Story about Caesar Ottone’ in Old Russian translation and its later adaptations (study and edition). Warszawa: BEL Studio, 2021. 825 p. // *Novoye Literaturnoye Obozreniye*. 2022. Vol. 174. No 2, pp. 396–400.

Sokolova L.V. The Story about Caesar Ottone and Olund. In: *The Dictionary of Scribes and Bookishness of Ancient Rus*. Vol. 3: (XVII century). Part 3: (P–S). St. Peterburg. Dmitriy Bulanin Publ. 1998, pp. 233–237.

Shklovskiy V.B. (1933) Chulkov and Levshin. Leningrad. Izdatelstvo pisateley v Leningrad Publ. 264 p.

Małek E. (2021) ‘The Story about Caesar Ottone’ in Old Russian translation and its later adaptations (study and edition). Warszawa. BEL Studio Publ. 825 p.

Małek E. 'The Tale of the Queen and the Lioness' in a Russian Popular Print Book of the second half of the 19th – early 20th century. *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria*. 1989. Vol. 25: Studia z literatury rosyjskiej i radzieckiej, pp. 75–89.

Shamin S.M. (2020) Foreign 'pamphlets' and 'curiosities' in Russia in the 16th – early 18th centuries. Moscow. Ves Mir Publ. 392 p.

Сведения об авторах:

Сергей Викторович Алпатов,
доктор филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey V. Alpatov,
Doctor of Philology
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
alpserg@gmail.com

Полина Борисовна Поветкина,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова

Polina B. Povetkina,
Graduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
diana_middels@mail.ru

И. Антоновски (Скопје, РС Македонија)

Клучната книга за Блаже Конески и неговото творештво како тестамент – ново капитално дело на современата македонска филологија

Анстракт: Текстот се однесува на едно од најзначајните остварувања на македонската филологија посветени на стожерната личност на современата македонска наука и култура и на севкупниот македонски XX век, Блаже Конески, не само меѓу објавите во текот на минатата 2021 година, кога се одбележаа 100 години од неговото раѓање, туку воопшто во периодот од заокружувањето на неговиот творечки опус (1993) наваму – книгата «Конески како тестамент» од Весна Мојсова-Чепишевска (Скопје: Матица македонска, 2021). За разлика од други авторски книги посветени на Конески во изминатите две-три децении, во коишто доминира синтезата меѓу мемоарското и научното, во оваа книга е присутен исклучиво научниот пристап во исчитувањето на текстот и вреднувањето на делото. Оваа книга дава нова насока за препрочитување, анализирање и вреднување на делото на Конески, со низа конкретни заклучоци и согледби кои треба да претставуваат појдовна точка при натамошните истражувања. Меѓу тие заклучоци и согледби се вбројува и дефинирањето на творештвото на Конески како нулта точка на македонската култура. Едновремено, со оваа книга се отвораат прашања и се анализираат сегменти од делото на великанот, коишто претходно не се согледани или потемелито анализирани и коментирани од македонската книжевна наука. Во анализата и вреднувањето на оваа книга, во текстот покрај овие прашања се коментира и иновативниот, единствен книжевно-теориски, историографски и културолошки пристап што Мојсова-Чепишевска го применува во двете целини на книгата. «Конески како тестамент» претставува ново поглавје на вреднувањето на делото на Конески во македонската научна и културна средина – книга која во времето пред нас ќе биде клучна референца за секое книжевнонаучно или културолошко проучување на делото на великанот.

Клучни зборови: Блаже Конески, Весна Мојсова-Чепишевска, «Конески како тестамент», книжевна историја, книжевна критика, Македонија

The Key Book about Blazhe Koneski and his Opus as a Will – New Capital Work in the Contemporary Macedonian Philology

Abstract: The paper refers to one of the most significant achievements of Macedonian philology, dedicated to the pivotal figure of contemporary Macedonian science and culture and to overall Macedonian 20th century, Blazhe Koneski, not only among the publications during the last year (2021), when the 100th anniversary of his birth was marked, but in general in the period from completion of his creative opus onwards (1993) – the book “Koneski as a Will” by Vesna Mojsova Chepishvaska (Skopje: Matica Makedonska, 2021). Unlike other authors’ book dedicated to Koneski in the past two / three decades, in which dominate the synthesis between the memoir and the scientific, in this book there is an exclusively scientific approach in reading the text and valorizing the work. This book provides a new direction for rereading, analyzing and evaluating Koneski’s work, with a series of specific conclusions and insights that should represent a starting point for further research. Among those conclusions and observations, is the definition of Koneski’s work as a starting point of Macedonian culture. At the same time, with this book are opened questions and segments from Koneski’s work are analyzed, which weren’t previously perceived or more thoroughly analyzed and commented by the Macedonian literary science. In the analysis and evaluation of this book, in addition to these questions the text also comments the innovative, unique literary-theoretical, historiographical and cultural approach which Mojsova Chepishvaska applied in both parts of the book. The book “Koneski as a Will” represents a new chapter in the evaluation of Koneski’s work in the Macedonian science and culture – a book which in the time ahead will be a key reference for any literary-scientific or cultural study of Koneski’s work.

Key words: Blazhe Koneski, Vesna Mojsova Chepishvaska, “Koneski as a Will”, cultural history, literary criticism, Macedonia

По одбележувањето значајни јубилеи, вклучително и кога тие се однесуваат на национална култура и подразбираат низа активности, објави и нови истражувања, откако одбележувањето ќе заврши, неопходно е критички да се осврнеме кон оствареното, за да се издвои она што било суштинско и што остава траен белег од конкретното време придонесувајќи со нови вредности на/за таа култура, од она што било само формален и поведен дел од чествувањето. И тоа особено да се издвои она што е влог и во науката и/или уметноста кои се и легитимација на секоја култура. Оттука, по годината во која се одбележа 100-годишнината од раѓањето на корифејот на македонската научна мисла и македонското слово, Блаже Конески, неопходно е и македонската културна средина да се оврне кон сето она што беше остварено, при што ќе го издвои она што е суштински важно, едновремено и до-стојно за ликот и делото на великиот Конески – она што не е само завршен чин, туку референца на јубилејот, а и влог во времето пред нас.

По едно такво лично, критичко осврнување, меѓу најважното што се случи во македонската култура во 2021 година го издвојуваме објавувањето на книгата «Конески како тестамент» (Скопје: Матица македонска, 2021) од д-р Весна Мојсова Чепишевска, професорка на Филолошкиот факултет «Блаже Конески» при Универзитетот «Св. Кирил и Методиј» во Скопје и директорка на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура при Универзитетот. Но, не

само заради тоа што станува збор за монографска публикација, што и само по себе подразбира можност за трајна вредност и трага од оствареното, туку пред сè заради значајноста на оваа книга за македонската наука. Со своето дело, нам, како на нација, Конески ни даде насока за траекторијата на севкупната наша, македонска култура, а со «Конески како тестамент», Мојсова-Чепишевска ни дава насока како треба денес да го препрочитаме, дочитаме и вреднуваме тоа дело. Ама и како може и треба делото на Конески да го интерпретираме и воспоставувјќи синтеза со влогот на неговите претходници, притоа имајќи ја неговата мисла како клучна референца, но и како траен архитект и интертекст – како трајна инспирација на опитите на неговите современици и потомци. И дури други се потпираат на тврдењето дека Конески не оставил тестамент, таа сепак го наоѓа и исчитува неговиот тестамент – во неговото творештво, пред сè во неговата поезија, притоа не само реafirмирајќи ги неговите пораки и аманети, туку и препознавајќи ги и дешифрирајќи ги кодираните делови од неговиот опус, кои се суштински важни за вистински да се разбере творештвото-тестамент на «големиот татко на македонската научно-критичка мисла» како што го нарекува таа. И исто толку важно, со оваа книга се отвораат прашања и се анализираат сегменти од делото на великанот, коишто претходно не се согледани или потемелито анализирани и коментирани од македонската книжевна наука. Заради сето ова, «Конески како тестамент» е едно од најзначајните остварувања на македонската филологија посветени на стожерната личност на современата македонска наука и култура и на севкупниот македонски XX век, не само меѓу објавите во текот на минатата 2021 година, туку воопшто во периодот од заокружувањето на творечкиот опус на Конески (1993) наваму.

Во книжевната наука, се чини уште е отворена дилемата каквиот тип книги е поважен и поголем влог на книжевите истражувачи – оние кои се однесуваат на конкретен опус и се влог во книжевната историја или оние во кои преку корпус од националната книжевност се проверуваат одредени книжевни теории. Но, сепак, нема простор за дилема дека за секоја национална книжевност и култура се клучни научните книги коишто отвораат прашања и анализираат претходно несогледани или барем потемелно неанализирани сегменти од делото на авторите коишто со својот творечки влог го формулираат националниот книжевен и културен код. Впрочем, ваквите книги, посветени на одделни авторски опуси, со новото исчитување и вреднување на делото на великаните, се оние без кои националната книжевна наука и не може суштински да ја оствари својата мисија за (ре)конструирање на вертикалата на вредностите на националната книжевност. Без нив не може да се оствари ни компаративно исчитување на националната книжевност во поширок книжевен и културен контекст. Тие се клучна референца не само за книжевната историја, туку едновременно и за културологијата, и за компаративистиката, а со тоа и за целосното спознавање на националниот книжевен и културен код, заради што претставуваат и трајна научна и културна вредност, што не може секогаш да се каже за книги во коишто одреден корпус од националната книжевност само подлежи на апликативна примена на моментално актуелни книжевни или културолошки теории, како «проверка» на теориите.

Меѓу ваквите книги важни за македонската книжевна наука се вбројува и «Конески како тестамент», која и не е единствениот таков капитален влог на Мојсова-Чепишевска во македонската филологија, затоа што претходно таков влог таа оствари и со своите книги «Рацин и експресионизмот» (Скопје: Менора, 2000) и «Лицето на зборвите» (Скопје: Култура, 2004 / посветена на поетското твореш-

тво на Петре М. Андреевски). Сепак, во овој миг, токму «Конески како тестамент» се издвојува како книга-синоним за научниот подвиг на Мојсова-Чепишевска. Со оваа книга, таа се надоврзува на своите претходници – проучувачи на делото на Конески, меѓу коишто се и Георги Старделов, Милан Ѓурчинов и Атанас Вангелов, ама и суштински ги надградува нивните согледби и заклучоци. Впрочем, таа и единствениот македонски филолог од својата генерација што посвети одделна, авторска книга на Конески, којашто заедно со книгите на Атанас Вангелов, Димитар Пандев и Веле Смилевски објавени изминативе години фрла заграб нова светлина врз ликот и опусот на великанот на македонското лепословие.

Во предговорот на книгата, Мојсова-Чепишевска вели дека ова дело е омаж за Конески. Но, со дваесетте научни текста во книгата поделени во две целини: «Конески како поттик» и «Конески како инспирација», таа е многу повеќе од тоа, претставувајќи едно целосно ново поглавје на вреднувањето на делото на Конески. Таквиот научноистражувачки резултат е можен и остварен затоа што станува збор за книга која не е резултат на миговност, туку е создавана речиси две децении, со неуморни и постојани научни навраќања и препрочитувања на делото на великанот, за што сведочат и датирањата на текстовите во книгата. Зад подготовката на ваква книга, стојат илјадници и илјадници исчитани страници, неопходност од голема упатеност во низа микросфери на книжевната наука и културологијата. Затоа се вбројува меѓу остварувањата коишто не се само поводни и миговни, не само формални и пригодни, туку трајни – оние што детерминираат натамошни траектории на исчитување, вреднување и анализирање на делото на Конески. Не само во македонската книжевна средина, туку и воопшто во книжевната наука, на современ план, вистинска реткост е толкавата и толку долготрајна посветеност на творечкиот опус на великан од форматот на Конески од страна на еден научник, како и воопшто олакво времетраење на еден научен потфат.

И исто толку важно – за разлика од други авторски книги посветени на Конески во изминатите две-три децении, во коишто доминира синтезата меѓу мемоарското и научното, во книгата на Мојсова-Чепишевска, присутен е исклучиво научниот пристап кон исчитување на текстот и вреднување на делото. Каузалното придржување исклучиво до научниот пристап дава додадена вредност на «Конески како тестамент» и за нејзиното позиционирање на вредносната вертикала на филологијата воопшто, и надвор од македонскиот контекст.

«Поради законот на месото, оптимизмот значи подобар избор од песимизмот. Сè е загубено без верата дека човештината сепак може да си создава поширок простор. Тоа би значело безусловна капитулација на духот. Тоа не го допушта дуализмот што го проникнува космосот. Има смисла во Сизифовата работа». Ова го вели Конески во препораката од неговата тестаментална «Таблица прваја» – најнеобичниот текст што сме го читале од него, еден од последните што тој ги има дадено за печатење и објавен непосредно по неговата смрт, а којшто досега, со научна диоптрија, преку одделен научен труд поместен и во книгата «Конески како тестамент» го исчита Мојсова-Чепишевска. Очигледно е дека Мојсова-Чепишевска ја има разбрано оваа препорака на Конески, затоа што се чини, оваа нејзина книга е резултат на работа, којашто на моменти најверојатно делувала и како сизифовска.

Евидентно е дека «Конески како тестамент» е резултат на цврстата научноистражувачка решеност на Мојсова-Чепишевска да се анализира и растајни неоткриеното, помалку познатото и помалку афирмираното, а исклучително важното од и за делото на Конески. Но, и одново да се исчита веќе прочитаното. И тоа

решеност којашто не е некаков проект со утврдена временска рамка, туку е постојана определба на Мојсова-Чепишевска, и затоа таа е видлива преку учеството на речиси секој научен собир на којшто може(ло) да се говори за Конески во изминативе децении, по неговото физичко заминување. При прочитот на неговото творештво, според досега објавените трудови и опфатот на «Конески како тестамент» повеќе отколку кој и да е друг книжевен научник којшто е изнедрен од Филолошкиот факултет во Скопје по пензионирањето на Конески, Мојсова-Чепишевска има навлезено во просторот меѓу двете рамништа на книжевниот текст коишто ги разликуваше тој.

Во оваа книга нема настојување (само) да се синтетизираат и резимираат претходните научни согледувања за опусот на Конески, туку значајно да се надградат. Затоа, во одделните текстови, особено во првиот дел од книгата, Мојсова-Чепишевска се зафаќа и со микротема и прашања за делото на Конески. При интегралниот прочит сфаќаме дека книгата во целина ги одразува севкупните димензии на творецот Конески, но истовремено и дека без прашањата и сегментите и димензиите на неговото дело опфатени меѓу нејзините корици, а претходно несогледани или еден дел барем не доволно темелно вреднувани и коментирани од македонската книжевна наука, всушност, барем од денешна перспектива, одразот на творчката личност на Конески во филолошката интерпретација, не би бил целосен.

Како илустрација на оваа констатација, би посочиле не само на темелитото исчитување на Блажевата тестаментална «Таблица прваја» напишана во 1993 година, туку и на анализата на архитектуралноста и интертекстуалноста во дијалогот на Зографски, Конески и руската литературно-јазична, научна и културна мисла. Ама и на инвентивниот пристап во исчитувањето на книжевни текстови на Конески, коишто претходно не беа поопстојно одделно анализирани од македонската книжевна наука, како на пр. неговите «Проложни житија». Мојсова-Чепишевска токму во такви текстови препознава предизвик и растајнува сегменти на неговото творештво коишто претходно не биле позначајно воочени во исчитувањата на научната јавност, а коишто изискуваат мошне внимателен и темелен, научен микро-прочит. За ова можеме и лично да посведочиме, оти соавторски бевме сведетели на нејзината задлабоченост во творештвото на Конески при истражувањето коешто резултираше со еден од текстовите во книгата. Меѓу другото, во текст поместен во оваа книга, Мојсова-Чепишевска и ги доразви согледбите за Конески како биограф и митолог на детството, со анализа и исчитување значајно надополнувајќи ги анотациите на претходниците, за поетските слики од неговото творештво коишто се соодветни и/или наменети за детската читателска рецепција.

И да нагласиме, ова се само илустративни примери. Во «Конески како тестамент» има низа други отворени прашања и анализирани сегменти и димензии на делото на великот, коишто за првпат на ваков начин се во фокусот на македонската книжевна наука и културологија. А дека е тоа така, ќе се увериме не само ако погледнеме во библиографијата, односно користената литература на текстовите, туку и ако ги консултираме библиотечните и библиографски каталози. Во нив, единствени библиографски единици на низа теми се првообјавите на научните текстови поместени меѓу кориците на «Конески како тестамент» од Весна Мојсова-Чепишевска.

Кон сите прашања и теми опфатени со «Конески како тестамент», Мојсова-Чепишевска пристапува со иновативен книжевно-теориски, историографски и културолошки пристап, којшто е есенцијално обележје на оваа книга. Со него, Мој-

сова-Чепишевска покажува дека и песни како «Тешкото» и «Везилка», може да се исчитаат и поразлично од претходно. Од неа применетите книжевни теории и контекстуализираните културолошки аспекти, коишто се надоврзување и на дел од пристапите на Атанас Вангелов, за љубов на вистината како што би кажал Конески, претходно не се дотолку видливо применувани во македонската книжевна наука при микроисчитувањето и интерпретирањето на неговото дело. На пр. кога истражува за архитектстуалната и интертекстуалноста за Зографски и Конески, таа реферира на теориските согледби на Јаус, Барт, Дерида, Бахтин, Лакан, Кристева, Еко, Блум, кога ја анализира Блажевата «Таблица прваја» на Лахман и Лотман, како и на Ораиќ-Толиќ кога пишува за старите пораки во современ израз. Со нивната примена и контекстуализација, Мојсова-Чепишевска и доаѓа до дел од констатациите од новото поглавје на исчитувањето и валоризацијата на делото на Конески.

Но, во «Конески како тестамент», книжевната теорија не е потребна за со апликативната примена да биде проверена нејзината функционалност и употребливост во конкретниот контекст, ниту за преку опусот на Конески да се прераскажуваат сознанијата од опфатените теориски согледби, како што е во мноштво книжевни и културолошки осврнувања. Таа е потребна за со неа да се доискаже и дообјасни она коешто Мојсова-Чепишевска го детектира во микропрочитот на книжевниот текст. Затоа, на многу места во книгата, таа се насетува или препознава како искуство вградено во исчитувањето на книжевниот текст, а не како цитат, парафраза или «академска» фуснота.

Ама едновремено, во оваа книга е присутна и книжевната историја, и тоа во време, кога се чини дека таа, во книжевната наука сè повеќе е ставена на страна, запоставена, потисната од доминантната посветеност на книжевната теорија. Во «Конески како тестамент» се покажува дека и денес, книжевната историја ни е неопходна за да можеме соодветно да го исчитаме книжевиот текст и воопшто за да го валоризираме делото, особено од временска дистанца, но и дека не е анахрона, ако кон неа се пристапи со научноистражувачка инвентивност. Па така, со исклучителна научна акрибичност, во оваа книга, Мојсова-Чепишевска го поврзува Конески со редица значајни творци од македонската книжевна историја: Зографски, Џинот, Мисирков, Рацин, но и со еден поширок славистички контекст во кој се формирал неговиот лингвистички, книжевен и културолошки тестамент.

Во «Конески како тестамент», не само што се опфатени низа факти од историско значење коишто досега се чини биле запоставени или неафирмирани, а за еден дел од нас и малку познати или непознати и не само што се рефлектира ерудициска упатеност во македонската книжевна историја, туку Мојсова-Чепишевска и води дијалози со согледбите и оцените на своите претходници-книжевни историчари или приврзаници на историографскиот пристап – на пр. Поленаковиќ, Друговац, Ристовски, Ѓурчинов, Тушевски, Антиќ, Радически... И клучно, води дијалог и со размислите, ставовите и вреднувањата оставени од Конески, ама не само преку неговата поезија, туку и преку неговите историографски студии, есеи и преку фактографијата и кажаното од него поместено во културната книга «Разговори со Конески».

Во научните текстови на Мојсова-Чепишевска, книжевната теорија, културолошките аспекти и книжевната историја не само што не си противречат и не се «конкуренија», туку содејствуваат како единствен пристап, оти само така, како што се согледува во оваа книга е возможно книжевното проучување да го има предвид контекстот, којшто е нужен и за книжевното, и за културолошкото исчитување, коешто неминовно подразбира и одреден вредносен суд.

Со примена на ваквиот пристап, Мојсова-Чепишевска и упатува кон заклучокот дека без соодветно познавање и валоризација на делото на Конески, не можеме да ја објасниме и оствариме ни сегашноста, оти тоа не е само архитект и интертекст на нашето актуелно книжевно писмо, туку и на нашата мисла и на нашиот критички, книжевен или културолошки прочит.

Во «Конески како тестамент» се согледува дека простата и строга македонска песна е нулта точка – амблем на великозначниот опус на Конески, негов лапидарен поетски манифест. Клучна е темелно аргументираната научна согледба дека таа, простата и строга македонска песна и воопшто делото на Конески е нулта точка на македонската (современа) култура, опфаќајќи ги и некнижевните форми на уметнички израз. Овој заклучок на Мојсова-Чепишевска, којшто е само еден од многуте од «Конески како тестамент» коишто имаат трајна книжевноисториска вредност и со кои оваа книга треба да биде цитирана референца во натамошното научно испишување страници од македонската книжевна историја, всушност го детерминира натамошното поимање не само на Конески, туку и на нашата култура, на нашиот бит, на нашиот македонски идентитет... Тој е онаа книжевнонаучна и културолошка позиција којашто треба да биде почетна точка за натамошните исчитувања на творештвото на Конески, но и за критичкото вреднување на нашата (современа) култура. А таквите исчитувањата и вреднувања е нужно да се случат – иако за низата прашања и аспекти опфатени со «Конески како тестамент», Мојсова-Чепишевска доаѓа до исклучителни заклучоци, сепак не инсистира да стави точка на научната дискусија, туку поттикнува на нови, натамошни исчитувања... Оваа книга е и обврска за сите нас коишто во денешницата го прифаќаме предизвикот за истражување на Конески, како да го оствариме тоа. За нас, посветениците на книжевноста коишто сме произлезени од школата на Мојсова-Чепишевска, таа е и патоказ, како денес, следејќи го воспоставениот, иновативен книжевно-теориски, историографски и културолошки пристап, вистински и темелито да се вреднува делото на Конески.

Но, мораме да напоменеме дека и по објавувањето на «Конески како тестамент» евидентно е дека и Мојсова-Чепишевска продолжува со исчитување на делото на великанот, за што сведочи нејзината посветеност засведочена во нејзините понови објавени текстови и настапи на научни конференции.

Во претходните осврнувања кон «Конески како тестамент», напоменато е дека не само тезите, согледбите и заклучоците од неа, како и самиот пристап во анализирањето на творештвото на великанот, туку и севкупната оваа книга треба да добие свое место во македонската книжевна историја – во делот во којшто се вреднуваат остварувањата на книжевната наука и книжевната критика. Не само затоа што е единствена одделна, авторска книга за Конески од македонски филолог од генерацијата на Мојсова-Чепишевска, туку и затоа што е книга којашто детерминира натамошни траектории на исчитување и вреднување на делото на Конески, затоа што е ново поглавје во анализата на творештвото на великанот. Но, овојпат, мораме да нагласиме дека ова е книга е и клучна референца за славистиката воопшто, и тоа заради барем две причини – таа е светол пример како денес, на современ план да се пристапи кон опусот на еден клучен славист, но е и клучна референца за натамошните книжевнонаучни осврнувања кон Конески воопшто во славистичкиот свет, но и надвор од него, во севкупната филологија. Затоа што оваа книга, меѓу другото и расветлува досега незабележани врски меѓу подвигот

на Конески и славистиката и зашто и самата оваа книга е подвиг и заслужува свое место и во историјата на славистиката, особено на славистичката книжевна наука.

Во македонската културна средина, веќе е јасно дека «Конески како тестамент» е книга којашто треба да ја има во секоја македонска, јавна или домашна библиотека, и да биде прочитана. Ама е книга која треба да ја има и во секоја славистичка библиотека – и како дел од личната карта на македонската филологија, и како референца која е важна за севкупниот славистички свет.

Текстовите од «Конески како тестамент» и допрва ќе ги среќаваме надвор од кориците на оваа книга – како цитирана литература и појдовна точка на следните исчитувања на опусот на најзначајната личност на македонскиот XX век.

Сведения об авторе:

Иван Антоновски,
магистер по филолошки науки
истражувач
Филолошки факултет «Блаже Конески»
Универзитет «Св. Кирил и Методиј» во
Скопје

Ivan Antonovski,
M.Sc. in Philology
Researcher
Blazhe Koneski Faculty of Philology,
Ss. Cyril and Methodius University in Skopje

Иван Антоновски,
магистр
исследователь
филологический факультет
имени Блаже Конеского
Университет св. Кирилла и Мефодия
i.antonovski@gmail.com

А.Н. Красовец (Москва, Россия)

**Литературное многоязычие в словенском и австрийском контексте /
Под ред. Аленки Корон и Андрея Лебена.
Любляна: Издательство ZRC, 2020. 324 с. /
Literarna večjezičnost v slovenskem in avstrijskem kontekstu /
[uredila Alenka Koron in Andrej Leben].
Ljubljana: Založba ZRC, 2020. 324 str.**

Аннотация: Научная монография «Литературное многоязычие в словенском и австрийском контексте» (2020) представляет собой коллективный труд девятнадцати исследователей из пяти стран. Предметом их анализа стали теоретические, методологические и контекстуальные аспекты литературного многоязычия в рамках концепции «надрегионального литературного пространства взаимодействия», через призму которой были рассмотрены малые, иммигрантские, транскультурные литературы и литературы национальных меньшинств, в частности словенского меньшинства в австрийской Каринтии и Италии, итальянского меньшинства в хорватской и словенской Истрии, а также литературы многоязычных авторов и авторов-иммигрантов в Австрии и Словении как в настоящее время, так и в XIX в., а также в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: австрийская литература, словенская литература, литературное многоязычие, каринтийские словенцы, меньшинства, мультикультурность, двуязычие, иммигрантская литература

A.N. Krasovets (Moscow, Russia)

**Literary Multilingualism in the Slovenian and Austrian Context /
Eds.: Alenka Koron and Andrej Leben.
Ljubljana. ZRC Publishing House. 2020. 324 p.**

Abstract: The scientific monograph “Literary Multilingualism in the Slovenian and Austrian Context” (2020) is a collective work of nineteen researchers from five countries. The subject of their analysis was the theoretical, methodological and contextual aspects of literary multilingualism within the framework of the concept of a “supra-regional sphere of literary interaction”. They were regarded through the prism of small, immigrant, transcultural literatures and literature of national minorities. Among them are the Slovenian minority in Austrian Carinthia and Italy, the Italian minority in Croa-

tian and Slovenian Istria, as well as the literature of multilingual authors and immigrant authors in Austria and Slovenia, both in modern times, in the 19th century, and during the First World War.

Key words: Austrian literature, Slovenian literature, literary multilingualism, Carinthian Slovenes, minorities, multiculturalism, bilingualism, immigrant literature

Коллективная научная монография¹ представляет собой сборник по материалам симпозиума «Литературное многоязычие в Австрии и Словении», который прошел в апреле 2018 г. в Граце в рамках Института славистики Грацкого университета и при сотрудничестве научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств в Любляне. Книга и симпозиум – результат работы международной группы исследователей над проектом «Двужычная литературная практика каринтийских словенцев после закрытия журнала “Младье” (1991) и ее положение в надрегиональном пространстве литературного взаимодействия» (2016–2018), при финансовой поддержке австрийского исследовательского фонда FWF. Предметом рассмотрения стало изучение литературного творчества не только словенского меньшинства в Каринтии, но и литератур другого происхождения, связанных особыми отношениями с данной литературой и обусловленных контекстом ее функционирования. Представленные в монографии статьи образуют отдельные главы и на примере Австрии и Словении устанавливают общие условные рамки литературного многоязычия, показывают сосуществование и взаимодействие литературных произведений на нескольких языках. Последнее особенно важно ввиду присутствия в обеих странах гомогенизирующих национальных идей, несмотря на очевидную языковую и культурную полифонию. Одна из составительниц сборника, Аленка Корон, отмечает, что бóльший интерес к иммигрантской литературе в Австрии в том числе со стороны литературоведения заметен лишь с начала 2000-х гг., тогда как литература каринтийских словенцев уже немногим ранее получила достаточно широкий отклик (стр. 10); австрийская история литературы наконец пришла к выводу, что мультиязычность и мультикультурность в начале XXI в. вновь стали «важными составляющими австрийской литературы» [Kriegleder 2011: 571]. Что же касается Словении, то литература на несловенском языке, написанная в Словении, и литературная мультикультурность представляются пока здесь чем-то маргинальным. Это отчасти связано с важной ролью словенского языка и литературы для самосознания словенцев как нации, что и сделало возможным обретение Словенией независимости в 1991 г. Несмотря на некоторые подвижки в сторону признания мультикультурной составляющей словенской литературы как со стороны институций, так и в работе исследователей, Словения все же заметно отстает в этом отношении от Австрии. Решающую роль внутри отдельно взятого литературного поля здесь играет степень привязанности доминирующего языка к таким категориям и конструктам, как этнос, нация и идентичность; в Словении сегодня значимость последних значительно выше, чем в Австрии. Рассуждая о многоязычной литературной практике каринтийских словенских авторов, Корон подчеркивает: «Речь идет о литературе, которая своими формами, функциями и парадоксами, своими институциями и включенностью в различные дискурсы, начиная с традиционной литературы родного края и заканчивая мировой литературой, предлагает исключительные условия как для

¹ Содержание сборника и информацию об авторах см.: <https://isllv.zrc-sazu.si/sl/publikacije/literarna-vec-jezicnost-v-slovenskem-in-avstrijskem-kontekstu> (дата обращения: 16.11.2022).

рассмотрения вопросов о функционировании литературных полей и систем, так и для дискуссии о литературах меньшинств, надрегиональных, полифонических, иммигрантских, меж- и транскультурных литературах, которые объединяет качество многоязычия» (стр. 16).

Первые три главы монографии представляют теоретическую часть: это статьи Марко Ювана «Одноязычие и многоязычие литературных систем», Жанн Е. Глезенер «Малые литературы: пересмотр понятий» и Андрея Лебена «Модель и понятие надрегионального литературного пространства взаимодействия (на основе литературы каринтийских словенек и словенцев)». М. Юван анализирует представление большинства об одноязычии литературы как таковой, о том, что каждому народу якобы принадлежит лишь один родной язык и литература на нем, что мировая литература – это комплекс национальных литератур на разных языках, что противоречит недавно ставшей общепринятой политкорректности и идее мультикультурности в целом. В своей статье исследователь опирается на две современные концепции: критику «монолингвальной парадигмы» Ясмин Йилдиз [Yildiz 2012] и «экологию мировой литературы» Александра Бикрофта [Beacroft 2015], – помещая проблематику в более широкий историко-теоретический контекст и используя идею Бахтина о гетероглоссии, или разноязычии, а также системный подход Эвен-Зохара [Even-Zohar 1990] (стр. 29). Юван обращает внимание на то, что в мировой литературе уже по крайней мере двести лет преобладают национальные литературы крупных с экономико-политической и военной точек зрения стран. Периферийные, региональные и иммигрантские литературы зачастую становятся лишь пристанищем утрачивающей свои силы либеральной идеи мультикультурности. Согласно Бахтину, Лотману и Эвен-Зохару, ядра культурных систем стремятся к одноязычию, стабильности и идеологической монолитности, периферии же стимулируют многоязычие и потому динамичны в своем развитии, идейно плюралистичны и конфликтны. Без притока с периферий культура подверглась бы стагнации, так же как и мировая экономика в целом (стр. 40). По мнению автора, необходимо ввести прогрессивную социальную практику, развить новый теоретический язык и основать альтернативную литературную экосистему, чтобы изменить существующее положение дел.

Ж.Э. Глезенер в своей статье подвергает критике концепцию «малых литератур», выдвинутую Делёзом и Гваттари и обозначающую прежде всего литературу, созданную меньшинством внутри некоего большого языка, и раскрывает всю историко-исследовательскую многослойность данного понятия. Учитывая роль многоязычия, исследовательница предлагает дифференцированную типологию такого рода понятий исходя как из перспективы доминирующих литературных систем, так и из самоописания тех самых малых европейских литератур, изучение которых должно проводиться вне национальных и одноязычных шаблонов, с вниманием к их собственной эстетике и потенциалу, что и будет обеспечивать плюрализм литературного развития.

А. Лебен, исследователь компаративистики региона Альпы-Адриатика, поясняет принципы функционирования исследовательской модели «надрегионального литературного пространства взаимодействия» («nadregionalni literarni interakcijski prostor»), при помощи которой изучается литературное творчество каринтийских словенцев в представленной монографии. Модель была разработана с опорой на понятие литературного поля П. Бурдьё, теорию пространства А. Лефевра, семиосферу М. Лотмана и полисистемные теории Эвен-Зохара. Она близка «практике

использования пространства» Мишеля де Серто, а также идее промежуточного «третьего пространства» Хоми К. Бхабхи; находится вне этнических, национальных и идентификационных категоризаций и нацелена на необходимый системный сбор эмпирических данных, что выводит на первый план социальные и литературные практики как таковые, а также характер их функционирования.

Последующие пятнадцать статей-глав сборника представляют собой рассмотрение более частных случаев заданной проблематики: словенского меньшинства в Каринтии и Италии, итальянского меньшинства в хорватской и словенской Истрии, а также литературы многоязычных авторов и авторов-иммигрантов в Австрии и Словении, причем временной диапазон уходит от современности в XIX в.

Эрвин Кёстлер в статье «Институции, акторы, модели: каринтийское двуязычное литературное поле как возможность для авторов и авторок, пишущих по-немецки» рассматривает современное состояние многоязычной каринтийской литературы, для которой язык зачастую перестает быть главным фактором, определяющим идентичность писателя, что было характерно для поколения словенских авторов, родившихся до и во время Второй мировой войны, то же самое можно сказать и о писателях, для которых немецкий является первым языком. Так, наблюдается не только все большая нацеленность словенскоговорящих литераторов на немецкое языковое пространство, но и то, что авторы, пишущие по-немецки, обращаются к издательской практике и другим возможностям двуязычной сферы. Исследователь сперва рассматривает функционирование издательств, научных институций, культурных инициатив и обществ, существующие литературные конкурсы и премии, театр, область культуры памяти каринтийских словенцев, а затем обращается к явлению литературного многоязычия на уровне текста и изучает его на примере творчества таких авторов, как Петер Хандке, Хьюго Рамнек, Симоне Шённетт, Томас Подхостник, Матиас Гриль и Петер Ватерхаус (Hugo Ramnek, Simone Schönnett, Thomas Podhostnik, Mathias Grilj, Peter Waterhouse).

Доминик Сриенц в статье «Как я работаю, будучи словенским автором в Каринтии 2.0? О литературном самовосприятии новейшей каринтийской словенской литературы в пространстве напряженности между многоязычием и инновациями» сосредотачивается на многоязычной, интермедиальной и цифровой практике Николая Эфенди, Стефана Файнига, Верены Готтхардт, Амины Майетич, Элены Месснер, Аляжа Пестотника, Доминика Сриенца и Нины Здоуц (Nikolaj Efendi, Stefan Feinig, Verena Gotthardt, Amina Majetić, Elena Messner, Aljaž Pestotnik, Dominik Srienc, Nina Zdouc). Эти представители самого молодого поколения отказываются от традиционных издательских моделей, их литература сочетает в себе традицию и новаторство и уже не привязана к определенному географическому месту и даже языку – и само обозначение «каринтийская словенская литература» становится трансформационным, подвижным и многозначным понятием.

Феликс Оливер Коль в статье «Биографическое пространство взаимодействия каринтийских словенцев» обращается к биографическим записям о каринтийских словенских авторах в словенских и немецких источниках, что приводит к различной их репрезентации в зависимости от той литературно-языковой системы, которая преобладает в их творчестве, и в результате обнаруживает, что эти литераторы существуют на периферии обеих литературных систем.

Сильвия Боровник в статье «Образ и значение словенского языка в литературе Липуша» анализирует лингвистическое богатство и многоязычие последних прозаических произведениях Флорьяна Липуша, одного из редких каринтийских

авторов, который сам себя всегда называл «словенским писателем» и писал исключительно по-словенски.

Ванесса Ханнесшлэгер в статье «“Правда звучания”: многочисленные языки и их функции в драматических текстах Петера Хандке» изучает произведения еще одного каринтийского автора, обращаясь к подборке его текстов в собрании «Handke: in Zungen», которые показывают, что за последние двадцать лет Хандке серьезным образом расширил интегрированный им языковой канон, включив в том числе такие «периферийные языки», как арабский и южнославянские.

Элена Месснер в статье «Каринтийское двуязычие как двигатель для трансфера литературы на сербохорватском языке в немецкоязычное поле с 1990 г.» рассматривает роль каринтийско-словенской культурной деятельности, которая уже не одно десятилетие влияет на продвижение хорватской, боснийской, сербской и македонской литератур в германогворящем пространстве. В центре ее внимания работа двух двуязычных издательств из Клагенфурта – «Drava» и «Wieser», которые наряду со словенской литературой активно публикуют переводы авторов из других республик бывшей Югославии, выполняя ключевую роль культурного посредника.

Аленка Корон в статье «Многоязычие и мультикультурность в литературных произведениях Йосипа Ости и Горана Войновича» обращается к двум авторам-иммигрантам, представителям республик бывшей Югославии в Словении, и анализирует их многоязычное творчество, получившее широкое признание.

Лидия Димковска в «Литературе авторов-иммигрантов в контексте словенской литературы и культуры» пишет о сложном положении авторов, живущих в Словении и пишущих на других языках, которых официальные структуры обрекли на изоляцию, что повлекло за собой маргинализацию их творчества. Автор выдвигает ряд предложений, которые могли бы улучшить сложившуюся ситуацию.

Миран Кошута в статье «О литературном двуязычии словенских литераторов в Италии» обращается совсем к другому контексту, повествуя о том, как работают около 60 словенских авторов в области Фриули-Венеция-Джулия. Типологически изучая их дву- и многоязычное творчество, исследователь делит словенских авторов в Италии на четыре группы: те, кто пишет только по-итальянски; те, кто пишет на итальянском, но время от времени переводит свои тексты на словенский; те, кто пишет по-словенски, но иногда переводит свои тексты на итальянский; а также те, кто пишет как по-итальянски, так и по-словенски. К сожалению, последняя группа наиболее малочисленная.

Нивес Зудич Антонич в статье «Современная итальянская литература в Истрии» представляет итальянских авторов в словенской и хорватской Истрии, большая часть которых пишет на родном языке, в частности на одном из венецких диалектов или на истро-романском языке; в своих текстах они используют также заимствования как из языков представленного региона, так и из других. На примере драматического текста Диего Рунка исследовательница демонстрирует все это лингвистическое своеобразие, значимость которого более чем весома: «Несмотря на малочисленность представителей национального сообщества, территориальную рассеянность, политические и социальные проблемы, меньшинству удалось сделать из культуры и прежде всего литературы опознавательный знак своей идентичности. Литература – это не только форма искусства, но и успокоительная и оздоровительная практика при непредвиденности жизни, важная движущая сила и опора для зачастую неустойчивой идентичности» (стр. 219).

Янез Штрутц в статье «Региональные языковые игры: из компаративистики региона Альпы-Адриатика» также подчеркивает высокую степень плюралистичности и полифонии культуры Истрии. На примере творчества Фульвио Томиццы и Милана Раковеца исследователь показывает, как смешение языков подрывает монолитность национальных литературных полей. Рассматривает он также различия между литературным творчеством на первом языке для представителей меньшинств (для них это возможность культурного выживания) и для авторов-иммигрантов, которые руководствуются другими соображениями при выборе языка.

Сандра Власта в статье «Литературное многоязычие в австрийской литературе миграций – формы, функции и рецепция на примере творчества Томера Гарди, Семиера Инсайфа и Владимира Вертлиба» анализирует тексты трех представителей австрийской иммигрантской литературы, в частности писателей, которые пишут на своем неродном языке – немецком, но при этом активно внедряют элементы многоязычия на самых различных уровнях текста. В случае Томера Гарди читатель имеет дело с особым явлением – так называемым *broken german*, ненормативным немецким, на котором говорят иммигранты и в который включаются элементы других языков.

Три заключительные главы книги уходят от современности и отражают ситуацию с литературным многоязычием во время Первой мировой войны и во второй половине XIX в. Матьяж Бирк и Сашо Звер в статье «Литературные идентификационные конструкции в газете “Marburger Zeitung” в годы великой войны» рассматривают поэтические и прозаические тексты на немецком языке в газете «Марбургер Цайтунг», выходящей в Мариборе в годы Первой мировой войны, в частности выраженную в них идентификационную позицию, которая зачастую связана с темами, имеющими отношение к войне, и построена на разграничении, исключении *другого*. Мультиэтнические и мультикультурные идентификационные стратегии появлялись в периферийных зонах Австро-Венгрии, но, ввиду общественного кризиса, а также патриотических настроений, они очень быстро затухали.

Александра Миллнер иначе оценивают эту ситуацию в статье «Трансдифференциация в литературе германоговорящих писательниц-иммигранток в Австро-Венгрии» и демонстрирует уход от дихотомических, взаимоисключающих идентификационных конструкций, а также наличие дискурсов, противящихся принятым общественным нормам и однозначной национальной кодификации. Исследовательница, применяя концепцию трансдифференциации и интресекциональности, анализирует тексты венской актрисы и писательницы Ады Кристен (Ada Christen), путешествовавшей с театром по разным уголкам империи, и писательницы Зофки Кведер, писавшей на словенском, немецком и хорватском языках.

Миран Хладник в статье «Словенско-немецкое литературное двуязычие» обращается к творчеству авторов, писавших по-немецки и по-словенски на словенских землях в XIX в., которыми до сих пор пренебрегали историки литературы. Большая часть столетия действительно ознаменована напряженностью и конфликтностью между двумя лагерями: «немцами», стремившимися сохранить свою культурную гегемонию, и «словенцами», нацеленными на культурную эмансипацию. Факт в том, что лишь словенские авторы были действительно двуязычными и обладали мультикультурной идентичностью (среди них Ф. Прешерен, Й. Стритар). Хладник дает старт новой дискуссии, ставя вопросы о том, что такое идентичность, кто является частью словенской литературы, приводя в качестве

примера сегодняшнее включение в нее писательниц Майи Хадерлап, пишущей по-немецки, и Эрики Джонсон-Дебеляк, пишущей по-английски.

Словенская монография продолжает важную дискуссию о необходимости пересмотра понятия национальной литературы и ее акторов и представляет собой достойную методологическую, теоретическую и контекстуальную отправную точку для дальнейшего изучения явления многоязычия на примере как представленных литератур, так и литератур других стран, регионов и языков.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Kriegleder W. (2011) Eine kurze Geschichte der Literatur in Österreich: Menschen – Bücher – Institutionen. Wien. Praesens Verlag. 570 S.

Yildiz Y. (2012) Beyond the Mother Tongue: The Postmonolingual Condition. New York. Fordham University Press. 306 p.

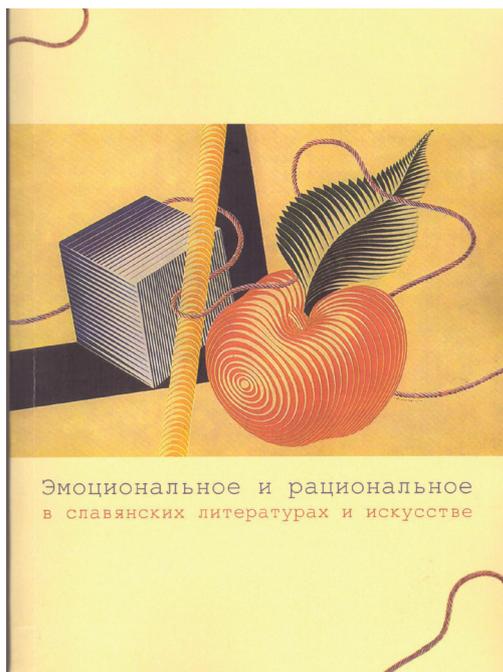
Beecroft A. (2015) An Ecology of World Literature: From Antiquity to Present Day. London; New York. Verso. 312 p.

Even-Zohar I. Polysystem Studies. *Poetics Today*. 1990. Vol. 11. No 1, pp. 1–6.

Сведения об авторе:

Александра Николаевна Красовец,
канд. филол. наук
научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

Aleksandra N. Krasovets,
PhD in Literatur
Research Fellow
Institute of Slavic Studies, RAS
aestas@yandex.ru

В.Г. Моисеева (Москва, Россия)

Эмоциональное и рациональное в славянских литературах и искусстве: сб. науч. трудов / Под ред. Н.М. Куренной и Д.К. Полякова. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. 320 с.

V.G. Moiseeva (Moscow, Russia)

**Emotional and Rational in Slavic Literature and Art:
Collection of scientific papers / Eds.: N.M. Kurennaia, D.K. Polyakova
Moscow. Institute of Slavic Studies RAS . 2022. 320 p.**

Сборник научных трудов «Эмоциональное и рациональное в славянских литературах» был подготовлен и выпущен в свет в 2022 г. Институтом славяноведения РАН. В книгу вошли труды российских и белорусских исследователей, и, как отмечается во введении, «этот факт делает труд особенно ценным, так как позволяет российскому читателю не только познакомиться с разнообразным материалом, но и получить представление о другой исследовательской парадигме», в которой, например, творчество польскоязычных поэтов XVIII–XIX вв. рассматривается как часть многоязычной литературы Беларуси. И это только одна из причин обратить внимание специалистов на данное научное издание.

Эмотиология как направление в литературоведении появилось не так давно и, очевидно, соотносимо с наиболее актуальными тенденциями развития современной литературоведческой мысли, поскольку определяет в качестве основных объектов изучения *автора, читателя и поэтический текст* «в координации эмоционального (сфера личности автора, лирического героя и читателя) и эмотивного (сфера текста)», как пишет в статье, открывающей сборник, С.В. Колядко, автор монографии «Литературоведческая теория поэтической эмоции». Работы, представленные в сборнике, позволяют составить достаточно полное представление о теории и практиках литературоведческой эмотиологии. При этом наряду с литературоведческими исследованиями в книгу включены работы, посвященные изобразительному искусству (Н.В. Злыднева, «Жест в живописи между эмоциональным и рациональным: в свете наследия Н.М. Тарабукина») и кинематографическому (Д.Г. Вирен, «Роман Ольги Токарчук глазам Агнешки Холланд»), что позволяет показать универсальность категорий «эмоциональное» и «рациональное» для разных видов искусства.

Исторический контекст прочтения современных исследований в русле эмотиологии раскрывается в статье Е.А. Певак «Между Аполлоном и Дионисом: художественная и литературно-критическая проза М. Кузмина», где речь идет не только о его манифесте «Эмоциональность как основной элемент искусства», но и о том, как на протяжении XIX в. и в начале XX споры «сенсуалистов» и «рационалистов» возродились, приобретая новую эстетическую и даже политическую окрашенность.

Как видим, эмотиологические исследования представлены в книге в двух срезах – синхроническом, что позволяет увидеть многообразие подходов к художественному материалу, и диахроническом. Это относится и к самим материалам, ставшим предметом исследования. Как отмечают составители сборника: «Для глубокого понимания того, как исторически изменялось отношение к эмоциональности в социуме и эмотивности в художественных текстах *Paх Slavia*, необходимо было обратиться к истокам и основам этой культуры – христианскому художественному канону и христианской иконологии (имеется в виду учение о художественном образе). Подобный исторически-литературоведческий ракурс, основанный на анализе произведений средневековой церковной книжности, полемических, историографических, мемуарно-публицистических памятников эпохи Возрождения, произведений Нового времени, – подтвердил тезис о том, что эмотивность – существеннейшее свойство литературы».

То, что в работах, вошедших в сборник, эмотиологические модели анализа продемонстрированы на материале славянских литератур, является еще одним фактором, определяющим единство того многообразного материала, с которым знакомят нас авторы статей, поскольку, дополняя друг друга, они позволяют увидеть национальную специфику явлений искусства в координации эмоционального и эмотивного.

Основной задаче – представлению эмотиологических принципов литературоведческого анализа с акцентом на национальной специфике рассматриваемого художественного материала – отвечает, на наш взгляд, структура сборника, в котором выделено 6 разделов. В первом даны основные положения различных теорий, связанных с эмоциональностью. В следующих двух предметом рассмотрения является литература XIV–XIX вв. В четвертом разделе «Ресурсы эмотивности и развитие национальных литератур и языков в XX веке» собраны статьи, в которых раскрываются механизмы складывания и совершенствования литературных языков в единстве с развитием средств художественной выразительности в македонской и белорусской литературах определенных периодов на материале поэзии Максима Богдановича (статья А.Г. Шешкен) и произведений Максима Городецкого, а также македонской партизанской лирики (статья Т.А. Кленовой). Пятый раздел посвящен анализу поэтических текстов: авторы обращаются к творчеству Максима Танка и Владимира Жилки (статья С.В. Колядко), П.М. Андреевски (статья П.Д. Гавриловой).

На первый взгляд, из общей структуры «выпадает» шестой раздел, поскольку здесь объединение не временное, а пространственное («Рациональное и эмоциональное в культурах центральной Европы»), но, как поясняют составители, отбор статей определен также тематическим единством, поскольку в них рассматриваются произведения, отражающие переживание травматического опыта, связанного с событиями и ситуацией уже второй половины XX – начала XXI в., т. е.

присутствует и здесь, отметим мы, общий для всего сборника тематико-хронологический принцип структурирования материала.

В аннотации, предваряющей сборник, говорится, что труд адресован специалистам (литературоведам, культурологам, лингвистам, студентам и аспирантам филологических специальностей), а также всем, кто интересуется проблемами современной гуманитарной мысли. Возможность такой широкой адресации определяется, с одной стороны, высокой профессиональной компетентностью авторов и составителей сборника, а с другой – ясностью и в некоторых случаях даже увлекательностью изложения материала. Хотелось бы пожелать, чтобы эта книга нашла своего адресата.

Сведения об авторе:

Виктория Георгиевна Моисеева,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Victoria G. Moiseeva,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
moisvik44@gmail.com

В. Мојсова-Чепишевска (Скопје, РС Македонија)

**Прва историја на македонската книжевност од странски македонист
(Ала Шешкен. Македонская литература XX – начала XXI века.
Очерки истории. Москва: Индрик, 2022. 480 с.)**

V. Mojsova-Chepishvska (Skopje, RN Macedonia)

**The First History of Macedonian Literature by the Foreign Macedonist
(Ala Sheshken. Macedonian Literature of the 20th – Early 21st Centuries.
History essays. Moscow. Indrik Publ. 2022. 480 p.)**

Книгата «Македонская литература XX – начала XXI века. Очерки истории»¹ од академик Ала Шешкен како издание финасиски поддржано од Рускиот фонд за фундаментални, исклучително значајни истражувања како дел од едицијата на овој фонд «Литература XX века» е исклучително значајно остварување на полето на македонската книжевна историја. Пишувана на руски и објавена во годината веднаш по големиот јубилеј – 100 години од раѓањето на Блаже Конески, таа е **прва историја на македонската книжевност од странски македонист**, но и **прва историја на македонската книжевност од руски македонист**. Вистински потфат!

Како што пишува и самата авторка во предговорот, овие книжевно-историски трудови го следат развојот на македонската литература и прецизно ги проследуваат сите етапи низ коишто минува македонската литература почнувајќи од клучната по многу нешта 1880 па сè до 2010 година или во период од скоро век и половина. Таа ги нотира и систематизира, а потоа прегледно ги дава битните точки во развојот на македонската литература како дел од македонската култура и од колективниот, националниот идентитет на близу 500 страница.

Ова нејзино научно-книжевно патување / исчитување следејќи го хронолошкиот принцип е организирано и развиено преку вовед и седум поглавја пришто секое поглавје опфаќа одреден период од развојот на македонската литература. Во Воведот (Введение) и во Првото поглавје (Глава I.) се става акцент на проблемот на нерамномерноста во развојот на одделни национални литератури со посебен акцент на словенските и јужнословенските пришто се детектираат, а потоа се

¹ Книгата имаше дури две промоции, првата во рамките на 55. Летна школа на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура и тоа на 25 август 2022, а втората на отворањето на 49. Меѓународна научна конференција на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура на 4 септември 2022 година. Промотор во двата наврати беше проф. д-р Весна Мојсова-Чепишевска, директорката на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура при Универзитетот «Св. Кирил и Методиј» во Скопје.

коментираат, објаснуваат причините за некои успорени наспрема оние забрзани години и појави од развојот на одделни национални литератури како што е случајот со македонската. Во овие два дела Шешкен оперира со согледби (блиски на нејзините воочувања) на познати лингвисти и книжевни теоретичари и историчари како: Трубецкој, Јакобсон, Ремнева, Кушкин, Богданович, Скерлиќ, Гачев, Ѓуришин, Ѓурчинов.

Второто поглавје (Глава II) го проследува периодот од 1880 до 1945 и во него Шешкен дава вистински стручни исчитувања за **Крсте Петков Мисирков** и тоа во светлината на неговите претходници – браќата Миладиновци, Ѓорѓи(ја) Пулевски, Димитрија Чуповски, Григор Прличев, Рајко Жинзифов, Марко Цепенков (преку еден интензивен дијалог со македонскиот книжевен историчар и филолог Блаже Ристевски и со рускиот македонист Рина Ускова). Оваа голема лингвистичка и книжевно-историска фигура на македонската научна и критичка мисла, Шешкен ја проследува и во светлината на неговите современици со посебен акцент на драматургот и театарскиот уметник Војдан Чернодрински. Во ова поглавје се проследуваат и нејзините промислувања за македонските битовски драматичари, за славната тројка на Скопскиот кралски театар – Васил Иљоски, Антон Панов и Ристо Крле (преку нејзиниот критички дијалог со Александар Алексиев), како и за големиот поет Кочо Рацин прв национален македонски поет (меѓу останатите први како Коле Неделковски, Ацо Караманов, но и Венко Марковски и Никола Јонков Вапцаров), и за оние автори што ѝ даваат национален белег на литературата создавана за време на Втората светска војна (преку нејзиното постојано допишување на македонската книжевна историја на Миодраг Друговац).

Наредните поглавја ја даваат сликата на македонската литература преку декадите, па така, Третото поглавје се задржува на првите десет повоени години како интензивно време во кое се удираат темелите на современата па и на модерната литература во светлината на социјалистичкиот реализам (соцреализмот) преку сериозното исчитување на втемелувачите:

– на современата македонска проза низ призмата на творештвото на Владо Малески, Коле Чашуле, Јован Бошковски, Славко Јаневски;

– на современата македонска поезија со посебен акцент на стиховите на Ацо Шопов (и во овој поглед овие нејзини критички согледби ќе станат особено инспиративни и критичко дијалогични наредната година кога ќе се прослави 100 годишнината од раѓањето на поетот на «небиднината» и «црното сонце»);

– на зачетоците на македонската литературно-критичка мисла.

Четвртото поглавје ги детектира клучните појави со кои македонската литература се придвижува кон модернизмот преку искуството што го остава култната стихозбирка «Везилка» (1955) на Блаже Конески, водејќи постојан критички дијалог со исчитувачите на овој период како Милан Ѓурчинов, Александар Спасов, Георги Старделов, Веле Смилевски, Димитар Солев, Душко Наневски.

Петтото поглавје ги проследува 70-тите и 80-тите на минатиот век како години на едно и жанровско и стилско книжевно многуобразие, па така поезијата е проследена меѓу традицијата и иноваторството, прозата меѓу универзалното и националното (прочитани во творештвото на Живко Жинго, Славко Јаневски, Петре М. Андреевски, Димитар Солев) и драмата преку оној ран модернизам на Коле Чашуле и модернистичко-постмодерниот драмски израз на Горан Стефановски.

Шестото поглавје ја следи литературата на веќе независна Македонија и ги детектира новите тенденции и жанровски и тематски со што таа литература ста-

нува повидлива, попрепознатлива не само во словенскиот, туку и во европскиот книжевен свет.

Седмото поглавје е посебно значајно за потврда на континуирани македонско-руски и/или руско-македонски јазични, книжевни и културни врски. Овој краток преглед на руската македонистика е драгоцен прилог кој покажува колку е долгогодишна и колку е здраво поставена таа руска македонистика и во сферата на науката т. е. на славистиката и на полето на високото образование, и на полето на преводот [Шешкен 2022: 433–452].

Книгата «Македонская литература XX – начала XXI века. Очерки истории» се затвора со заклучните согледби под наслов «Наместо заклучок».

За каков профил на автор се работи покажува избраната библиографија на авторката која следи селектирани трудови на монографии, поглавја во фундаментални истражувања, учебници, истории, прегледи, како и статии во списанија и зборници.

Оваа книжевна историја е пишувана со години. Пишувана и допишувана трпеливо. Таа е пишувана за нас, за професорите, книжевните истражувачи, теоретичари и историчари, но и за студентите и идните македонисти. Напишана на руски, таа е вистински потенцијал за исчитувањето на развојот на македонската литература од страна на професорите, книжевните истражувачи, теоретичари и историчари, но и на студентите русисти и слависти. И кога минатата година (2021) во Македонија излезе нејзината книга «Теми за македонската литература XX век» (Скопје: Дијалог, 2021), не ни помислувавме како книжевна-исторска сцена дека толку скоро, по само една година ќе ја добиеме и **првата историја на македонската книжевност токму од Ала Шешкен**. Влогот е голем. Историјата е пред нас. Останува наредните години оваа издание да се чита и да се користи за потврда, па и за плодни полемики на одредени ставови изнесени во неа. Ама, сега со сето срце можеме да кажеме дека по историите на Миодраг Друговац и Георги Сталев, токму оваа нејзина последна книга «Македонская литература XX – начала XXI века. Очерки истории» може и треба да се чита како **историјата на македонската литература и култура од странски македонист и славист**.

Сведения об авторе:

Весна Мојсова-Чепишевска,
доктор по филолошки науки
Редовен професор
Филолошки факултет «Блаже Конески»
Универзитет «Св. Кирил и Методиј» во
Скопје

Vesna Mojsova Chepishavska,
Doctor of Philology
Professor
“Blaze Koneski” Faculty of Philology
Ss. Cyril and Methodius University in
Skopje

Весна Мойсова-Чепишевска,
доктор филологии
професор
филологический факультет
имени Блаже Конески
Университет св. Кирилла и Мефодия
vesnamojsova@hotmail.com

Е.А. Певак (Москва, Россия)

Вега Мария (Волынцева [Ланг] М.Н.) Бронзовые часы: Роман в 2-х частях / Посл. М.В. Михайловой и А.Н. Кравцова. М.: Водолей, 2022. 608 с.

Е.А. Pevak (Moscow, Russia)

Vega Maria (Volyntseva [Lang] M.N.) Bronze Clock: A Novel in 2 parts / Afterword by M.V. Mikhailova and A.N. Kravtsov. Moscow. Vodolej. 2022. 608 p.

Русское литературное зарубежье изучено как будто вдоль и поперек. Ни одного белого пятна не должно было бы остаться при таком пристальном внимании к судьбе русского искусства, раскинувшего сеть над чужими странами и народами и самого же в этой сети запутавшегося. Как запутались, потерялись в прошлом те, кто с этим русским искусством был связан незримо, но чрезвычайно прочно. И неважно, кто погружается в былое – Набоков, Бунин или мало кому известная писательница, создающая свой русский мир, – женский мир, уютный и душный, светливый, порочный и благостный. И в центре этого мира сестры, которые, как парки, плетут нити своих и чужих судеб.

Прозой поэта эти картины жизни, пожалуй, не назовешь: слишком многое в них связано с традицией русской прозы, и местами слышится то что-то из лесковских «Рассказов кстати», а то из «Анны Карениной» или из «Подростка», хотя обитатели этого мира к разряду поклонников «жесточкого таланта» не относятся, как далеки они и от Л. Толстого. И Тургенев с *ни-ги-ли-ста-ми* им едва ли интересен. Вообще этот мир – мир света и полусвета, мир театрального закулисья – политические и философские споры обходят стороной, оставаясь на периферии насыщенной житейскими радостями, горестями, маленькими победами и трагедиями жизни актрис императорского театра. Будущим читателям стоит забыть о снобизме и отнестись к автору серьезно, чтобы не пропустить в калейдоскопе ее собственных и чужих «воспоминаний» ряд интересных и заслуживающих внимания суждений о мечтах и действительной жизни, о жизни и смерти. Построено повествование затейливо, с неожиданными переходами от участников к слушателю семейных историй, с чередованием наивных рассуждений молоденьких актрисок и иронических (местами с переходом в саркастические – в отношении бытующих сословных предрассудков) пассажей, скупое, сдержанное и при этом выразительно написанных сцен смерти, даже не столько самих этих сцен, сколько расходящихся от них волн, накрывающих всех домочадцев: детей, нянек, домашних учителей.

Автору удается совмещать в своих произведениях несколько разных миров, и каждому из них давать яркую характеристику, которая строится на колоритных персонажах, одинаково четко выписанных, кто бы то ни был: гвардейский офицер, Министр Двора, старая графиня – или Африкан Африканович, Платонида с Астафушкой, свита Асеньки, Александры Карловны Клодель, вокруг которой кружит повествование, во второй части перетекающее уже в историю жизни ее потомков, о чем рассказывает внучка, Муся. И история обитателей дома Ветошкина, начавшаяся в XIX в., завершается в «новой, вздыбленной, взвихренной России».

Особо отметим развернутое послесловие – ««Далекая и смутная прапамять»: неожиданные мемуары Марии Веги», написанное М.В. Михайловой в соавторстве с А.Н. Кравцовым. Здесь читатель найдет исчерпывающую информацию и о писательнице и о ее двухчастном романе: «Бронзовые часы» и «Бродячий ангел». Разбитый на подглавки 42-страничный текст, наряду с биографическими сведениями, содержит интересный анализ писательской манеры Марии Веги, отражающий такие черты ее прозы, как «монтажное в один фрагмент текста разных временных пластов», не нарушающее цельности повествования; интертекстуальность, выражающуюся в проникновении в ткань ее романов «теней» и реалистического, и акмеистического прошлого нашей литературы. В отдельных главах рассматриваются «театр как мотив», женские («Женская душа») и мужские персонажи, специфика детского восприятия мира, – и, конечно же, образ матери, тема Дома, Мира и Петербурга.

В своем разборе авторы послесловия устанавливают множество параллелей, связывающих романы Веги с литературной традицией XIX–XX вв., но отмечают отличающую ее прозу особенность – отталкиваясь от документальной основы, уходить в вымышленный, беллетризованный мир. «Она жила, – завершают свой разбор авторы послесловия, – как сама выражалась, на “этой неудобной и прелестной планете”. “Неудобным” было настоящее, “прелестным” всегда выступало прошлое, над которым можно было колдовать, переименовывать его по своему разумению».

Сведения об авторе:

Елена Александровна Певак,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena A. Pevak,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
epevak@yandex.ru

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2022-56-6-1-164

STEPHANOS
2022
№ 6 (56)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2022
Ноябрь — November